

Ш1
М825

ПУБЛИКАЦИИ ОСИПЛ ● СЕРИЯ МОНОГРАФИЙ ● ВЫПУСК 10

А. Е. КИБРИК

МЕТОДИКА
ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

(к постановке проблемы)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1972

А. Е. КИБРИК

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ПУБЛИКАЦИИ
ОТДЕЛЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

СЕРИЯ МОНОГРАФИЙ

Под общей редакцией В. А. Звегинцева

ВЫПУСК 10

МЕТОДИКА
ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1972

166

М 825

В работе рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой полевого исследования малоизученных языков, определяется место полевой лингвистики в теоретическом и прикладном языкоznании. Особое внимание уделено предварительной подготовке к полевому исследованию ("нулевому циклу"), разработке типологических анкет и тестов для эффективного обнаружения специфических черт изучаемого языка на различных уровнях. Специально отражен также вопрос об организации самого полевого исследования, о работе с информантом и о принципах сбора первичных лингвистических данных.

Работа представляет интерес для лингвистов, интересующихся проблемами описательной лингвистики и типологией языков.

176188

БИБЛИОТЕКА
НГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена одному из наиболее традиционных и одновременно одному из наиболее замалчиваемых разделов описательного языкоznания — полевой лингвистике. С ситуацией полевого лингвистического исследования мы имеем дело, когда лингвист описывает язык, на котором он, во всяком случае в начале исследования, не умеет говорить и которым практически не владеет, наблюдая за речью говорящих на этом языке, как правило в естественной речевой среде.

Особенно сильна традиция полевого исследования в американской лингвистике; почти все теоретики американского языкоznания занимались изучением малых (или как их иногда неоправданно называют, "экзотических", "примитивных") языков: Ф.Боас, Л.Блумфильд, Э.Сепир, Б.Уорф, Дж.Трейджер, Б.Блох, М.Сводеш, К.Пайк, Е.Найда, Г.Глисон, Дж.Гринберг. Многие крупные русские языковеды также отдали дань полевой лингвистике: М.А.Кастрен, П.К.Услар, В.Г.Богораз, Л.Л.Штернберг, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.Ф.Яковлев, Е.Д.Поливанов, А.Н.Генко, И.И.Зарубин, Л.И.Жирков, Л.В.Шерба, П.С.Кузнецов и др.

Фактически почти все исследования бесписьменных малых языков, а также диалектов проводятся в полевых условиях. На основе полевых исследований в двадцатые—тридцатые годы была создана письменность более чем для сорока народностей Севера, Средней Азии и Кавказа, создаются обширные грамматики многих бесписьменных и младописьменных языков народов СССР. Более того, в ряде исследований подвергаются детальному рассмотрению некоторые частные вопросы слабоизученных языков. Широк размах диалектологических исследований, в первую очередь русского, но также и многих других языков. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков, не имеющих письменной традиции, также ведется с привлечением результатов полевой работы.

Несмотря на большой накопленный опыт практической полевой работы, отечественной литературы, посвященной технике полевого исследования, практически нет. За рубежом также почти отсутствуют обобщающие работы такой тематики. В некоторой степени восполнить этот пробел призвана настоящая публикация. Следует, правда, оговориться, что она никоим образом не претендует на сколько-нибудь полное и всесто-

роннее описание всей проблематики полевой лингвистики. Это невозможно как ввиду объема работы, так и из-за недостаточного опыта автора. Работа является в основном обобщением его личных наблюдений, сделанных во время нескольких экспедиционных исследований языков народов СССР: лакского (1967), арчинского (1968, 1971), шугнанского (1969), хиналугского (1970, 1971), и алюторского (1971). Целью работы является, во-первых, определить место полевой лингвистики в общеязыковедческой проблематике, показав, как она тесно связана со многими другими дисциплинами и в какой степени нуждается в их помощи и как ее результаты важны для общетеоретических исследований (первая глава); во-вторых, наметить контуры задач, которые встают перед началом полевого исследования, и показать, крайне фрагментарно, как они могут решаться (вторая глава), и, в-третьих, описать компоненты полевой работы как таковой; ее основные этапы, взаимодействие с носителями языка, сбор лингвистических фактов (третья глава).

Сознательно исключены из рассмотрения безусловно важные и сложные вопросы, связанные с окончательным описанием языка, являющимся результатом полевых исследований, так как эти вопросы выходят за пределы собственно полевой работы, определяя общенлингвистическое мировоззрение исследователя.

Пользуясь случаем, приношу благодарность руководству филологического факультета МГУ и кафедры структурной и прикладной лингвистики, способствующему проведению полевых исследований, в которых я принимал участие; всем моим многочисленным коллегам по экспедициям — сотрудникам и студентам отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, без творческого общения с которыми данная работа не была бы возможной; а также всем информантам, работа с которыми позволила практически представить реальную специфику и трудность полевой работы. Выражаю благодарность всем ознакомившимся с рукописью и своей критикой помогшим мне исправить ряд ее недостатков, в особенности Б.Ю. Городецкому, В.А. Звегинцеву, Вяч. Вс. Иванову, С.Д. Кацнельсону, Г.А. Климу, С.В. Кодзасову, В.И. Чинциус.

Глава 1

МЕСТО ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРИКЛАДНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Summary

In spite of the great progress in theoretical linguistics which has considerably changed our knowledge of language in the last decades, the situation in respect of investigation of particular languages remains at a level which is disproportionately low for the immense number of living human languages and for the great abundance of the empirical facts that have not yet been taken into consideration by linguistics. Most of the languages in the world are unwritten and may be studied only "in the field". By "field" linguistics a specific investigational situation is meant when the student has no linguistic competence in the target language, and the native speaker constitutes the only source of information about the language.

Field linguistics is determined by a complex of basic principles which relate it to other linguistic disciplines: (1) methods of language description (the theory of linguistics); (2) methods of discovering grammatical facts (deciphering procedures); (3) hypotheses about properties of language (typology and the theory of linguistic universals); (4) the technique of eliciting linguistic information from the native speaker (psycholinguistics); (5) methods of practical teaching of the target language (the theory of children's speech and methods of teaching a foreign language).

Field linguistics is testing ground for linguistic theories, it provides linguistics with new and necessary material about languages and their properties, and requires the solution of numerous questions which theoretical linguistics cannot answer yet. At the same time field linguistics is an independent "applied" branch of linguistics with a set of problems and methods of its own. Its theoretical grounds must be adequate to the achievements of modern theory of language.

§ 1. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ МАЛООПИСАННЫХ ЯЗЫКОВ

Число языков, на которых сегодня говорит население земного шара, довольно велико. Лингвистика не располагает точными данными, но приблизительные цифры, на которые можно натолкнуться в литературе, колеблются от 2.5 до 7 тысяч¹. (Только в пределах Советского Союза насчитывается более ста языков²). При этом языков, на которых говорит более миллиона человек, — всего около 150³, а для половины населения земного шара родным языком является один из восьми наиболее распространенных языков⁴, из которых три⁵ — государственные языки более чем для половины человечества. Этим языкам противопоставлен значительно более внушительный класс языков, которые обслуживают очень малочисленные группы людей. При этом основные усилия лингвистов направлены на изучение языков, пользующихся историческим, политическим и социальным престижем; более того, все общие лингвистические концепции, как правило, базируются на фактах, добывших из этой горстки привилегированных языков (относящихся в своем большинстве к индоевропейской семье), а море лингвистических фактов, которыми изобилует остальная часть языков мира, или вообще не зафиксировано, или почти не принимается во внимание теорией языка. Изучение этих языков находится в таком состоянии, что вряд ли на каждый из них придется в среднем по одному исследователю. Небезынтересно отметить, что несмотря на большую проделанную работу, о которой говорилось в предисловии, только в пределах Советского

¹ W. Samarin, *Field linguistics. A guide to linguistic field work*. Holt, Rinehart, and Winston, 1967, p. 8.

² См.: М.И.Исаев, *Сто тридцать равноправных*. М., 1970. В пятитомной серии "Языки народов СССР" (М., 1966—1968) описано 127 языков.

³ В СССР — 17, в зарубежной Европе — 26, в Азии — порядка 70, в Африке — порядка 30, в Америке — из неевропейских только два языка; кечуа и аймара. (Источник сведений — справочник "Население Земного шара", М., 1965).

⁴ Это следующие языки (в порядке убывающей численности их носителей): китайский, английский, испанский, хинди, русский, японский, португальский, немецкий; непосредственно за этой восьмеркой следуют: арабский, французский, итальянский, яванский.

⁵ Китайский, английский, хинди.

Союза около 30 языков пока что⁶ не имеют ни одного монографического описания.

По целому ряду социальных причин постоянно происходит вытеснение "малых" языков "большими", что приводит к усиленному разрушению первичной системы "малого" языка под влиянием социально более сильного контактирующего языка (ср. влияние азербайджанского на хиндуистский, таджикского на шугнанский языки), а некоторые "малые" языки находятся на грани вымирания (например, ливский, ительменский, керекский, алеутский, некоторые диалекты эскимосского). Если с общесоциальной точки зрения исчезновение "малых" языков — явление положительное (языковая раздробленность мешает общению и тем самым объединению людей в крупные социальные группировки — в связи с этим постоянно ставится вопрос о целесообразности единого языка для всего населения земного шара⁷), то с точки зрения лингвистики — это бедствие, так как исчезновение неописанных или непролно описанных языков — невосполнимая потеря, утрата таких языковых фактов, которые могут оказаться бесценными для будущих поколений лингвистов. Вместе с тем описание современного состояния бесписьменных малоизученных языков, которым исчезновение в настоящее время не грозит, тоже лингвистически очень ценно, так как фиксация их нынешнего состояния, в связи с неизбежностью постоянного изменения языков, будет важна для последующих исследователей⁸. Кроме того, изучение неописанных языков важно не только для будущего лингвистики, но также и для ее настоящего, как это мы постараемся показать ниже.

Как правило, такие языки не имеют собственной лингвистической традиции и могут в настоящее время описываться лишь лингвистами, не являющимися носителями этих языков.

⁶ По состоянию на 1966—1968 гг., когда был издан пятитомный труд "Языки народов СССР". С каждым годом число таких языков уменьшается.

⁷ См., например: Э. Свадост. *Как возникнет всеобщий язык?* М., 1968.

⁸ Мы знаем, например, как дороги сейчас для сравнительно-исторического языкоznания любые сохранившиеся памятники мертвых языков, а также синхронные срезы ранних состояний существующих ныне языков.

§ 2. ПОЛЕВАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК РАЗДЕЛ ОПИСАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Комплекс лингвистических методов, направленных на самостоятельное творческое (а не ученическое — по грамматикам и учебникам) изучение и описание живого языка, не являющегося родным для исследователя, принято называть полевой лингвистикой. Такое изучение может преследовать весьма разнообразные цели: язык может изучаться целиком или фрагментарно, теоретически или практически, сам по себе или сопоставительно, синхронически или диахронически и т. д. Независимо от конкретной цели, эмпирической базой всякого полевого исследования является синхронное состояние языка. Поэтому можно сказать, что полевая лингвистика по объекту исследования, а часто и по конечной цели относится к описательному синхроническому языкоzнанию (не отождествлять с дескриптивной лингвистикой!), направленному на изучение конкретных языков, т. е. такому языкоzнанию, которое устанавливает некоторое соответствие между реальным языком (или его частью) и приписываемой этому языку грамматикой (моделью языка)⁹. При любом таком исследовании сам язык не дан исследователю в непосредственном наблюдении, являясь идеальным объектом изучения. Наблюдать могут лишь конкретные речевые высказывания, представляющие собой реализацию языковой компетенции говорящих—слушающих, владеющих данным языком. Основными объектами всякой мыслимой лингвистической описательной деятельности можно считать: предмет исследования (язык), который мы будем называть языком-объектом, объект наблюдения (тексты или, как мы будем их называть — данные¹⁰) и продукт исследования (модель язы-

⁹ При таком противопоставлении языка и грамматики под языком понимается некоторое независимое от воли и сознания людей реально существующее устройство, находящееся в мозгу говорящих, которое позволяет им производить и понимать высказывания, определяемые этим устройством, т. е. язык — это компетенция говорящих—слушающих по терминологии Н. Хомского. Грамматика — это искусственно конструируемое устройство, являющееся в некоторых отношениях аналогом языка.

¹⁰ Под текстом понимается здесь и ниже (за исключением § 3. 2 главы 3) речевое высказывание неопределенной длины, будь то слово, предложение или целое повествование. Тексты—данные существуют независимо от исследователя. Коллекции данных, специально собранных исследователем с целью научного рассмотрения, мы будем называть корпусом (данных).

ка-объекта, называемая обычно грамматикой). Различные виды описательной синхронической лингвистики отличаются по характеру взаимоотношения исследователя с языком-объектом, как показано на схеме 1.

На схеме 1А представлен предельный случай, когда создается видимость "непосредственного общения" исследователя с языком-объектом, а данные как будто бы отсутствуют. На самом деле, в этом случае мы имеем "интроспективный" метод исследования, основанный исключительно на самооблюдении. Язык-объект известен исследователю (относится к его компетенции), который сам является "генератором" данных на этом языке и строит лингвистическое описание, опираясь на таким образом добывшиеся данные. Этот метод исследования часто подвергался методологическим нападкам, особенно в пору господства дескриптивистского подхода к изучению языка¹¹, не признававшего объективной значимости лингвистических самооблюдений.

Наиболее традиционный метод описательной лингвистики представлен на схеме 1Б, при котором исследователь, владеющий языком-объектом, имеет некоторый корпус независимо полученных данных, подвергающихся изучению. (Назовем этот метод аналитическим). В отечественной лингвистике этот метод широко представлен, например, работами, основанными на материале анализа языка художественных произведений. Дескриптивная лингвистика постулировала также возможность изучения неизвестного исследователю языка, используя лишь некоторую случайную выборку текстов, хотя нам неизвестны практические реализованные удачные образцы такого рода исследований, и существуют большие теоретические сомнения в их возможности¹².

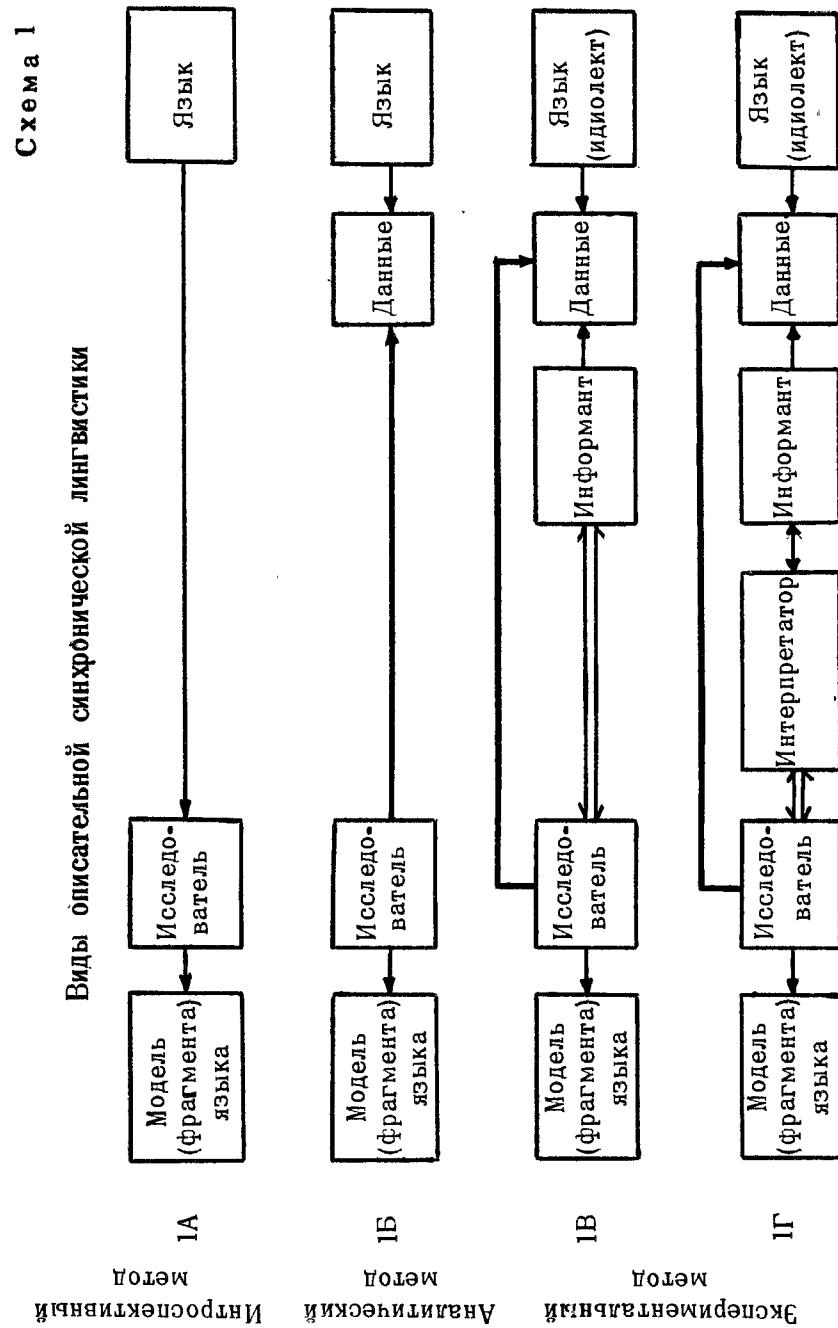
Следует иметь в виду, что в случае, когда исследователь является носителем языка-объекта, он может совмещать ана-

¹¹ Ср. также горячие споры о ментализме порождающей грамматики: N. Chomsky. *Aspects of the theory of syntax*. Massachussetts, 1965, p. 193.

¹² Нообще говоря, отдельные попытки фрагментарного описания имеются, например: L. Bowman. *An attempt at an analysis of Modern Yucatec from a small corpus of recorded speech*. "Anthropological linguistics", 1 (4), 1959, pp. 43–86, но в работе нет никакого подтверждения, что проведенный анализ правилен, и сам автор надеется лишь на частичное совпадение с истинными фактами изучаемого языка.

Схема 1

Виды описательной синхронической лингвистики

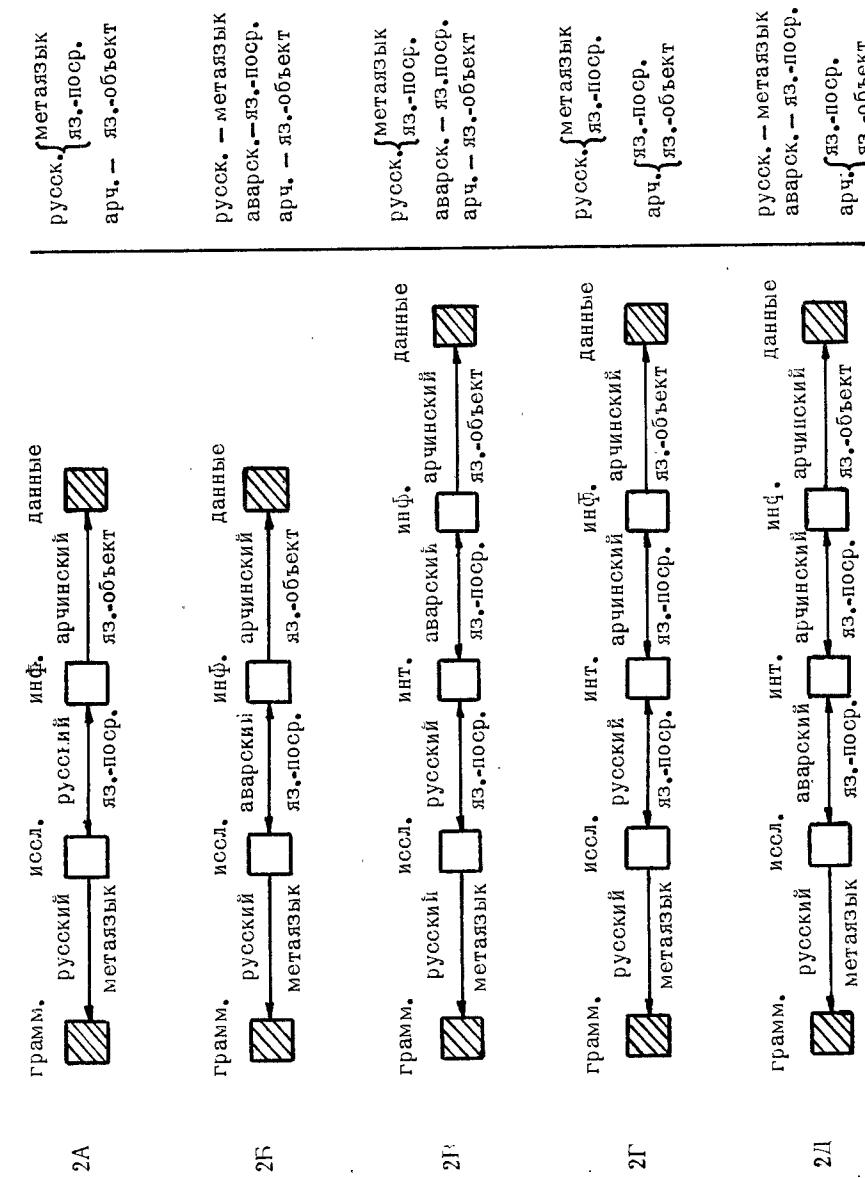

литический метод с интроспективным, что обычно и делается, хотя, как правило, не проводится различие между фактами, полученными из корпуса данных, и фактами, добытыми интроспекцией. Среди полевых лингвистов существует точка зрения, что язык может быть хорошо описан лишь в том случае, если исследователь его настолько знает, что может быть собственным информантом, то есть признается истинно научным лишь сочетание способов изучения 1А и 1Б (подробнее см. об этом ниже).

На схеме 1К в качестве "генератора" данных на языке-объекте используется отличный от исследователя носитель этого языка (информант), который является основным исследовательским "инструментом" лингвиста, разумно пользуясь и управляя которым, лингвист добывает интересующие его факты о языке-объекте. Информант при этом мыслится не как независимый от исследователя, неуправляемый "генератор" данных, а как средство получения информации заданного исследователем вида. Такой метод можно назвать "экспериментальным"¹³. В рамках экспериментального метода, также как и при аналитическом методе (но не интроспективном!) существуют две возможности: 1. язык-объект известен исследователю, и 2. неизвестен. В первом случае лингвист, как и в случае 1Б, может и практически всегда использует также интроспективный метод в качестве дополнительного. Экспериментальный метод изучения родного языка широко развит в психолингвистике; более того, если самонаблюдение является четко и операционно сформулированным принципом исследования, такая интроспективная методика может по праву также быть названа экспериментальной: для экспериментального метода тот факт, что исследователь и информант совмещены в одном лице, является внешним обстоятельством. В случае, когда язык-объект предварительно неизвестен исследователю, имеется такая ситуация, с которой приходится сталкиваться в условиях полевой работы. В некоторых случаях при этом между исследователем и информантом стоит еще один человек-интерпретатор, как это представлено на схеме 1Г. Это оказывается необходимым, если

Схема 2

Взаимоотношения языка-посредника, языка-объекта и метаязыка в полевой работе

¹³ Ср. аналогичную классификацию в работе К.Д.Апресяна. *Экспериментальное исследование семантики русского языка*. М., 1967, стр. 20–23.

между исследователем и информантом нет общего языка, с помощью которого исследователь мог бы контролировать и стимулировать получаемые данные. В этом случае интерпретатор является переводчиком между исследователем и информантом. Специфика полевой работы требует различения языка, на котором говорит информант и который подвергается исследованию (язык-объект), языков общения между информантом, исследователем и интерпретатором (язык-посредник) и языка, средствами которого дается описание языка-объекта (метаязык). (Следует помнить, что хотя практически в качестве метаязыка обычно используется родной язык исследователя, это не всегда имеет место, в частности, исследователь может использовать несколько метаязыков). Различные комбинации возможностей использования языков в различных функциях в полевых условиях представлены на схеме 2 (на примере различного использования русского, аварского и арчинского языков).

Итак, появление полевой лингвистики как метода исследования связано не с внутренними (зависящими от объекта исследования), а с внешними (зависящими от сложившейся исследовательской ситуации) причинами. Говоря кратко, под полевой лингвистикой, в широком смысле, мы понимаем специфическую исследовательскую ситуацию, когда исследователь не располагает языковой компетенцией относительно языка-объекта¹⁴ и единственным источником сведений о языке-объекте является носитель этого языка. Термин "полевая лингвистика" можно интерпретировать также в узком смысле: он возник в связи с тем, что обычно такая лингвистическая деятельность протекает в полевых условиях, вдали от места постоянной работы лингвиста, и, что особенно существенно, в естественной языковой среде, где данный язык-объект используется как основное средство общения между людьми. И дальнейшем мы будем исходить из узкого понимания полевой лингвистики, как более содержательного (хотя несколько не отрицаем более широкого ее толкования): все применимое к широкому пониманию полевой лингвистики применимо и к узкому, но не наоборот.

¹⁴ Из сказанного выше ясно, что если включать в полевую лингвистику и такие исследования, при которых исследователь владеет языком-объектом, то полевая лингвистика практически сольется с экспериментальным методом.

§ 3. МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ, СВЯЗЬ ЕЕ С ДРУГИМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

Итак, полевая лингвистика обязана своим существованием тому факту, что возникает ситуация, когда язык описывается не самим носителем этого языка, а исследователем, который, как правило, на начальной стадии знакомства с этим языком ничего или почти ничего о его свойствах не знает. Полевой лингвистике, которая, вообще говоря, является одной из существенных и исторически давно сложившихся частей языкоznания, в лингвистической литературе уделяется прискорбно мало внимания. Исследователь, решивший заняться изучением незнакомого ему языка с целью его научного описания, сталкивается с неожиданной проблемой — отсутствием явно сформулированных принципов, как это делать. Между тем, исследовательская ситуация, когда лингвист не владеет языком-объектом и единственным источником сведений об этом языке являются люди, говорящие на нем — весьма специфична. Она предполагает наличие по крайней мере следующих явно сформулированных исходных принципов, необходимых для осознанной исследовательской деятельности:

- (1) Методы описания языка-объекта.
- (2) Методы обнаружения грамматических фактов.
- (3) Гипотезы о свойствах языка вообще.
- (4) Методы извлечения лингвистической информации у информанта.

(5) Методы практического обучения языку-объекту.

Несмотря на то, что все эти вопросы должны быть подвергнуты самостоятельному изучению и переосмыслены в соответствии с задачами, поставленными именно полевой лингвистикой, очевидно, что они являются общими с проблемами, решаемыми в смежных лингвистических областях, и поэтому полевая лингвистика должна воспользоваться достигнутыми в них результатами. Представим связь (возможно, далеко не полную) полевой лингвистики с другими лингвистическими дисциплинами на схеме 3 (следует подчеркнуть, что связи, существующие между дисциплинами, в некоторых случаях крайне тесные, мы никак на этой схеме не представляем).

Как мы видим, полевая лингвистика пересекается со многими принципиально важными для современной теории языка дисциплинами, не совпадая по целям и методам ни с

одной из них. Существенно, что почти все лингвистические дисциплины, связанные сходством методов с полевой лингвистикой, научно оформились совсем недавно (исключение составляют педагогика и теория грамматики, хотя последняя постоянно претерпевает весьма серьезные изменения). Поэтому неудивительно, что теоретическому обоснованию полевой лингвистики уделялось так мало внимания: хотя полевая лингвистика вместе со всеми вопросами методического характера существует довольно давно, эти вопросы не только не решались, но в явной форме и не ставились, так как не были подкреплены сходной проблематикой других, не оформившихся еще лингвистических дисциплин и не могли быть сформулированы с общетеоретической точки зрения.

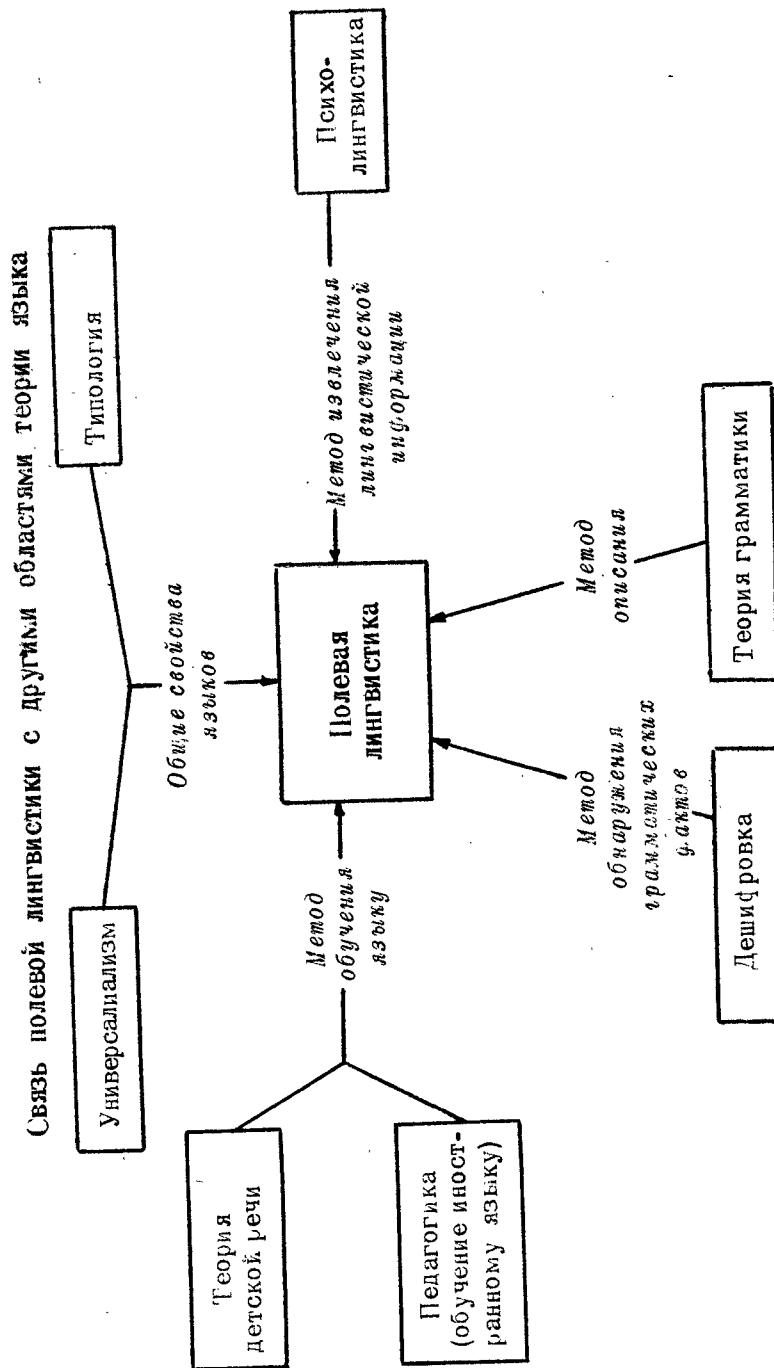
Рассмотрим вкратце через сходство методов связь полевой лингвистики с другими областями языкоznания.

(1) **Методы описания языка.** Конечной целью изучения неизвестного языка-объекта, естественно, является создание его научного описания. Методология описания языка—прерогатива теории грамматики¹⁵, и, надо сказать, состояние ее весьма ощутимо сказывалось на результатах полевых исследований. Можно утверждать и обратное—именно полевая лингвистика в определенные периоды развития языкоznания стимулировала коренной пересмотр взглядов на язык. Развитый пример этого—влияние работ, связанных с изучением индейских языков, на становление плодотворного структурального течения—декриптивной лингвистики¹⁶. Можно отметить также выдающиеся, но, к сожалению, неоцененные по достоинству пионерские работы других полевых исследователей, которых практика полевой работы заставляла отходить от взглядов на язык, распространенных в современной им теоретической лингвистике, и строить свои описания на другой теоретической платформе, более соответствующей стоявшим перед ними задачам. Среди таких крупных полевых лингвистов, опередивших уровень теории языка своего времени, можно назвать П. К. Услара, давшего блестящие опи-

¹⁵ Данный термин употребляется здесь расширительно, в применении ко всем уровням описания языка, включая, в частности, и семантику, которая в современных лингвистических теориях занимает почетное место в системе описания языка.

¹⁶ Ср.: Г. Хонер. *Антропологическая лингвистика. "Новое в лингвистике"*, вып. IV. М., 1965, стр. 236—237.

Схема 3

сания ряда кавказских языков¹⁷, которые почти за сто лет не только не потеряли своей научной ценности, но и фактически не были превзойдены по обстоятельности, точности и полноте позднейшими описаниями.

Тесная связь полевой лингвистики с теорией грамматики объясняется тем, что главной задачей последней как раз и считается формулирование требований, предъявляемых к грамматике любого языка, и создание аппарата описания, позволяющего эти требования выполнить¹⁸. Полевая лингвистика дает возможность наглядно апробировать такой аппарат, так как лингвист, не являясь носителем изучаемого языка, не может строить описание, опираясь на свою внутриязыковую интуицию, и вынужден более строго применять критерии соответствия исследуемых в языке объектов понятиям, используемым в теории. При этом все формальные недостатки теории весьма скоро становятся очевидными. Поэтому, в свою очередь, полевая лингвистика предъявляет свои требования к теории грамматики, которые должны способствовать ее развитию. "Тогда каждый новый язык при тщательном его анализе обнаруживает те или иные феномены, которые не могут быть адекватно трактованы в терминах существующих концепций и которые, тем самым, открывают недостатки и слабые места в теории и побуждают ее к дальнейшему совершенствованию"¹⁹. "... самой решающей проблемой для лингвистической теории представляется извлечение утверждений и обобщений из конкретных описательно-адекватных грамматик и везде, где это возможно, соотнесение их с общей теорией лингвистической структуры, обогащая таким образом эту структуру и внося большую структурность в схему грамматического описания"²⁰.

Думается, что необходимо обогащение методов исследования и построения грамматики современными лингвистич-

¹⁷ См., например: П.К.Услар. *Аварский язык*. "Этнография Кавказа. Языкознание", т. III, Тифлис, 1889; П.К.Услар. *Лакский язык*. "Этнография Кавказа. Языкознание", т. IV, Тифлис, 1890; П.К.Услар. *Хоркилинский язык*. "Этнография Кавказа. Языкознание", т. V, Тифлис, 1892.

¹⁸ См.: Г.Глисон. *Введение в дескриптивную лингвистику*. М., 1959, стр. 27–29.

¹⁹ F.Lounsbury. *Field methods and techniques in linguistics*. In: A.L.Kroeber et al. "Anthropology today". Chicago, 1953, p. 408.

²⁰ N.Chomsky. *Aspects...*, p. 46.

кими теориями, эффективность которых применительно к свежему языковому материалу, в свою очередь, будет тем самым проверена и оценена.

(2) **Методы обнаружения грамматических фактов.** На начальной стадии при полевом изучении языка-объекта и высказывания на этом языке непонятны, и грамматика его неизвестна. Этим ситуация в полевом исследовании принципиально отличается от ситуации, когда применяется некоторая теория грамматики к уже известному материалу (например, к фактам русского и английского языков, многократно описывавшимся).

В этой ситуации надо не только хорошо построить грамматическое описание, но и обнаружить все необходимые для этого лингвистические факты, т. е. элементы грамматики языка-объекта надо еще "открыть". В связи с этим, работа исследователя, изучающего незнакомый ему язык, является частным случаем дешифровки. Первичное условие всякой дешифровки – наличие текстов на изучаемом языке. Методы и возможности дешифровки определяются также тем, имеются или отсутствуют дополнительные сведения, из которых важнейшими для дешифровки являются следующие:

(а) Известен ли тип элементарных единиц, которые используются на уровне субстанции выражения языка-объекта, т. е. известно ли, на какие предельные единицы и как можно расчленить тексты языка-объекта: звуки человеческого голоса, буквы-фонемы, буквы-логи, буквы-слоги, буквы-слова и т. п.).

(б) Имеется ли язык-посредник, на который переведены или могут быть переведены тексты языка-объекта (этот язык может в некоторых случаях совпадать с языком исследователя или языком-объектом).

(в) Задана ли внеязыковая ситуация, описываемая текстом (на некотором более абстрактном уровне внеязыковую ситуацию тоже можно считать текстом на языке-посреднике²¹, но специфичность такого языка-посредника слишком очевидна).

Все эти сведения взаимонезависимы, поэтому можно, исходя из их наличия или отсутствия у исследователя (на начальной стадии дешифровки), представить следующую классификацию типов дешифровки (см. схему 4).

²¹ Такое расширительное понимание текста, содержится, например, в работе К.Пайка: K.L.Pike. *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior*. Mouton and Co, 1967.

Разумеется, по мере изучения языка незнание может перейти в знание, и тогда тип дешифровки изменится (например, минусы в первой колонке могут быть на некотором этапе дешифровки заменены плюсами)²².

Полевая лингвистика в том виде, который ей придают в настоящее время практические потребности, относится к первому и реже ко второму типу дешифровки (двухязычный иmonoязычный подходы). Несмотря на довольно широкий спектр представленных на схеме 4 типов дешифровки (ср. типы 1 и 8) и несомненное наличие своих специфических приемов, используемых в каждом из них, естественно ожидать и общих моментов, связанных с методами обнаружения грамматики языка-объекта. Полевая лингвистика, используя результаты теории дешифровки, думается, также обогатит своими приемами²³ и самое эту теорию.

Представляется существенным разграничение этапа обнаружения грамматических фактов и этапа их описания. Несмотря на то что, с одной стороны, невозможно построить описание языка-объекта, не обнаружив определенной совокупности фактов, и с другой, исчерпывающее обнаружение всех существенных с грамматической точки зрения фактов вообще говоря невозможно до начала построения грамматики языка-объекта (см. об этом в § 1.4 главы 3), коллекция грамматических фактов еще не есть грамматическое описание (одной и той же совокупности фактов могут соответствовать различные описания)²⁴, хотя на практике иногда наблюдается подмена второго первым.

(3) Гипотезы о свойствах языка вообще. На изучение неизвестного языка немаловажное (впрочем, далеко не всегда осознанное) влияние оказывают представления исследователя о свойствах языка вообще. Во времена господства классической теории грамматики, восходящей к античному образцу,

²² Так, проблема дешифровки крито-миценского линейного письма Б в момент нахождения Эвансоном глиняных табличек относилась к 8-му типу (все три минуса); после исследований Алисы Кобер, установившей слоговой характер письма, — к типу 4, а после принятия Вентрисом гипотезы о том, что тексты, записанные этим письмом, относятся к греческому языку, — к типу 3, после чего эти тексты были дешифрованы.

²³ Имеется попытка создания "открывающих процедур" на основе тагмемной теории: R. E. Longacre. *Grammatical discovery procedures: field manual*. The Hague, Mouton and Co., 1964.

²⁴ Ср.: А. Е. Кибирк, С. В. Кодзасов, И. П. Оловянникова. *Документы грамматики хиндуистского языка*. М., 1972, Заключение.

Схема 4

№ п/п	Известен тип элементарных единиц смысла в выражении	Наличие языка-посредника	Знание внешнекультурной ситуации	Приемы			
				Изучение языка в устной форме с помощью двухязычного информанта в его родной среде,	Изучение языка в устной форме с помощью одноязычного информанта в его родной среде,	Дешифровка текста известной системы письма, но неизвестной цивилизации с помощью билингвы ¹ ,	Дешифровка текста известной системы письма, но неизвестной цивилизации без помощи билингвы ² .
1	+	+	+	+	+	—	Изучение языка в устной форме с помощью одноязычного информанта в его родной среде,
2	+	—	—	—	—	—	Изучение языка в устной форме с помощью одноязычного информанта в его родной среде,
3	+	+	—	—	—	—	Дешифровка текста известной системы письма, но неизвестной цивилизации с помощью билингвы ¹ ,
4	+	—	—	—	—	—	Дешифровка текста известной системы письма, но неизвестной цивилизации без помощи билингвы ² .
5	—	—	—	—	—	—	Изучение языка (известной субстанции) с помощью двухязычного информанта в его родной среде ³ .
6	—	—	—	—	—	—	Дешифровка с помощью билингвы текста неизвестной системы письма и неизвестной цивилизации ⁴ .
7	—	—	—	—	—	—	Изучение языка ребенком ⁵ .
8	—	—	—	—	—	—	Изучение языка животных, живых существ других миров ⁶ .

Примечания: ¹ Распространенный тип так называемых дешифровочных лингвистических задач (см. Б.Ю. Городецкий, А.Е. Кибирк, А.К. Поливанова, Т.Б. Раскин. *Об одном классе лингвистических задач, "проблемы прикладной лингвистики. Тезисы международной конференции 16–19 декабря 1969 г."*, М., 1969, стр. 107–111). ² Проблема дешифровки этруских текстов: И. Фридрих Дешифровка забытых письменностей и языков. №, 1961, стр. 140–145. К этому же типу дешифровки относится проблема карийских памятников: И.К. Шеворшин. Исследование по дешифровке карийской паспуртной М., 1955. ³ Изучение языка жителей иллийского племени: И.К. Шеворшин. Исследование по дешифровке языка Ильи. Урб. См., Калаш., 1968. ⁴ Уильямсон, См.: "Sign language in Italy". IJAL, v. 24, N. 1, 1958, pp. 1–19. ⁵ Дешифровка древнеегипетского письма: Шампольоном, См.: "Egyptian decipherment". ⁶ Добльхефер. Знаки и чудеса. М., 1963.

Почему, изучение языка неизвестной субстанции разделять привычную для других типов дешифровки билингву, в этом случае относится проблема карийских памятников. Гавиот отсутствия бесозначательным дешифровщиком "поневоле". ⁷ Девякин, что ребенок является бесозначательным дешифровщиком.

6 Панаммер, изучение языка детей-инов. Гавиот отсутствия языка и наблюдая за коммуникативным поведением детей-инов. Своеобразно звучит всплесковая ситуация и в различных проектах коммюнико-языка, который разумеет лучше всего ноги сядут при этом расширяться, см.: Z.S. Freudenthal. *INCOOS. Design of a language for comic intercourses*, Part 1, Amsterdam, 1960.

обращение к "экзотическим" языкам поражало исследователей, так как классические грамматические понятия оказывались не приложимыми к новым языковым фактам. Это привело к тезису о "лингвистической относительности"²⁵ (не путать с гипотезой Сепира-Уорфа!), провозглашавшему бесконечное и не-предсказуемое разнообразие языков; однако, несмотря на принятие тезиса "лингвистической относительности", знакомство все с новыми и новыми языками продолжает изумлять исследователя: обнаруживается другой, не менее очевидный факт — языки удивительно похожи друг на друга. "За бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу"²⁶. Как указывает Хомский, представление о разнообразии языков сильно преувеличено и относится к разнообразию поверхностных, а не глубинных структур²⁷.

Поэтому полевой лингвистике совершенно необходимо иметь научное представление о том, какими свойствами обладает язык вообще, не подменяя его распространением на все языки свойств, присущих, в худшем случае, родному языку исследователя, в лучшем — языкам, более или менее ему известным. Этой проблемой полевая лингвистика связана с типологией и новейшим ее течением — универсалиализмом. Так же, как и связь с другими областями, эта связь взаимообратима: если трудно поставить теорию полевой лингвистики на научную основу без формулировки содержательных гипотез о свойствах языка вообще, то в свою очередь строить типологию и тем более теорию универсалий без достаточно строгого, полного, исчерпывающего знания о многих конкретных языках (а эти знания и поставляет в основном полевая

лингвистика — далеко не каждый малоизученный язык может дожидаться исследователя, для которого этот язык является родным) просто невозможно²⁸.

Гипотезы о свойствах языка вообще особенно важны для подготовительной стадии полевой работы; опираясь на них, можно заранее представить, какие элементы структуры языка должны подлежать изучению, и составить предварительные тексты, анкеты, схемы опроса информантов, делающие работу полевого исследователя значительно более эффективной (эту часть деятельности можно назвать "нулевым циклом" в полевой работе). Однако лингвистика дает слишком мало готовых рецептов для этой стадии работы (достаточно указать на неблагополучное положение даже с такой наиболее разработанной частью общей лингвистики, как проблема единого фонетического алфавита²⁹) и в этой области почти все еще предстоит сделать.

(4). Методы извлечения лингвистической информации.

В отличие от теории грамматики и от дешифровки в узком смысле, полевая лингвистика неразрывно связана с человеком — носителем языка, от которого поступает вся информация о языке-объекте. Так как человек выступает посредником между исследователем и языком, то связь с психологией и особенно психолингвистикой является весьма важной для выработки эффективных методов извлечения лингвистической информации, основное орудие полевой лингвистики и психолингвистики — эксперимент³⁰, и умение корректно ставить его существенно влияет на результат работы.

Надо отметить, что именно в этой части особенно ярко проявляется специфика полевой лингвистики, именно тут необходимы особые приемы и методы исследования. Перед исследователем встают такие методологические вопросы, как разработка методик получения данных от информанта (причем наряду с пассивными методами — методами работы с дан-

25 Ср.: M. Swadesh. *Language universals and research efficiency in descriptive linguistics*. "The Canadian Journal of linguistics", v. 10: 2, 3, 1964, p. 48.

26 Д.Гринберг, Ч.Огуд, Д.Дженкинс. *Меморандум о языковых универсалиях*. ("Новое в лингвистике", вып. V, М., 1970, стр. 31).

27 N. Chomsky. *Aspects...*, p. 118. Объяснение этому факту можно искать не только в условиях обучения языку, но и в антропологической теории "широкого моноцентризма" происхождения человека: "единство ныне живущего человечества поконится не только на основе общих закономерностей общественного развития, но и на кровном родстве всех составляющих его рас" (Ю.Я.Рогинский. *Проблемы антропогенеза*. М., 1969, стр. 123 и сл.).

28 Ср.: Б.А.Успенский. *Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка*. "Языковые универсалии и лингвистическая типология", №, 1969, стр. 12—14.

29 См.: А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов. *Принципы фонетической транскрипции и транскрикционная система для кавказских языков*. ВЛ, № 6, 1970.

30 См.: А.Е.Кибрик. *Психолингвистический эксперимент в полевой лингвистике*. "Материалы третьего всесоюзного симпозиума по психолингвистике", М., 1970, стр. 160—161.

ным текстом, особое место должны занимать активные методы — методы получения от информанта не случайных текстов, а текстов, несущих искомую лингвистическую информацию), разработка способов опроса информанта, верификации полученных данных, обработки материала и т. д. В процессе работы неизбежно встают такие принципиальные вопросы, как проблема отъеменности, проблема противоречивости данных, соотношения узуса и нормы, языка и идиолекта, разговорного и полного стиля, влияния осознания языка-объекта (информантом и исследователем) на данные и т. п.; все эти вопросы в теоретической лингвистике подняты сравнительно недавно, но без их учета вряд ли возможно получение корректных результатов в полевой работе.

Существенным фактором извлекающей процедуры является то обстоятельство, что носитель языка обладает способностью к языковой деятельности на этом языке, но не знает, как устроен язык и не в состоянии отвечать на вопросы о языке, поставленные в лоб. Он может только производить высказывания, отмеченные с точки зрения грамматики этого языка и осмыслиенные с точки зрения внеязыковой ситуации. Задача полевого лингвиста — выработать такие косвенные средства активного управления способностью информанта к языковой деятельности, которые давали бы желаемый результат³¹.

Следует отметить, что в рассматриваемом аспекте полевая лингвистика сближается также с полевой антропологией и этнографией (в американской традиции лингвистика вообще входит в круг антропологических дисциплин), причем эта связь имеет не только внешний характер (сходство методик), но и более глубинный, так как язык может рассматриваться как часть этнологических феноменов вообще, как одна из важнейших манифестаций интеллектуальной жизни³².

(5) **Методы практического обучения языку.** Одним из методов, помогающих извлечению лингвистической информации о языке-объекте, является практическое овладение языком-объектом.

Существуют разные точки зрения на важность овладения языком-объектом для его описания; некоторые исследовате-

³¹ Одной из первых работ, нарушающих заговор молчания вокруг этой проблематики, можно назвать указанную выше книгу В. Самарина (см. сноска 1).

³² F. Boas. *Introduction to handbook of american Indian languages*. University of Nebraska press, Lincoln, 1966, pp. 55–59.

ли считают, что кощунственно пытаться описывать язык, не говоря на нем, другие сводят значение этого фактора к минимуму; не впадая в крайности, можно сказать, что знание языка весьма полезно для полевого лингвиста по целому ряду причин (см. об этом ниже).

В связи с этим, полевая лингвистика сближается с самой традиционной областью прикладного языкоznания — педагогикой (обучением иностранному языку)³³ и самой новой и, может быть, еще даже самостоятельно не оформленной дисциплиной — теорией детской речи³⁴. Можно надеяться, что вскрытие механизма уникальной и универсальной способности человека — в детском возрасте усваивать язык, на котором говорят в окружающей среде, причем усваивать с поразительной быстротой и без всякого целенаправленного обучения, — поможет оптимизировать процесс изучения языка в полевых условиях. Однако, пока что эта область лингвистики сильно отстает от потребностей полевой работы.

Итак, полевая лингвистика тесно связана с различными областями языкоznания. Полевая лингвистика — это и испытательный полигон различных лингвистических теорий, и поставщик нового необходимого лингвистике материала о языках и их свойствах, и заказчик на решение многочисленных вопросов, на которые теоретическая лингвистика не нашла еще ответов³⁵.

В то же время полевая лингвистика является самостоятельной прикладной областью языковедения со сложным комплексом проблем и методов и нуждается в своем теоретическом обосновании на уровне современных достижений теории языка.

³³ Из классических работ по методике преподавания языка можно указать: H. Sweet. *The practical study of languages: a guide for teachers and learners*, L., 1964 (перепечатка с 1899); H. E. Palmer. *The scientific study and teaching of languages: a review of the factors and problems connected with the learning and teaching of modern languages with an analysis of the various methods which may be adopted in order to attain satisfactory results*, L., 1917; из последних работ см.: W. A. Веннет. *Analysis of language and language teaching*, 1968; R. L. Politzer. *Foreign language learning, a linguistic introduction*, 1970; J. O. Robinson. *An annotated bibliography of modern language teaching*, L., 1969.

³⁴ О важности такой теории для формулирования оснований лингвистики см.: N. Chomsky. *Aspects...*, p. 30. Об описании генезиса детской речи см.: А. Н. Гвоздев. *Вопросы изучения детской речи*, М., 1961.

³⁵ Ср. сходную точку зрения: P. Garvin. *American Indian languages — a laboratory for linguistic methodology*. "Foundations of language", vol. 3, № 3, 1967.

Думается, что слабую развитость теории полевой лингвистики можно считать временным явлением. За последние десятилетия в современном языкоznании проблемам синхронного описания языка уделалось особенно много внимания, при этом отчетливо было сформулировано требование универсальности лингвистической теории (применимости не к конкретному языку X или Y, а к любому естественному языку, в том числе и к языку X или Y). При этом теоретическая разработка аппарата описания многих компонентов языковой структуры значительно опережает темпы применения этих теоретических средств к описаниям конкретных языков, а такой разрыв, по крайней мере для теории, крайне нежелателен. Потому было бы вполне естественным ожидать в ближайшие годы некоторого перемещения центра тяжести лингвистических исследований на изучение языков, до сих пор не привлекавших всеобщего пристального внимания лингвистов. А если это произойдет, то полевая лингвистика займет свое достойное место в системе методов исследования языка.

Глава 2

"НУЛЕВОЙ ЦИКЛ" В ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ

Summary

Discussing the preliminary stage of work (the 'zero cycle') we have proceeded from the problem of the initial discovery of the grammar of a language about which nothing is known: neither its genetic relations nor its typological properties. This presupposes working out such linguistic means that enable us to discover fundamental facts of grammar within the shortest period of time. Tests and questionnaires must within reasonable limits draw upon achievements of typology and the theory of linguistic universals. In some particularly complicated cases when theoretical grounds have not been sufficiently elaborated yet we can start looking for empirical tests providing us fairly adequate information about presence or absence of some grammatical categories without enumerating the categories obtained from the test.

In the field of phonetics a universal inventory of phonetic features is necessary, in terms of which any phonologically relevant sound could be described. The graphic aspect of the transcription must satisfy the demands of graphic simplicity and convenience, of tradition, of unambiguous use of signs, and of unambiguous analyzability of the text into constituent phones. The corresponding phonological and morphonological transcriptions must be based on the phonetic transcription (see Appendix 1).

In the field of morphology it is necessary to study the types of grammatical meanings and to compose appropriate questionnaires which would enable us to discover the grammaticalized (obligatory) character of some meanings in the target language. Two types of such questionnaires are considered (see Appendices 2 and 3).

In the field of syntax typology of syntactic surface structures is necessary.

For the collection of words it is important to possess some basic vocabulary of senses which would insure purposeful collection of "useful" words. Two alternatives of a vocabulary (in the context of diagnostic utterances and as a topical word-list) are considered (see also Appendices 4 and 5).

§ 1. НЕОБХОДИМОСТЬ АНКЕТ И ТЕСТОВ

В зависимости от целей описания, которые ставит перед собой исследователь, должна быть составлена программа предварительной подготовки к полевому исследованию. Ввиду неограниченного разнообразия конкретных задач, ставящихся при полевом исследовании языка-объекта, также очень разнообразными могут быть и соответствующие программы. Однако мы, для ограничения сферы наших рассуждений, будем исходить из одной, хотя и достаточно большой задачи исследования: первичного (то есть совершаемого впервые) открытия грамматики языка, о генетических связях и типологических свойствах которого заранее ничего неизвестно (правда, обычно исследователь располагает некоторыми начальными сведениями о языке-объекте, но интереснее исходить из предельного случая, так как при этом диапазон грамматических гипотез минимально ограничен). Далее, мы будем считать, что уже отвергнут как изживший себя и теоретически неприемлемый подход к полевому исследованию, исходящий из тезиса о неизбежности и даже вредности предварительной подготовки, якобы мешающей объективному и непредвзятыму анализу, свободному от всяких априорных грамматических догм. Ясно, что никакой грамматический анализ не свободен от тех или иных исходных представлений, но особенно опасен именно неосознанный догматизм, выступающий под маской непредвзятой объективности. Наоборот, если все наши исходные допущения фиксированы и эксплицитно заданы, в случае необходимости несложно заменить их другими представлениями, более адекватными объекту³⁶.

Основными задачами "нулевого" цикла являются, во-первых, максимально полная и исчерпывающая экспликация представлений о том, с какими специфическими грамматическими фактами языка-объекта исследователь может столкнуться в полевой работе, и какие факты не являются особенностью данного языка-объекта, а относятся к языковым универсалиям, и во-вторых, разработка лингвистических средств,

³⁶ О необходимости иметь программу для извлечения данных см.: S.M.Sapop. *A note on the gathering and exchange of linguistic data*. "Oribis", VII, № 1, 1958, pp. 83-85. О необходимости создания метаязыка для единообразного описания африканских языков см.: *Обогащениe африканских языков* в "Новости ЮНЕСКО, Информационный бюллетень", окт., № 10, 1970, стр. 20 - 21.

с помощью которых обнаружение фундаментальных грамматических фактов языка-объекта проходило бы в оптимальные сроки.

Рассмотрим сперва первую задачу. Фактически она является приложением к потребностям полевой лингвистики сведений, накопленных современной теоретической лингвистикой. Если исходить из уровня современных знаний, то становится очевидным, что такая задача может быть полностью решена лишь в идеале и практически мы можем говорить лишь о некотором весьма отдаленном приближении к нему. Тем не менее, определенная систематизация накопленных сведений о языках мира и обобщение данных типологии и универсалиализма возможны и в настоящее время.

Для "нулевого цикла" особенно важны "субстанциональные" универсалии, которые определяют, что единицы того или иного конкретного вида в любом языке должны характеризоваться в терминах заранее фиксированного класса единиц. Возможность встретиться с тем или иным специфическим фактом задается обычно не списком, а в виде класса фактов, наделенного определенными признаками, в который (класс) данный факт имеет вхождение, характеризуясь теми или иными значениями этих признаков³⁷. Образцом такого рода "субстанциональной" универсалии является универсальный инвентарь фонетических признаков, в терминах которых можно с достаточной точностью описать любой фонологически полезный звук, произносимый речевым аппаратом человека³⁸. С помощью этого универсального и очень ограниченного инвентаря удается задать неограниченное разнообразие звуков, с которыми исследователь может встретиться.

Вторая задача частично является практическим применением результатов, достигнутых в рамках первой задачи, частично — обходным маневром, компенсирующим недостаток наших современных теоретических знаний. А именно, мы можем, не проводя исчерпывающего типологического анализа, подобрать на языке-посреднике более или менее эффективный эмпирический тест, чтобы с его помощью получать достаточно полную информацию о наличии или отсутствии тех или иных грамматических категорий в языке-объекте, не проводя ис-

числения самих выделяемых тестом категорий. Примером такого теста может являться перечень русских диагностических словосочетаний для выявления именных словоизменительных категорий (см. § 3.3 настоящей главы).

Следует иметь в виду, что невозможно придумать тест, вопросник, анкету такого вида, чтобы их было достаточно для выявления всех фактов, существенных для построения модели языка-объекта. Всякое тестирование, построенное на априорных универсальных принципах, самоограничено и не может предусмотреть всех особенностей языка-объекта. Задачи таких средств более скромные: выявить с их помощью основные, базисные свойства языка-объекта, позволить сузить класс гипотез о них, с тем, чтобы дальнейший анализ проводился бы уже с учетом конкретной специфики языка. Так, опираясь на систему универсальных фонетических признаков, можно весьма быстро установить, какие из этих признаков используются языком в качестве различительных, что позволит выделить основной состав фонем данного языка, но только знания этих признаков недостаточно для проведения фонологического анализа в полном объеме. Разработки "нулевого" цикла" меньше всего предназначены для алгоритмизации исследовательского процесса и устранения из него творческого эвристического начала, они призваны лишь облегчить, где это возможно, и стимулировать эвристическую сторону деятельности исследователя.

Специфика полевой лингвистики связана, в первую очередь, с самыми начальными шагами исследования, когда исследователь не обладает никакими положительными знаниями о языке-объекте. Поэтому задача "нулевого цикла"—дать методические средства для приведения в действие исследовательского лингвистического аппарата. По мере изучения языка-объекта и накопления сведений о нем различие между полевой и обычной описательной экспериментальной лингвистикой стирается. Таким образом, методические приемы полевой лингвистики являются как бы "стартером", запускающим в действие лингвистический двигатель.

§ 2. ФОНЕТИКА

При полевом изучении незнакомого языка единственным исходным материалом являются устные высказывания на

³⁷ N. Chomsky. *Aspects...*, p. 28.

³⁸ Р. Якобсон, Г. М. Фант, М. Халле. *Введение в анализ речи. "Новое в лингвистике"*, вып. II, М., 1962.

этом языке, поэтому, в первую очередь, необходимо научиться производить идентификацию звуков этого языка, а также иметь средства для письменной их фиксации. Умение слышать звуки чужого языка не является врожденным и приобретается при основательной специальной общефонетической тренировке, которая должна осуществляться не бессистемно, а исходя из определенных классификационных принципов. Как уже отмечалось в § 1, безграничное разнообразие звуковой речи может быть сведено к незначительному списку фонетических признаков, на которые каждый звук может быть разложен. Поэтому важным фонетическим умением является умение идентифицировать не только звуки, но и их признаки. Итак, для полевого исследователя недостаточно теоретически знать, какие фонетические признаки могут реализовываться в звуках различных языков, а необходимо также уметь их идентифицировать. Средствами идентификации могут являться: слуховой анализ, имитация услышанного звука, визуальное наблюдение за органами речи говорящего, комментарии носителя языка об укладе его артикуляторных органов и кинестезические самонаблюдения исследователя.

Также очень важным вопросом является способ записи речи. Существует огромное количество различных транскриptionных систем, применяемых к различным языкам, и несколько так называемых универсальных систем нотации³⁹. Для полевой работы, разумеется, нужна именно универсальная система, т.к. специфика звуков языка-объекта предварительно не известна.

³⁹ Можно упомянуть следующие системы нотации, претендующие на универсальность: система международного фонетического алфавита: *The principles of the International phonetic association being a description of the International phonetic alphabet*. L., 1966; R.W. Albright. *The International phonetic alphabet: its backgrounds and development*. IJAL, v. 24, № 1, part III, 1958; обобщение системы транскрипции, принятой в американской дескриптивной лингвистике: B. Boesch, G.L. Taggert. *Outline of linguistic analysis*. Baltimore, Md., 1942; Система Л.К.Щербы (см. о ней: Л.Р.Зиндер. *Общая фонетика*. Л., 1960, стр. 151), Фегелина (C.F., F.M. Voëgelin. *Guide for transcribing unwritten languages in field work*. "Anthropological linguistics", v. 1, № 6, 1959, pp. 1–28), Коэна (M.S. Cohen. *Questionnaire linguistique*. Nimègue, Netherlands: Comité International Permanent de Linguistes, Comission d'Enquête Linguistique, 1950–1951, pp. 33–56), Реформатского (А.А.Реформатский. *Введение в языкознание*. М., 1967, стр. 173 и сл.).

Рассмотрим требования, которым должна удовлетворять универсальная система фонетической транскрипции⁴⁰.

§ 2. 1. Требования к универсальной фонетической транскрипции

Во-первых, необходимо рассмотреть вопрос о характере фонетических элементов, в терминах которых должен записываться текст, а также вопрос об инвентаре таких элементов.

Ясно, что первоначальная запись текста на неизвестном языке производится в терминах фонетических признаков и их комплексов-фонов, а не в терминах различительных признаков и их комплексов-фонем. Причем, если различительные признаки предпочтительно описывать как бинарные (различительный признак указывает на принадлежность—непринадлежность фонемы к данному классу⁴¹), то фонетические признаки могут быть как бинарными, так и иметь большее количество градаций⁴².

Существуют две формы фонетической репрезентации высказывания (артикуляторная и акустическая), которые могут быть подвергнуты объективному (инструментальному) анализу, позволяющему получить физическое выражение фонетических признаков.

Этим объективным формам, видимо, соответствуют две субъективные формы: слуховая и кинестезическая. В этих формах выражения фонетические признаки существуют как некоторые образцы, эталоны, хранящиеся в памяти человека.

В фонетических описаниях пользуются признаками, относящимися к разным формам фонетической репрезентации речи, — как объективными, так и субъективными. В традиционных описаниях обычно используются артикуляторные при-

⁴⁰ Изложение требованийдается по работам, написанным автором совместно с Кодзасовым: А.Е.Кибрик, С.Р.Кодзасов. *Принципы построения фонетической транскрипции для первичной записи текстов неизвестного языка*. "Кузнецкие чтения, тезисы докладов", М., 1970; А.Е.Кибрик, С.Р.Кодзасов. *Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков*. ВЯ, № 6, 1970.

⁴¹ См.: А.Е.Кибрик. *К вопросу о методе определения тиференциальных признаков при спектральном анализе (на примере гласных новогреческого языка)*. ВЯ, № 5, 1962, стр. 1–12.

⁴² См.: N.Chomsky, M.Halle. *The sound pattern of English*. N.Y., 1968, p. 164.

знаки и, частично, названия субъективных качеств звуков. В последнее время появилась тенденция описывать речь в акустических признаках.

Очевидно, что описание на основе субъективных признаков практически невозможно. Хотя, в принципе, существуют объективные нейро-физиологические корреляты слуховых и моторных ощущений, однако о них так мало известно и они столь мало доступны наблюдению, что перевод ощущений в эти объективные корреляты является лишь теоретической возможностью.

Как же зафиксировать слуховые и кинестезиеские эталоны, имеющиеся у человека? Это можно сделать с помощью некоторых случайных импрессионистических названий, своего рода ярлыков для ощущений носителя языка или исследователя: если избрать такой способ описания субъективных признаков и не соотносить при этом импрессионистические названия с объективными признаками, то каждое лингвистическое описание будет написано на своем особом языке и их невозможно будет сравнивать.

Однако в действительности импрессионистические названия признаков сохраняются в лингвистических описаниях, в основном, лишь в тех случаях, когда ясны их артикуляторные и акустические соответствия (глухость-звонкость, твердость-мягкость и т. п.). Иные случаи импрессионистического словоупотребления приводят к путанице и невозможности понять, о каком фонетическом признаком идет речь. Примером может служить употребление слова "гортанный". Этот термин употребляется иногда для нерасчлененного обозначения необычного для европейца слухового качества некоторых согласных, среди которых имеются как собственно гортанные (артикулируемые в гортани), так и различные фарингальные и увулярные звуки.

В ряде случаев импрессионистические названия теснее связаны с фонологическими представлениями лингвиста, который их использует, чем с реальным фонетическим качеством звука. Примером является употребление слов "сильный-слабый" в описаниях кавказских языков. Этими терминами обозначаются признаки, которые имеют различное объективное выражение: степень интенсивности и длительности фрикативных, степень длительности смычки взрывных и аффрикат, непридыхательность взрывных. Общее название для этих признаков, отражающее их функциональную тождествен-

ность (и, видимо, определенное кинестезическое сходство) не раскрывает их фонетической природы: в конкретном языке и в конкретной фонетической позиции.

Отсюда следует, что импрессионистическими названиями слуховых и кинестезиеских образов в лингвистических описаниях желательно не пользоваться. В то же время ясно, что такие образы являются той реальностью, с которой лингвист в первую очередь имеет дело, особенно в полевых условиях. Желательно, поэтому, соединение таких субъективных качеств звуков с соответствующими им объективными качествами и обозначение их названиями этих объективных качеств.

Для полевой работы очевидны преимущества использования артикуляторных признаков (и названий). Во-первых, некоторые из артикуляторных признаков легко поддаются наблюдению⁴³ и не требуют инструментального анализа, например, губные артикуляции, артикуляции, связанные с подъемом (глоттализованные, фарингализованные) или опусканием (имплизивные) фаринкса и некоторые артикуляции, характеризующиеся положением языка. Во-вторых, тренировка позволяет перейти от неоформленных и недифференцированных кинестезиеских ощущений к произвольному контролированию многих артикуляторных параметров. Путем имитации подыскав кинестезиеский образ, соответствующий слуховому, тренированный фонетист может описать его в точных артикуляторных терминах.

В то же время описание устной речи в акустических признаках оправдано лишь при использовании методов инструментального (спектрографического, осциллографического и т. п.) анализа, что в условиях полевой работы вряд ли возможно. Использование же названий акустических признаков без опоры на инструментальные методы — это в действительности лишь обозначение акустическими терминами слуховых и кинестезиеских эталонов, имеющихся у исследователя, никак не связанное с объективным наблюдением признаков.

Следует указать еще на одно важное соображение в пользу артикуляторного описания не только для полевой работы: согласно моторной теории восприятия, получившей широкое распространение за последнее время⁴⁴, акустический сигнал

⁴³ О важности этого фактора можно судить по имеющемуся опыту чтения с губ глухонемыми.

⁴⁴ См.: Речь. Артикуляция и восприятие под редакцией В.А.Кожевникова и Л.А.Чистович. М.-Л., 1965.

обычно анализируется человеком так, что восстанавливаются исходные артикуляторные движения, которые его вызвали, так как существует тесная связь между слуховыми образами, в которые перерабатывается акустический сигнал, и кинестезическими образами, которые соответствуют вызвавшим акустический сигнал артикуляторным состояниям.

Таким образом, артикуляторная и кинестезическая формы презентации фонетических признаков являются как бы исходными, а акустическая и слуховая – производными от них.

Все эти соображения заставляют предпочесть фонетическую запись на основе артикуляторных признаков. Иногда для их обозначения могут использоваться привычные импрессионистические термины, точные артикуляторные корреляты которых ясны (например, ниже употребляются следующие термины такого рода: "звонкость–глухость", "шумность–сонорность", "ударность–бездарность"). Кроме того, в практике описания незнакомого языка возможны случаи, когда исследователь слышит особое качество звука, но не в состоянии понять его артикуляторный механизм, и тогда он вынужден обозначить его каким-то импрессионистическим словом, которое желательно заменить на точный артикуляторный термин после инструментального исследования.

Следует отметить, что некоторые артикуляторные термины тоже довольно импрессионистичны и скорее отражают недифференцированные кинестезические ощущения, чем дают точное описание артикуляторных движений (например, названия рядов и подъемов гласных). Однако, это означает лишь то, что их надо уточнить, но не подрывает сам принцип описания в артикуляторных терминах.

Вопрос об инвентаре фонетических элементов, в терминах которых записывается текст, сводится к следующему вопросу: какова необходимая степень подробности первоначальной фонетической записи, или, иными словами, насколько велик должен быть инвентарь фонетических признаков?

Если исходить из потенциальной способности человека осуществлять тончайший (в пределах физиологических ограничений) артикуляторный контроль, а также различать и отождествлять любые (в пределах психоакустических ограничений) звуковые признаки, то инвентарь фонетических признаков для первоначальной записи текста на незнакомом языке может быть огромен. Однако, как известно, восприятие че-

ловека имеет категориальный характер: мы плохо воспринимаем такие звуковые различия, которые не существенны с точки зрения усвоенной нами системы звуковых противопоставлений. Можно, конечно, вообразить, что лингвист в результате долгих тренировок научился идентифицировать тончайшие звуковые различия, соответствующие самым незначительным различиям артикуляторных положений, и в состоянии произвести первоначальную запись устных высказываний на неизвестном языке в терминах столь подробного инвентаря признаков. Ясно, однако, что такая запись будет очень громоздкой и во многих случаях избыточной.

Естественной альтернативой такого рода "чисто фонетической" записи является запись, подробность которой определяется некоторыми функциональными критериями: разумно записывать лишь такие фонетические признаки, которые предположительно могут использоваться для выражения лингвистических значений в естественных языках.

Все фонетические признаки можно разделить на два класса:

(1) Признаки, разные значения которых служат коррелятами разных значений соответствующих различительных признаков в конкретных естественных языках.

(2) Признаки, которые не зарегистрированы в описанных языках в качестве выражений различительных.

Все признаки 1-го класса удовлетворяют выдвинутому функциональному критерию и включаются в инвентарь.

Признаки 2-го класса, в свою очередь, разделяются на два подкласса:

(2а) Фонетические признаки, зарегистрированные для некоторого языка в качестве специфических особенностей его фонетической системы (например, признак альвеолярности переднеязычных смычных в английском языке фонологически не противопоставлен признаку дентальности, однако английские переднеязычные фонетически отличаются от соответствующих переднеязычных французского языка, которые характеризуются как зубные).

(2б) Неспецифические признаки, появление которых в речевой цепи обусловлено универсальными коартикуляционными эффектами. Эти признаки принудительно появляются в любом языке в одинаковых фонетических условиях. Коартикуляция может быть как симультанной (например, палатализация согласного всегда сопровождается некоторым изменением

места его артикуляции), так и сукцессивной (например, всегда происходит огубление согласных перед лабиализованными гласными)⁴⁵.

Признаки класса (2а) в соответствии с функциональным критерием должны быть включены в инвентарь, так как в принципе они могут использоваться для выражения фонологических противопоставлений и отсутствие их в 1-ом классе может быть вызвано неполнотой наших фонолого-типологических знаний (если бы мы строили систему транскрипции на основе знания лишь фонетики английского и французского языков, то, в соответствии с этим принципом, ввели бы для взрывных признак альвеолярности-дентальности, хотя они фонологически "не работает" в этих языках; и, действительно, есть языки, в которых это противопоставление relevantно, как, например, в австралийском языке арапана⁴⁶).

Признаки класса (2б) не должны включаться в универсальный инвентарь фонетических признаков, так как они в принципе не могут служить для выражения фонологических противопоставлений.

При предлагаемом функциональном подходе выбор инвентаря фонетических признаков определяется фонолого-фонетическими соображениями типологического характера.

Требования к транскрипции не ограничиваются вопросом о характере и инвентаре элементов (содержательные требования), но также касаются и алфавита транскрипционных знаков, который является графической формой выражения инвентаря фонетических признаков и фонов (формальные требования).

В принципе возможны два крайних способа построения алфавита транскрипционных знаков. При первом способе каждый фонетический признак обозначался бы специальным знаком, а каждый фон (комплекс фонетических признаков) обозначался бы некоторой упорядоченной последовательностью

таких знаков (так называемый "аналитический способ"⁴⁷). При втором способе каждый фон обозначался бы специальной не разложимой далее графемой (так называемый "синтетический способ"⁴⁸). Оба способа имеют свои недостатки и преимущества: при первом способе инвентарь знаков минимален, но фонетическая запись текста очень громоздкая; при втором способе инвентарь знаков велик, зато запись текста компактна.

Обычно избирается смешанный способ транскрибирования: определенные комплексы признаков обозначаются буквами, а не вошедшие в них признаки — дополнительными буквами или диакритиками. Представляется, что смешанный способ транскрипции наиболее удобен. При такой системе транскрипции желательно соблюдать следующее требование: коррелятивные признаки по возможности обозначать дополнительными знаками. Это обеспечивает гибкость системы записи; обнаружение в некотором языке фонов, представляющих собой незафиксированные ранее сочетания коррелятивных признаков с известными комплексами признаков, не требует изобретения новых знаков. Разумеется, некоторые отклонения от этого принципа возможны в случаях, когда это диктуется приводимым ниже требованием графического удобства, а также традицией (например, оправдано обозначение глухих и звонких шумных специальными буквами).

Важным требованием к алфавиту транскрипционных знаков является требование его графической простоты и удобства: нежелательны нагромождение диакритик, графическая сложность знаков и использование графически сходных знаков.

Следует иметь в виду, что принцип простоты и удобства в значительной мере модифицируется в зависимости от средств, с помощью которых осуществляется письменная фиксация текстов: (а) рукописная запись; (б) машинописная запись; (в) типографская запись, и не всегда то, что удобно для одного вида записи, удобно для другого. Так для руко-

⁴⁵ Вообще говоря, не всегда ясно, имеем ли мы дело с обязательным коартикуляционным эффектом, или со специфическим языковым правилом реализации признака. Особенно это касается "экзотических" признаков, которые встречаются редко и плохо описаны.

⁴⁶ "Anthropological linguistics", v. 8, № 2, 1966.

⁴⁷ Подвид этого способа применяется в матричной записи, где за каждым признаком закрепляется определенная позиция в матрице, что делает ненужным обозначение признака специальным знаком. Применение такого способа записи см., например, в работе: М. Халле. Фонологическая система русского языка. "Новое в лингвистике", вып. II, М., 1962.

⁴⁸ Ряд письменностей, основанных на фонематическом принципе (например, грузинская), фактически использует этот способ (каждой фонеме соответствует специальная графема).

писной и типографской записи удобно использовать в качестве диакритики знак перевернутой запятой, в то время как при машинописной записи наличие такой диакритики осложняет печать. Разумеется, оптимальной являлась бы такая графическая система знаков, которая удовлетворяла бы всем способам записи, хотя неочевидно, что при этом не придется отказаться от обозначений, особенно удобных для наиболее используемого вида записи, и применять менее удобные обозначения.

Необходимо также по возможности однозначное использование знаков и однозначное обозначение признаков (или фонов) (каждый знак имеет один строго определенный фонетический смысл, каждый признак (или фон) имеет только одно обозначение). В случае же, если система имеет различные графические модификации, всякий раз надо дополнительно указывать, какая модификация используется.

При выборе системы дополнительных знаков необходимо соблюдение требования однозначной разложимости текста на составляющие фоны, т. е. нужно, чтобы границы между совокупностями знаков, обозначающими один фон, проводились однозначно⁴⁹.

§ 2.2. Фонетическая транскрипция

Выше были изложены принципы, которые должны быть положены в основу универсальной фонетической транскрипции. Предъявляемые к ней требования достаточно многочисленны и в ряде случаев противоречат друг другу. Поэтому небесполезно вспомнить слова Суита, написанные еще в конце прошлого века: "Мы не должны забывать, что все алфавиты, даже наиболее научные, нужны для служения практическим целям. Практика предполагает компромисс. Поэтому любой алфавит должен в некоторых отношениях являться компромиссом между противоположными принципами"⁵⁰.

⁴⁹ Все сказанное здесь относится к научной транскрипции и не касается проблемы практической орфографии, ставящей ряд специфических задач, о которых блестяще говорится в работе Н. Я. Яковлев. *Математическая формула построения алфавита. "Культура и письменность Бостока"*, М., 1928, стр. 41–64.

⁵⁰ H. Sweet. *The practical study of languages: a guide for teachers and learners*. L., 1964, p. 24. (перепечатка с издания 1899 г.).

Итак, основными компонентами универсальной фонетической нотации являются: (а) элементы, подлежащие нотации; (б) знаки, являющиеся символами элементов; (в) синтаксис знаков (правила их соположения).

Универсальность транскрипции обеспечивается полнотой инвентаря элементов, покрывающего все разнообразие звуков в языках мира. Коль скоро такой инвентарь существует, не представляет большой теоретической трудности выбрать те или иные графические средства его материального изображения.

В Приложении 1 предлагается система транскрипции, являющаяся одним из вариантов МФА, немного его видоизменяющим и дополняющим. В графической основе транскрипции различаются графемы основные и диакритические. Основные графемы обозначают "кардинальные" звуки, характеризуемые по признаку места и основного способа артикуляции.

Рассмотрим способы обозначения согласных. Для согласных считаются "кардинальными" следующие места артикуляции⁵¹: губно-губной, губно-зубной, межзубный, зубной (альвеолярный), палато-альвеолярный, препадатальный, палатальный, велярный, увуллярный, фарингальный, ларингальный. Кроме того, считаются "кардинальными" следующие способы артикуляции согласных: шумные взрывные, шумные фрикативные, сонорные носовые, сонорные неносовые (латеральные, вибраторы, гладьи). Комбинации "кардинальных" места и способа артикуляции дают таблицу "кардинальных" звуков. Непоследовательно в этой таблице изображение специальными знаками глухих и звонких представителей каждого "кардинального" звука, т. к. коррелятивный признак глухости-звонкости можно было бы отмечать диакритикой. Однако, в латинском алфавите, являющемся графической основой данной нотации, для многих коррелятов по глухости-звонкости уже имеются обозначения, и не использовать их вряд ли разумно. С другой стороны, не выделяются специально отдельными знаками альвеолярные взрывные, которые, в случае необходимости, вопреки общему принципу о выделении "кардинальных" мест образования, помечаются диакритиками.

"Кардинальные" гласные характеризуются, во-первых, положением языка по подъему и по ряду, и, во-вторых, по огуб-

⁵¹ Здесь и ниже, а также в Приложении 1 предполагается, что фонетическая природа вводимых признаков известна из курсов общей фонетики.

ленности. Различается пять степеней подъема: нижний, средне-нижний, средний, средне-верхний, верхний; и три ряда: передний, центральный и задний. В принципе, признак лабиализации, являющийся коррелятивным, было бы последовательнее обозначать диакритикой (этот признак есть у согласных), но в основном знаки для гласных в латинском алфавите распределяются так, что задние являются лабиализованными, а передние нелабиализованными (и в большинстве языков мира такие гласные присутствуют), так что признак лабиализации входит в значение основных знаков. Если не менять их значение, то оказывается целесообразным добавить новые знаки для соответствующих лабиализованных передних и нелабиализованных задних.

Кроме основных знаков в нотации используются также диакритики, сополагающиеся с основными знаками посредством элементарных синтаксических правил: диакритики бывают надстрочные, подстрочные и правосторонние. Последние могут быть, кроме того, верхними, нижними или строчными. Значение диакритики складывается из знака и позиции, в которой он употреблен, т. к. в разных позициях одна и та же диакритика означает разные признаки. Если в одной позиции имеется более одной диакритики, их последовательность неизвестна: так [ā] и [ā̄] оба означают долгое назализованное [a]. Для аффрикат и двухфокусных звуков используются двухбуквенные обозначения.

§ 2. В. Использование транскрипции

Коррелятивные признаки обозначены таким образом, что каждый из них отличается от всех остальных. Стремление обозначить каждый "кардинальный" звук и каждый коррелятивный признак особым значком приводит к обозначениям, которые не всегда удобны при машинописной или типографской записи. Поэтому, в принципе, допускается замена более удобного знака менее удобным, если это не приводит к неоднозначности в пределах текста на языке-объекте, при условии, что принятое отступление оговорено. Так можно пользоваться знаком *x* для обозначения увулярного фрикетивного [χ], если в языке-объекте нет соответствующего заднего, можно обозначить Фарингализацию знаком " (этот знак — "кавычки" — удобен в машинописи), а не ' (например "a", "q"), если в языке-объекте нет имилозивных, и т. д.

Более того, можно вообще отказаться от латинских букв и заменить их, например, русскими (при этом придется пойти на те или иные графические "хитрости", т. к. не для всех "кардинальных" звуков можно найти естественные русские эквиваленты), что особенно желательно, если в полевой работе используется пишущая машинка: удобно, чтобы транскрипцию и перевод можно было печатать одновременно.

При знакомстве с некоторым языком-объектом может оказаться, что имеющихся в данной системе нотации средств недостаточно, т. к. в этом языке имеется "кардинальный" звук, которому не соответствует никакого знака в таблице основных знаков, или такой коррелятивный признак, которого в списке признаков нет (например, может быть, надо было бы ввести признак вибрантации). Логика данной нотации, тем не менее, достаточна ясна, чтобы знать, какого вида знак нужно в данном случае добавить.

До сих пор говорилось только о фонетической транскрипции. Однако ясно, что она является не самоцелью, а вынужденным промежуточным этапом нотации, когда о фонологической системе языка-объекта ничего не известно и любой фонетический признак (или фон) может оказаться различительным (или фонемой). Для целей грамматического описания фонетическая транскрипция не удобна, как по причине своей избыточности и громоздкости, так и потому, что скрывает многие регулярные грамматические соответствия между словоформами, которые на более высоком (фонологическом или морфонологическом) уровне становятся очевидными. Поэтому истинной целью нотации является создание фонологической или морфонологической системы записи (разумеется, если речь не идет о специальном фонетическом исследовании). Поэтому целесообразно указать вкратце, в каком отношении находится инвентарь различительных признаков и их комплексов — фонем (или морфонем), получаемый в результате анализа первоначальных фонетических записей текстов, к инвентарию фонетических единиц, и как соотносятся графические эквиваленты этих инвентарей.

После установления того, какие фонетические признаки являются контекстными реализациями одного и того же различительного признака, одна из фонетических реализаций принимается обычно за "основной вид" различительного признака, и за ним закрепляется название и транскрикционное обозначение соответствующего фонетического признака. Дру-

гие фонетические реализации этого различительного признака, если только они не совпадают с "основным видом" другого различительного признака, не включаются в инвентарь различительных признаков, и этот инвентарь сокращается сравнительно с инвентарем фонетических признаков. Таким образом, в большинстве случаев инвентарь названий различительных признаков является подмножеством инвентаря названий фонетических признаков, а алфавит знаков для фонологической или морфонологической записи текста — подмножеством алфавита знаков для его фонетической записи⁵². Лишь в редких случаях, когда неясно, что считать "основным видом" различительного признака или фонемы (морфонемы), для записи на более высоком уровне вводятся специальные знаки, которых нет в фонетическом алфавите⁵³.

Иногда, когда это не ведет к смешению фонем или морфонем в пределах языка-объекта, удобно заменить более "сложные" обозначения более простыми, указав фонетическое значение каждого знака, употребляемого в новой функции (так, в нотации арчинского языка придыхательность взрывных можно не обозначать, т. к. они по этому признаку не противопоставлены: писать /t/, /p/ вместо [t^h], [p^h], увулярный глухой фрикативный [χ] фонологически обозначать через /χ/, т. к. в данном языке нет соответствующего велярного).

Таким образом, при наличии хорошего фонетического алфавита легко перейти к фонологическому алфавиту. (При этом мы имеем в виду техническую, а не теоретическую сторону вопроса). Проблемы, связанные с окончательным грамматическим описанием языка-объекта, выходят за рамки настоящей работы, поэтому мы не касаемся здесь сложного вопроса об определении состава фонем и о выборе окончательной системы записи (см., однако, § 3 главы 3). Укажем лишь, что решение этих вопросов обычно тесно связано с более высокими уровнями, особенно с морфонологией, и не может быть осуществлено независимо от них.

⁵² Разный смысл одинаковых знаков фонетической, фонологической и морфонологической записи выражается с помощью разных скобочных обозначений: [...], .../ и {...}.

⁵³ Например, знак а в фонологической транскрипции Р.И.Аванесова для русского языка (Р.И.Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956).

§ 3. МОРФОЛОГИЯ

§ 3.1. Метод обнаружения морфологических единиц

Задачей "нулевого цикла" при подготовке к изучению морфологии неизвестного языка-объекта является создание программы исследования, помогающей выявить в минимальные сроки состав и значение служебных морфем, если считать, что мы умеем, во-первых, производить членение текста на слова и, во-вторых, выделять в словах корневые и служебные части (обе проблемы далеко не тривиальны при стремлении решить их в полном объеме⁵⁴, но вполне разрешимы, если удовлетвориться высоким, как правило, процентом очевидных случаев). Членение текста незнакомого языка-объекта на морфемы удобно осуществлять, одновременно контролируя в сходных высказываниях различие в формах и значениях и наблюдая, какие изменения значения приводят к каким изменениям формы и наоборот. Произвольно изменять форму высказываний незнакомого языка-объекта мы не можем, так как вероятность произвести при этом грамматически правильное высказывание ничтожно мала. Изменять же значение высказывания, если мы умеем членить это значение на составляющие его компоненты, мы вполне в состоянии. Например, если высказывание языка-объекта переводится на русский язык предложением *я живу в деревне*, то мы можем, изменения компоненты значения этого предложения, получать из него другие, сходные с первым, предложения: *я жил в деревне*, *я буду жить в деревне*, *я часто живу в деревне*, *я всегда живу в деревне*, *я не живу в деревне*, *он живет в деревне*, *я живу в городе*, *он живет в городе* и т. д. Перевод этих предложений на язык-объект поможет нам произвести их членение на некоторые составляющие их части, соотнеся эти части с некоторыми комплексами значений. Практически такой прием заложен в основе решения лингвистических задач билингв, которые составлены таким образом, что в них содержится вся необходимая информация для установления отношений между формами и значениями морфем неизвестного языка⁵⁵.

⁵⁴ Ср.: П.С.Кузнецов. Опыт формального определения слова. ВЯ, № 5, 1964; С.Е.Яхонтов. Методы выделения грамматических единиц. "Языковые универсалии и лингвистическая типология", М., 1969, стр. 203—228.

⁵⁵ См.: А.А.Зализняк. Лингвистические задачи. "Исследования по структурной типологии", М., 1963.

Поэтому представляется целесообразным в рамках "нулевого цикла" исследовать виды грамматических значений (в первую очередь лексических⁵⁶, т. к. изменение их особенно легко представлять средствами языка-посредника) и создать соответствующие анкеты, позволяющие обнаруживать в языке-объекте грамматикализованность (обязательность) тех или иных значений. Иными словами, необходима типология грамматических значений, обнаружение субстанциональных универсалий на семантическом уровне, аналогично фонетическим субстанциональным универсалиям. Следует подчеркнуть тот же функциональный критерий при построении системы семантических субстанциональных универсалий, что и в случае с фонетическими универсалиями. Грамматическим считается значение, которое или было зафиксировано в некотором языке как грамматическое, или, исходя из некоторых дедуктивных соображений, может им быть в еще неизвестном языке.

Если бы мы имели систему таких семантических субстанциональных универсалий, то это значило бы, что мы имеем инвентарь признаков, в терминах которых мы можем описывать и обнаруживать реальные значения, которые выражаются грамматически в произвольном языке-объекте. Ясно, что такая задача вряд ли может быть решена в ближайшее время. Однако, можно стремиться к некоторому промежуточному решению, дающему известный положительный результат. Прежде всего, необходима наиболее общая классификация грамматических значений и создание анкет для отдельных их типов. (Это значения определительные, объектные, обстоятельственные, пространственные, временные, видовые, модальные, местоименные и пр.). Наиболее эксплицитное задание системы значений – в виде исчисления, перечисляющего все допустимые комбинации элементарных значений данного типа и отражающего отношения между элементарными значениями. Такое исчисление является метаязыком, с которого не составляет труда перевести нужные значения на язык-посредник. Образец такого исчисления (на материале пространственных значений) разбирается в § 3.2 настоящей главы.

Однако не всегда удается построить такую систему. В таком случае полезной оказывается также анкета, которая

⁵⁶ По поводу классификации значений на лексические и синтаксические см.: И.А.Мельчук. *О некоторых типах языковых значений. "О точных методах исследования языка"*, М., 1961.

задается непосредственно на языке-посреднике в виде диагностических высказываний, подобранных таким образом, что составляющие их элементы привносят в высказывание то или иное значение, могущее быть грамматикализованным). В § 3.3 рассматривается образец такой анкеты для анализа предложно-послеложно-падежной системы имени в языке-объекте (исключая пространственные значения). Возможно также создание многоаспектных анкет, сочетающих различные свойства и с разных сторон подходящих к одной цели. Образцом такого рода анкеты можно считать анкету по выявлению категории грамматического рода и класса, являющуюся, к сожалению, библиографической редкостью⁵⁷.

§ 3.2 Образец метаязыкового исчисления грамматических значений (на материале пространственных значений)

Пространственные значения определяют, прежде всего, местонахождение субъекта или объекта высказывания (далее С) по отношению к некоторому объекту, служащему ориентиром (Ор), пространственное расположение которого предполагается известным: *Я иду по полю* – местонахождение субъекта высказывания 'я' ориентируется относительно объекта 'поле'; *я кладу книгу на стол* – местонахождение объекта высказывания 'книга' ориентируется относительно объекта 'стол'. В принципе ориентиров может быть несколько: предложение *стул стоит справа от стола* обычно предполагает ориентацию стула не только относительно стола, но и говорящего, в зависимости от положения которого определяются понятия 'быть справа от стола' и 'быть слева от стола'; *лес находится за аулом вверх по течению реки* – ориентация относительно аула, говорящего и реки. Такие пространственные значения будем называть ориентирующими.

Ориентирующее значение задает пространственную область (Пр), характеризующую положение С относительно Пр.

Значения, характеризующие движение (которое может выражаться также в отсутствии такового – покой) С относительно Пр будем называть двигательными.

⁵⁷ См.: О.Г.Ревзина. *Типологическая анкета (2). Категория грамматического рода и класса*. (Учебные материалы к спецкурсу по структурной типологии языков), ИВЯ, Лаборатория структурной типологии и лингвостатистики, М., 1967 (распринт).

Хактерно, что во многих языках ориентирующие и двигательные значения формально разграничены (выражаются различными морфологическими средствами). Они относятся, как правило, к словоизменению имени (изменение имени по падежам или предложно-последовательная система), хотя это и не обязательно (например, двигательные значения могут выражаться в глаголе – лексически или морфологически).

Рассмотрим сперва ориентирующие значения (см. Приложение 2). Некоторые признаки ('вне Ор' VS 'внутри Ор', 'релевантность верхнеза для Ор' VS 'нерелевантность верха-низа для Ор' и т. д.) могут быть как маркированы (плюсом или минусом), так и немаркированы, что дает не бинарное, а тернарное разложение значения. Некоторые признаки ('центр Ор' VS 'край Ор', 'контактность с Ор' VS 'неконтактность с Ор' и т. д.) применимы к многим комбинациям элементарных ориентирующих значений, в этих случаях для компактности схемы такой признак помечается однажды с указанием на вхождение в него (через многоточие) всех возможных цепочек элементарных ориентирующих значений. Каждая цепочка ветвей дерева соответствует определенному комплексному ориентирующему значению.

Рассмотрим теперь двигательные значения. Противопоставление 'приближение к Пр' VS 'удаление от Пр' указывает на направленность движения (или его отсутствие) относительно Пр. Противопоставление 'контактность с Пр' VS 'неконтактность с Пр' – неосуществимость совмещения С с Пр (отметим, что значение 'контактности' для двигательных значений другое, нежели в ориентирующих: в первом случае предполагается контакт с Пр, во втором – с Ор; таким образом, оба значения независимы) противопоставление 'ограниченность' VS 'неограниченность' указывает на ограниченность движения в некоторый момент той Пр, которая задается ориентирующим значением. Все три противопоставления взаимно независимы и дают 27 значений. Кроме того, двигательное значение может также осложняться ДОр (наряду с Пр), который может быть субъективным ('ориентация движения относительно говорящего') и объективным ('ориентация относительно некоторого типичного объекта внешнего мира – поверхности земли, горы, реки, озера и т. п'). В качестве примера объективного ДОр приводится вертикальная направленность относительно поверхности земли ('вверх-вниз'; интересно, что нулевое значение этого признака равносильно

отсутствию ДОр, в отличие от субъективного ДОр). В Приложении 2 приводятся примеры толкований комплексных ориентирующих и двигательных значений (нумерация ведется от вершины дерева; ветвям каждого узла присваиваются номера; верхней – 1, нижней – 2, средней, если таковая есть, – 0).

Любое из ориентирующих значений может сочетаться с любым из двигательных. В данном исчислении перечисляется 130 ориентирующих и 162 двигательных значения, таким образом, данное исчисление задает $130 \times 162 = 21.060$ пространственных значений. При этом системы как ориентирующих, так и двигательных значений не являются исчерпывающими. Это, разумеется, не значит, что для выявления грамматикализованности данных значений в языке-объекте необходимо задать не менее 21.060 вопросов. Исходя из универсального принципа коррелятивности (допущения, что лингвистические объекты строятся из стандартных для данного языка-объекта наборов элементарных единиц) в полевой работе ищется не наличие грамматикализованных комплексных значений, а наличие грамматикализованных элементарных значений и правил их комбинаций, что существенно сокращает перебор. В конкретном языке-объекте реализуется в качестве грамматических лишь незначительная часть потенциальных пространственных значений⁵⁸, другая же часть относится к факультативным значениям, выражаемым описательно. Некоторые же значения в узусе говорящих на данном языке-объекте столь неупотребительны, что для них бывает трудно подобрать естественный языковый эквивалент (это не значит, что в другом языке-объекте они не только естественны, но и обязательны: ср., например, категорию 'артicля' в английском, французском, немецком языках, категорию 'контрастности' в нанайском⁵⁹, категорию 'логического ударения' в юкагирском⁶⁰ и т. п.).

Ввиду того, что данное исчисление строилось применительно к конкретному виду значения, для его определения

⁵⁸ Анализ реализации данной системы значений в кавказских языках, а также ее обоснование содержится в работе: А.Л. Кибрик. К типологии пространственных значений (на материалах падежных систем дагестанских языков). "Язык и человек", М., 1970, стр. 110–156.

⁵⁹ В.А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.–Л., 1959, стр. 129.

⁶⁰ Е.А. Крейнович. Система морфологического выражения логического ударения в юкагирском языке. "Доклады и сообщения ИЯ АН СССР", VII, 1955.

могли понадобиться такие элементарные значения, которые не являются, строго говоря, пространственными (например, 'субъективность' VS 'объективность'), и не обязательно с расширением типов значений инвентарь элементарных значений будет расти пропорционально.

§ 3.8. Образец анкеты диагностических высказываний на языке—посреднике (значения в именных словосочетаниях, исключая пространственные)

Анкета диагностических высказываний, задающихся на языке—посреднике (в нашем случае — русском языке), составляется индуктивно следующим методом.

Сперва изучаются доступными способами: (1) членение отношений между объектами, которое существует в русском языке; (2) соответствие членения русского языка членениям других языков, составляющих более или менее представительную совокупность языков различных типов. Способы изучения следующие. Для пункта (1): (а) членение, представленное падежной системой русского языка; (б) членение, представленное предложной системой русского языка; (в) более дробное членение, зарегистрированное в толковых словарях; (г) более дробное членение, зарегистрированное в традиционных грамматиках; (д) более дробное членение, изученное с помощью трансформационных методов. Для пункта (2): (а) членение, представленное падежной и предложно-последожной системами языка, сравниваемого с русским языком (по грамматикам); (б) сравнение этого членения с членением русского языка (по русско-иноязычному и иноязычно-русскому словарям).

Естественно ожидать, что с увеличением материала будет увеличиваться дробность членения, на каждом этапе итоговым членением считается объединение членения, полученного на предыдущем этапе, с членением исследуемого языка.

Можно ожидать также, что на некотором этапе дальнейшее дробление членения будет становиться незначительным (продуктивность дальнейшего сравнения русского языка с другими языками сильно снизится). Это будет служить сигналом к окончанию исследования.

Ясно, что неограниченное привлечение новых языков может расширить наши представления о возможных способах

языкового членения реального мира, но для целей "нулевого цикла" ими можно пренебречь, т. к. тест не предусматривает получение полного и исчерпывающего корпуса данных, а призван прояснить общие структурные тенденции изучаемого языка.

Итак, одной из задач исследования является составление множества классов высказываний, которые гипотетически могут (но не обязательно должны) в исследуемом языке отображаться в различные грамматические структуры.

Так, выделив классы высказываний, которые в русском языке на уровне поверхностных синтаксических структур не различаются: (а) книга сестры; дом отца; (б) дым костра; луч солнца; (в) кусок хлеба; стакан молока; (г) теплота тепла; свежесть лица; (д) тепка отца; мать племянника и т. д., мы гипотетически предполагаем, что в исследуемом языке всем или некоторым классам (которым в русском языке соответствует один тип словосочетания) будут соответствовать разные типы словосочетания.

В приложении 3 приводится список диагностических высказываний, выделяющих классы значений именных словосочетаний, с указанием на основное значение каждого класса⁶¹. Ввиду неизработанности теории данных значений приписываемые им названия являются ориентировочными и не претендуют на окончательность и полную точность. Высказывания сгруппированы по формальному признаку — видам поверхностно-синтаксических структур словосочетаний, чтобы легче было проверять эту анкету на полноту. Лексические вхождения существенны для многих словосочетаний, т. к. задают неформальным образом классы лексики, характерной для данного словосочетания. Это не значит, что при необходимости нельзя проводить лексические замены в пределах релевантных для словосочетания классов.

§ 4. СИНТАКСИС

Синтаксис относится к наиболее формальной части грамматики, и неудивительно, что именно на этом уровне наблюдается наибольшая близость языков. Современные синтаксические концепции теории порождающих грамматик пред-

⁶¹ Этот список является переработанным вариантом анкеты, созданной под руководством автора М. Алексеевым и А. Глозманом. Об использовании анкет см. главу 3, § 1. 3.

ставляют достаточно разработанный формальный аппарат описания глубинной синтаксической структуры⁶². Отмечается, что базис синтаксического компонента во многих языках совпадает. Наибольшее синтаксическое разнообразие наблюдается на уровне поверхностных синтаксических структур, описываемых в терминах типов словосочетаний, типов предложений и типов синтаксической связи.

Проблеме синтаксиса, как правило, уделяется значительно меньше внимания в полевых исследованиях, нежели фонетике и морфологии, что вполне объяснимо: понимание устройства языка на фонетическом и морфологическом уровне является *conditio sine qua non* любого описания языка. Что касается синтаксиса, то обычно на первый план выдвигаются синтаксические проблемы морфологии, например, вопросы синтаксических значений падежных, предложных и послеложных форм, типа предикативной синтагмы (при наличии неноминативных конструкций и залоговых форм глагола), синтаксиса времен, согласовательных моделей (при наличии категории рода или согласовательного класса и т. п.). Ясно, что этими вопросами синтаксис не исчерпывается, хотя важность их для определенных языков бесспорна. Такое положение в известной мере определяется недостаточной разработкой типологии поверхностных синтаксических структур.

Рассмотрим, например, широко применяемый способ универсального представления поверхностной синтаксической структуры в виде дерева.

Одним из наиболее трудных вопросов при построении дерева предложения в языке-объекте является установление критериев, на основании которых происходит расстановка стрелок⁶³. Традиционное определение управления: "Управлением называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога и с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова"⁶⁴ не только

⁶² См. N. Chomsky. *Aspects...* Chapter 2, 3.

⁶³ См. об этом: А.Е.Кибирек. *Критерии определения направлений синтаксической связи в синтагме. "Структурно-математические методы моделирования языка"*, Киев, 1970, стр. 60–61.

⁶⁴ Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис, часть первая, М., 1960, стр. 22.

страдает излишней конкретностью, связываясь с классами слов и их признаками, характерными для русского языка, но наталкивается на ряд затруднений, т. к. не учитывает некоторых видов управления, слабо развитых в русском языке. Например, "обратного" управления типа $X \overline{Y-a}$, где X и Y – члены синтагмы, a – морфема слова Y , управляемая словом X , пунктирная стрелка – направление формального управления, сплошная стрелка – направление "естественного" (с точки зрения других соображений) управления (*девушка уехал-а*); обратное управление характеризует изофетную конструкцию (*тадж. дүхтар-и хүшүрүй* 'девушка красивая', *себ-и дүхтар* 'яблоко девушки'), которая выделяется особо ввиду её синтаксической якобы необычности.

Формальная связь может также устанавливаться между словами, которые не вступают в отношение "естественному" управления (не зависят друг от друга непосредственно или опосредованно). Назовем такой вид связи "косвенным" управлением, которое может быть в структурах такого вида:

$\overline{X} \overline{Y-a} Z$ (в предложении *её считают* *большой* слово *ее* косвенно управляет словом *большой* по роду). Формальная связь может также быть "двойной", когда некоторое слово формально управляет двумя (а иногда и более) словами (в предыдущем примере мы также имеем двойное управление: слово *большой* управляет также по падежу словом *считывают*; "двойное" управление имеем также в предложениях типа *дом, в котором я живу*.

В некоторых языках (например, кавказских) такие виды формального управления очень распространены. Таковы многочисленные примеры из арчинского языка: а) обратное управление: $dija w-erkuři u-i$ 'отец надает' – субъект управляет

классными показателями в предикате; б) косвенное управление: $d-ez b-iwa kx'an$ 'я мать люблю' – объект *b-iwa* 'мать' управляет классными показателями в субъекте *dez* 'я';

в) двойное управление: $dija b-iwa d-ikurji w-i$ 'отец мать разыскивает' – субъект и объект управляют классными показателями в предикате *d-ikurji*.

телями в предикате; *mañra e-b-xuq xii u-t iqx* 'браха заключения день' (= 'день, когда будет заключен брак') – объект причастия и имя, от которого причастие содержательно зависит, управляют классными показателями в причастии.

Представляется, что наибольшую значимость при решении спорных вопросов расстановки стрелок должен иметь учет истории порождения предложения – соображения теоретического удобства, имеющие целью получение наиболее простых и единообразных порождающих правил. Слугой в синтагме считается такой член, который максимально независим от того, в какой конструкции употреблена данная синтагма в предложении, в отличие от хозяина, который, будучи зависимым от некоторого третьего слова, может формально им управляться (или им управлять в случае обратного управления); хозяин в такой конструкции может выступать представителем всего словосочетания.

Все сказанное обосновывает тезис (который не всегда явно формулируется) о необходимости разграничения понятий содержательной синтаксической связи и формальных средств ее выражения, которые, вообще говоря, независимы друг от друга.

На первоначальном этапе синтаксического исследования, по-видимому, наиболее подходящим аппаратом классификации является теория членов предложения, довольно близкая к развивающейся некоторыми американскими полевыми исследователями тагменной теории. Эта теория задает членение предложений в терминах универсальных синтаксических смыслов, не проводящих фундаментального различия между простыми и сложными предложениями (которое относится опять же к формальным средствам выражения синтаксических связей): субъекта, предиката, объекта, определения, конъюнкта, обстоятельства времени, места, цели, причины и т. д. Такая классификация позволяет сперва выделить определенные элементы в предложении, а затем исследовать способы заполнения соответствующих мест классами слов, а также средства формального выражения каждой синтаксической позиции. Такого рода классификация приведена в Приложении 6.

Понятно, что классификация в терминах членов предложения (или тагмем) является обобщенной и не дает еще способа нахождения всех оттенков синтаксических отношений

(одна лишь позиция определения дает много конкретных реализаций, зависящих от значений определяемого и определяющего: принадлежности реальной и абстрактной, полной и частичной, отчуждаемой и неотчуждаемой, качества, меры, количества, партитивности, части и целого, источника, происходления, авторства, причины, орудия и средства и т. д., причем в языке-объекте могут существовать формальные способы выделения каждого из этих конкретных значений). Типы синтаксических значений, реализуемых в именном словосочетании, приведены в Приложении 3⁶⁵, так что оно может быть использовано не только для морфологических, но и для синтаксических целей, хотя, вообще говоря, нельзя считать окончательно решенным вопрос об отнесении этих значений к синтаксическим. Возможно, было бы последовательнее описывать их в семантике (многие конкретные значения определяются значениями слов, вступающих в синтаксическое отношение), однако для малоизученных языков эта проблема вообще говоря еще почти не ставилась, а игнорирование грамматических фактов, определяемых такими типами значений, нежелательно даже при не слишком продвинутом описании языка. Думается, что на уровне поверхностного синтаксиса эти факты можно описывать в его терминах.

На определенном этапе исследования необходим переход к более глубинному представлению синтаксической структуры, так как необходимо не только провести инвентаризацию фактов, а исчислить их, т. е. предложить общую процедуру получения любого из наблюдаемых или могущих стать наблюдаемыми фактов. Как уже говорилось выше, теория порождающих грамматик, плодотворно развивающаяся в последние годы, дает способ описания глубинной синтаксической структуры; в рамках краткой брошюры мы не можем уделить больше внимания принципам порождающей грамматики, ограничившись лишь указанием на нее.

§ 5. ЛЕКСИКА

С самых первых шагов при знакомстве с языком-объектом, начиная с изучения отдельных звуков, исследователь

⁶⁵ Опыт классификаций поверхностно-синтаксических значений см. в: И.А.Мельчук. *Автоматический синтаксический анализ*. "Кибернетика в монографиях", I, Новосибирск, 1964, стр. 17–27; А.К.Жолковский. *Синтаксис сомали (поверхностные и глубинные структуры)*, М., 1971, глава I.

неизбежно сталкивается со словами этого языка, даже если задача сбора лексики исследователем не ставится. В принципе можно положиться на волю случая и не стремиться к целенаправленному сбору "полезных" слов. Однако в комплексной проблеме изучения языка-объекта, особенно на первых порах, желательно получать о нем максимально эффективную информацию. Это касается лексики не в меньшей мере, чем фонетики, морфологии или синтаксиса. Таким образом, возникает проблема создания словаря-минимума, включающего наиболее важные семантические единицы, которые должны быть обнаружены в первую очередь⁶⁶. Какими принципами целесообразно руководствоваться при отборе слов, наиболее важных на ранней стадии изучения языка-объекта? Перечислим некоторые из них:

(1) Употребительность слов в языке-объекте. Статистические закономерности распределения слов в тексте, проведенные на разнообразном материале, убедительно показывают, что частота различных словарных единиц колеблется в очень большом диапазоне, и в любом языке сравнительно небольшое множество слов покрывает большую часть любого текста на этом языке⁶⁷. Так, первые 200 слов частотного словаря английских и американских газетных текстов покрывают около 50% словоупотреблений, а 500 слов – 58%, примерно такое же соотношение и для французского газетного языка⁶⁸, для русской разговорной речи⁶⁹ покрытие следующее: 100 слов – 48%, 200 слов – 55%, 500 слов – 65%, 1000 слов – 73%, в стандартном американском английском при выборке в один миллион словоупотреблений и словаре в 50.000 слов первые 135 слов покрывают 50% текста, 510 – 60%, 1120 – 70%⁷⁰.

⁶⁶ См.: А.Е.Кибрик. *Лексико-статистические проблемы при исследовании незнакомого языка*. Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970, стр. 93–94.

⁶⁷ См.: Р.М.Фрумкин. *Применение статистических методов в изучении языка*. "О точных методах исследования языка", М., 1961, стр. 67–97. См. также статистику распределения слов в ограничением подъязыка: А.Е.Кибрик. *Модель автоматического анализа письменного текста (на материале ограниченного военного подъязыка)*, М., 1970, стр. 25.

⁶⁸ Л.А.Турыгина. *Частотный словарь английских и американских газетных текстов*. "Статистика речи", Ч., 1968, стр. 193–184.

⁶⁹ И.А.Исанин. *О частотном словаре подъязыка современной французской прессы*. Там же, стр. 185–190.

⁷⁰ Л.А.Турко. *Частотный словарь русской разговорной речи*. Там же, стр. 197.

⁷¹ B.Keenan and N.Francis. *Computational analysis of American English*. Brown University press, Providence, Rhode Island, 1967, pp. 300–306.

Поэтому желательно в первую очередь включить в свой словарь наиболее частотные слова и облегчить тем самым задачу исследования языка-объекта, т. к. чем больше слов известно в произвольном высказывании, тем легче и эффективнее можно производить его анализ. Кроме того, загромождение памяти редкими словами на первых этапах работы отдаляет время, когда исследователь обнаруживает приятный перелом в восприятии высказываний на языке-объекте, начиная их частично понимать.

Как априорно определить частоты неизвестных слов неизвестного языка? Не является ли это абсурдной задачей? Единично, нет, так как частоты слов – это по существу частоты смыслов, которые не являются собственно лингвистическим феноменом, а отражают частотность возникновения соответствующих ситуаций в процессе общения, требующих появления в тексте данных слов (смыслов). В той мере, в какой близки культуры, обслуживаемые языками, будут близки и частоты смыслов, выражаемых словами этих языков. Искажая до известной степени действительную ситуацию, мы полагали, что культура, обслуживаемая русским языком, является в этом отношении представительной, и использовали частотные словари русского языка⁷², в очевидных случаях делая корректизы.

(2) Легкость перевода на язык-объект. Ввиду широкоизвестного факта многозначности слов и несоответствия объемов значений слов в языках можно ожидать, что перевод с языка-посредника на язык-объект может вызвать у информанта многочисленные трудности, характер которых не всегда можно предвидеть. Это соображение вносит значительные корректизы в результаты, получаемые на основе 1-го принципа. В частности, этот принцип обосновывает естественное желание включать в словарь-минимум по возможности конкретную лексику, которую можно соотнести с предметами внешнего мира. Так, некоторые исследователи рекомендуют использовать для этой цели названия характерных для данной культуры артифактов (искусственно созданных предметов) и частей тела⁷³.

⁷² Э.А.Штейнфельдт. *Частотный словарь современного русского литературного языка*. Таллин, 1963; Ю.Овсиенко и др. 2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи. М., 1968; Л.А.Турко, указ. соч.

⁷³ Ср. J.Neugru. *A method for learning to talk primitive languages*. "American anthropologist", 42, 1940, p. 637.

(3) Синтаксическая сочетаемость слов. Важно таким образом отобрать слова в словарь-минимум, чтобы с их помощью можно было бы строить достаточно большое количество предложений различной сложности. Это требует введения в словарь слов разных семантических классов, способных заполнять различные позиции в предложениях. Это и предыдущее соображение настойчиво склоняют к мысли об отказе от задания слов словаря-минимума списком.

Наиболее удобной формой представления словаря-минимума является набор синтаксически простых и ясных по смыслу и вне контекста предложений на языке-посреднике. Такая форма предпочтительна также из морфолого-синтаксических соображений — перевод небольшого списка предложений на язык объекта даст одновременно богатую первичную информацию о его морфологических категориях и синтаксических конструкциях.

(4) Фонетическая значимость. Бидимо, целесообразно не разделять во времени ознакомление с фонетикой и словарем-минимумом языка-объекта. Поэтому словарь-минимум должен включать в себя достаточно слов для того, чтобы иметь возможность обнаружить подавляющее большинство реализаций фонем языка-объекта. Представляется, на основании среднестатистических данных, что двухсот произвольных слов (при средней длине слова в 5 фонем) языка-объекта достаточно для первичного выявления состава различительных признаков и фонем в языке-объекте.

Так, например, в русском тексте длиной в 1000 букв (пренебрежем различием между буквой и фонемой) каждая буква встретится не менее 2-х раз⁷⁴. Если такой выборки явно более чем достаточно для выявления фонетических признаков, являющихся претендентами на различительность, то возможно, что состав фонов и фонем не будет определен полностью, однако, никакая механическая процедура не может обеспечить такое определение⁷⁵.

Итак, можно сделать ожидаемый вывод о независимости результатов первичного фонетического анализа от словаря. Четвертый принцип не накладывает ограничений на выбор конкретных смыслов, предопределяя примерный объем слова-

⁷⁴ А.М. Яглом, И.М. Яглом. Вероятность и информация. М., 1960, стр. 189.

⁷⁵ Ср. споры о составе фонем русского языка между московской и ленинградской фонологическими школами, которые не могут быть разрешены никакой выборкой.

ря-минимума, а первые три являются содержательными фильтрами, с помощью которых должен производиться отбор⁷⁶.

В разное время и по разным поводам составлялись словари наиболее важных, с той или иной точки зрения, слов. Еще в XVIII веке составлялись списки предложений для первичного изучения кавказских языков⁷⁷. Б прошлом веке Штейнталль составил список слов и фраз, полезных для изучения неизвестного языка⁷⁸, разбив их на тематические рубрики. Подробный тематический словарь, неориентированный, правда, на сформулированные выше принципы, был составлен под руководством Коэна⁷⁹. Так же тематический словарь примерно на 600 слов был предложен Уитни⁸⁰ для изучения африканских языков, с указанием, что аналогичный список составлен Гринбергом. Словарь примерно на 1000 слов использовал Сводеш⁸¹ для сопоставительного словарного обследования двадцати индейских языков. Кроме того, Сводешем предложен список 200 наиболее устойчивых (исторически) слов для лексикостатистических исследований⁸².

Кроме словариков, ориентированных на изучение неизвестного языка, интерес представляют словари наиболее важных слов, рекомендуемых методистами при обучении иностранному языку. Например, в широко известных пособиях Ричарда приведены словарики на 500 слов⁸³, а также словарь (на 800 единиц), используемый в Basic English⁸⁴. Интересен также список 100 слов, наиболее нужных для объяснения других слов и покрывающих основные идеи⁸⁵. Хорошей метаязыко-

⁷⁶ Сходные принципы сформулированы Пальмером для отбора первичной лексики при изучении иностранного языка: Н.Е. Palmer. *The scientific study and learning of languages*. L., 1917, p. 132.

⁷⁷ Эти предложения приведены в работе: А.Чикобава. К вопросу о первых текстовых записях по горским иберийско-кавказским языкам. ВЯ, № 4, 1962, стр. 100.

⁷⁸ Steinthal. *Linguistik*. In: von Neumayer. *Anleitung zu wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen*. Band II. Hannover, 3-e ed.. 1906, SS. 271–278.

⁷⁹ M.Roux, J.Rousseau, J.-P.Vinay. *Instructions pour une enquête ethnolinguistique*. Centre de recherches d'anthropologie amérindienne de l'Université d'Ottawa", 1954.

⁸⁰ W.Whitney. *Suggestions for recording a bantu language in the field*. "Tanganyika notes and records", № 62, 1964, pp. 1–19.

⁸¹ M.Swadesh. *On the penitian vocabulary survey*. IJAL, v. 20,

№ 2, 1954, pp. 128–133.

⁸² Он приведен в книге Самарина: W.J.Samarin. op. cit., pp. 220–223 (см. сноска 1).

⁸³ I.A.Richards. *English through pictures*. 1956; I.A.Richards, M.H.Iseley, Ch.Gibson. *French self-taught with pictures*. 1950.

⁸⁴ I.A.Richards. *Basic English and its uses*. L., 1943.

⁸⁵ I.A.Richards. *How to read a page: a course in effective reading with an introduction to a hundred great words*. L., 1943.

вой основой при использовании английского языка в качестве языка-посредника может быть словарик на 1000 слов Пальмера⁸⁶.

В полевой работе удобно разделять по крайней мере два этапа в сборе лексики: первичный, когда работа начинается "от нуля", и продвинутый, когда ядро словаря и некоторые контуры грамматики уже видны. Этим двум этапам будут соответствовать два словаря-минимума. На первичном этапе желательно работать со словами, включенными в элементарный контекст. Такие контексты (предложения) приводятся в Приложении 4, включающем около 150 слов, отобранных в соответствии с изложенными выше принципами. Предполагается, что этот текст используется не догматически, а с определенными парадигматическими подстановками, заменой лексем и грамматических категорий, так что после его проработки количество полученных слов в языке-объекте вырастет примерно до 200, и наряду с этим будет получена многообразная грамматическая информация, для извлечения которой данный тест является лишь удобной отправной точкой.

Информант сперва переводит все предложение, а потом отдельные новые слова, извлечь которые из уже произнесенного предложения ему обычно нетрудно. Отметим, что для начальной стадии работы несущественно, какую словоформу данного слова информант будет выдавать — ту, которая встретилась в тексте, или некоторую каноническую (типа русского именительного падежа для имени и инфинитива для глагола).

Для дальнейшего сбора лексики может использоваться словарь-минимум, приведенный в Приложении 5⁸⁷, в котором, ввиду его объема, слова даются вне контекста. В этом словаре вся лексика разбита на тематические группы, облегчающие планомерное изучение словарного состава языка-объекта (в частности, тематическая классификация дает естественную основу для систематического расширения словаря, хотя каждая группа представлена в словаре-минимуме далеко не полностью), а также более четко выявляющие семантические парадигматические противопоставления в русском словаре (последнее важно потому, что толкований значений русских слов

в словаре не дается; тематическое же расположение слов требует от исследователя более четкого понимания их значений; см., например, группу слов в разделе 'Погода': *ненастье, сююга, метель, турга, буран, лоземка*; в разделе 'Модальность действий': *очевидно, видимо, возможно, пожалуй, вероятно, кажется, что*.

Вся лексика делится на четыре основных класса: (1) действия или состояния, (2) объекты, (3) признаки и (4) заместители объектов и действий. Действия—состояния обычно связаны с целой ситуацией, включающей как объекты, так и признаки, которые в таких случаях удобнее рассматривать вместе с соответствующим действием—состоянием. Поэтому объекты и признаки, сравнительно независимые от ситуации, сгруппированы в словаре-минимуме отдельно (разделы 1 и 2), а определяемые ситуацией — при соответствующем обозначении действия—состояния (при этом иногда оказывается, что, наоборот, объект или признак в русском словаре есть, а действия—состояния нет: в разделе 'Интеллектуальное воздействие' отсутствует глагол при имени *правда*, в разделе 'Физическое воздействие' нет глагола при признаках *прямой, жесткий* и т. д.). В каждом разделе имеется более детальная классификация (например, действия—состояния, входящие в раздел ситуаций, классифицируются на 'бытие—существование', 'движение', 'физиологическое действие—состояние', 'физическое воздействие на объект', 'трудовую деятельность', 'чувственное восприятие' и т. д.).

В словарь-минимум входит порядка полторы тысячи русских слов, из которых около 600 означают действия—состояния, 500 — объекты, 300 — признаки, а 100 являются заместителями.

При работе со словарем-минимумом надо иметь в виду, что пласти лексики, связанные с конкретными реалиями, материальной и духовной культурой, спецификой географических и климатических условий и т. п., заранее не могут быть словарно определены. Поэтому в словаре-минимуме они только указаны и проиллюстрированы несколькими словами, а конкретное лексическое наполнение соответствующих семантических полей определяется языком-объектом.

При работе со словарем-минимумом не следует педантично стремиться к получению слов языка-объекта, эквивалентных русским словам, так как во многих случаях это и невозможно сделать. Укажем в связи с этим наиболее харак-

⁸⁶ H.E.Palmer. A grammar of English words: one thousand English words and their pronunciation together with information concerning the several meanings of each word, its inflections and derivatives and the collocations and phrases into which it enters. L.-N.-Y.—Toronto, 1938.

⁸⁷ Этот словарь является переработанным вариантом словаря-минимума, созданного под руководством автора О. Сундуковой.

терные случаи взаимоотношений слов в паре языков. (1) Исходное русское слово может расщепиться в языке-объекте на несколько (например, *там на там вверху и там внизу*, *рука на рука от плеча до локтя, рука от локтя до кисти, рука от локтя до кончиков пальцев* и т. п.). (2) Исходное русское слово может выражаться в языке-объекте грамматически (например, модальное слово *мочь* может выражаться потенциальным наклонением, модальное слово *пусты* – императивом, *нельзя* – запретительным наклонением, слово *всегда, обычно* – видовыми аффиксами, слова *определенный, неопределенный* – артиклами, и т. д.). (3) В языке-объекте может не быть слова (или класса слов), естественного в русском языке (например, слов, обозначающих артифакты: *стул, вилка, рубанок, полка* и т. п., слов, выражающих нетипичную для данной культуры ситуацию: *продавать, красить, плыть, грести* и т. п.). (4) Слов, характерных для языка-объекта, может не быть в русском языке (в таких случаях перевод дается описательно). (5) Несколько русским словам может соответствовать одно слово на языке-объекте (например, в языке-объекте могут отсутствовать различные обозначения ненастной погоды: *ненастье, буря, ураган, вьюга, пурга, буран*; различные типы возвышенностей: *гора, холм, пригорок, сопка, скала*). (6) Наиболее естественный случай семантического соответствия в сравниваемых языках – неполное совпадение объемов значений. Поэтому при сборе лексики, особенно не денотативной, желательно иметь максимальное количество иллюстративных примеров на употребление каждого слова.

Глава 3

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ

Summary

Field work must be preceded by clear formulation of the ultimate purpose of investigation, by composition of a detailed program, of questionnaires and tests, as well as by definition of the final form of representation of the extracted knowledge about the target language. Field investigation is most specific at the initial stage when nothing or next to nothing is known about the target language. Difficulties of the first encounter with a language are considered. Questionnaires of the 'zero cycle' contribute to revelation of basic grammatical categories; these questionnaires must be used creatively, specific properties of the target language being taken into consideration. The systematic collection of paradigms plays an important role. Data collecting must run parallel to the development of the hypotheses explaining these facts and to the cyclical control of these hypotheses. Practical knowledge of a language makes easier constructing its grammar but it is not a necessary precondition for it.

The fundamental property of field investigation is a significant participation of an informant in the process of discovering the grammar of the target language which requires a special technique of work. For different types of his activity the informant needs different qualities which must be taken into consideration while selecting informants and estimating the elicited data. It is desirable to use various techniques of eliciting data: translation from the mediator language into the target language, paradigmatic interrogatory, syntagmatic interrogatory, cross-interrogatory, associational interrogatory, paraphrasing, use of leading questions, eliciting of examples, stimulus with corrections, etc. It is necessary to bear in mind the possibility of errors and know the factors that usually lead to them.

Efficiency of field work depends greatly on the systematicity of collecting and taking into account of linguistic data. Principles of collecting basic corpora of data: a corpus of sentences (see also Appendix 6), a corpus of texts, a corpus of lexemes and paradigms, are considered.

§ 1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ

§ 1.1. Целевая установка

Как указывалось выше, изучение незнакомого языка может преследовать весьма разнообразные цели. Цель изучения в значительной мере предопределяет средства, призванные оптимизировать процесс изучения, спецификацию конкретных задач, которые должны быть решены в процессе исследования, а также необходимое для исследования время. Изучение языка-объекта без ясно сформулированной цели вряд ли может быть эффективным. Поэтому исследователь должен в первую очередь совершенно отчетливо представлять себе конечную цель работы. Поставленная цель (которая может состоять не из одной, а из нескольких задач) должна быть, во-первых, достаточно универсальной, так чтобы не оказалось в процессе изучения языка-объекта, что для него она нерелевантна (например, цель изучения падежной системы имени применительно к языку типа английского), во-вторых, достаточно содержательной, чтобы ее хватило на весь период полевой работы, и, в-третьих, достижимой, чтобы она по своей сложности была соизмерима с имеющимся в распоряжении исследователя временем.

Ясно, что формулирование цели работы отнюдь не является самоцелью, а влечет за собой сознательный отбор методов и средств, привлекаемых для изучения языка-объекта. В предыдущей главе уже говорилось о "нулевом цикле" как необходимом звене полевой работы: предварительном отборе языкового материала, вопросников, тестов, которые должны быть использованы в поле.

Опыт показывает, что работа с информантом без заранее составленного плана, "сценария" беседы оказывается малопродуктивной; исследователь должен всегда уметь управлять разговором, направляя его к решению определенных задач.

Более того, нужно не только знать цель исследования, но и представлять конечную форму описания добытых знаний о языке-объекте, то есть ориентироваться на определенную теорию языка, в терминах которой предполагается описывать язык-объект. Мнение, что можно "непредвзято" наблюдать языковые факты и что сами эти факты навязывают схему их описания, является опасным заблуждением. Нет основания недооценивать влияние данных на формирование теории, но в действительности процесс познания глубинных закономерностей, лежащих в основе данных, всегда предполагает наличие

не одного, а двух феноменов: данных и некоторого эталона (теории), которым эти данные оцениваются. Это не отрицает того факта, что в процессе познания, как правило, обнаруживается известное несоответствие между данными и теорией, что ведет к перестройке теории (такое понимание процесса познания основывается, в конечном счете, на представлении об эвристическом, а не операционном характере познания⁸⁸).

Поэтому отрижение априорной теоретической платформы ведет на самом деле лишь к непоследовательности, т. к. достигнуть такого состояния невозможно (лингвистическое сознание любого, даже самого неискушенного человека, не говоря уже о профессиональном лингвисте, в действительности создано из многочисленных аксиом, постулатов и догм о языке, и некоторая, может быть, неосознанная теория все равно будет включена в исследование, но, в таком случае, влияние ее на результат работы будет неуправляемым).

Знание предполагаемой конечной формы описания оказывает большое влияние на методику работы и вид искомых лингвистических данных, получение которых в противном случае будет маловероятным, а также на системность получающих данных.

Итак, как это ни парадоксально звучит, большая часть полевой работы должна быть сделана дома. В связи с неограниченным разнообразием локальных задач, которые могут решаться в полевом исследовании, вряд ли возможно предложить универсальный "рецепт" составления программы исследования: в каждом конкретном случае такая программа неповторима, уникальна. Тем не менее, если ограничиться некоторым большим классом задач (например, синхронное описание одного или нескольких уровней языка-объекта), то можно выделить некоторые общие свойства программ таких исследований. Образец такой программы интенсивного изучения языка-объекта с использованием магнитофонной фиксации всех занятий с информантами предложили Фегелин и Робинет⁸⁹. Процесс месячной работы разбивается на три части: первая (7 занятий по 2 часа, 8 часов магнитной записи) — изучение фонетики, словаря-минимума, простейших текстов, вторая (14 занятий по 2 часа, 16 часов магнитной записи) — парадигматический опрос, выделение служеб-

⁸⁸ Ср.: А. Эйнштейн. *Физика и реальность*. М., 1965, стр. 9—10, 62 и след.

⁸⁹ C.M. Voegelin and F.M. Robinett. *Obtaining a linguistic sample*. IJAL, v. 20, N 11, 1954, pp. 89—100.

ных морфем, третья — (7 занятий по 2 часа, 8 часов записи) — проверка записей, транскрипции, организация списка слов, текстов, парадигм. Значительная часть работы отводится на послеэкспедиционный период (расшифровка магнитофонных записей).

Вообще говоря, специфичность полевой работы и вместе с тем универсальность лингвистических действий исследователя проявляются в наибольшей степени на начальных этапах исследования, когда о языке-объекте вообще ничего неизвестно, и именно этому периоду мы уделяем наибольшее внимание.

Подготовка программы исследования и сам процесс зависят в значительной степени от того, предполагается ли индивидуальное или коллективное изучение языка-объекта. В первом случае все исследовательские функции сосредоточены в руках одного человека, во втором происходит разделение труда, что создает проблему специализации и координации. Необходимо произвести рациональное расчленение цели исследования на отдельные подзадачи, так чтобы не было излишнего дублирования. При этом нужно, чтобы из решения этих отдельных подзадач складывалось решение всей задачи. Так как в действительности отдельные компоненты системы языка тесно связаны и понимание одних компонентов часто невозможно без знания других, а также ввиду того, что получаемые данные всегда несут, наряду с требуемой информацией, и сведения о многих других фактах языка, важна координация работы в пределах коллектива исследователей. Указанные трудности коллективной полевой работы окупаются той оперативностью и эффективностью, которой не может достигнуть исследователь-одиночка.

§ 1.2. Первое знакомство с языком

Поскольку речь идет о бесписьменном языке-объекте, то, естественно, на первом этапе основное внимание, независимо от цели исследования, должно быть уделено фонетике. В предыдущей главе рассматривался вопрос о способе фиксации звучащей речи на письме: универсальной фонетической транскрипции. Ясно, однако, что знание системы обозначений не обеспечивает умения интерпретировать необычные звуки незнакомого языка-объекта в терминах этих обозначений. Такое умение вырабатывается в процессе общефонети-

ческой тренировки, которая необходима каждому полевому лингвисту.

На каком материале знакомиться со звуками и фонетическими признаками звуков языка-объекта? При активном методе изучения языка-объекта недостаточно просто слушать речь на этом языке, а желательно целенаправленно работать с информантом. Далеко не лучшим способом выявления звуков был бы прямой вопрос к информанту: "Какие звуки есть в Вашем языке?" (подробнее о "прямых" вопросах см. ниже). В § 5 главы 2 говорилось о том, что в принципе любой словарный материал может быть использован для выявления фонетических признаков и звуков ввиду их ограниченного числа в любом языке и, как следствие этого, частой повторяемости. Также говорилось о том, что желательно извлекать всякий раз максимум информации о языке и стремиться из самых первых фонетических занятий извлечь наибольшую пользу для накопления словарных, морфологических и синтаксических сведений. Поэтому предполагается желательным использовать тест для первичного знакомства с лексикой типа того, что предложен в Приложении 4⁹⁰.

Уже первое предложение может вызвать большие сложности в различении звуков и транскрибировании, чему никак не следует удивляться. Нужно ли стремиться к адекватной транскрипции на каждом этапе?

Стремиться, конечно, нужно, но не следует доводить это стремление до абсурдного принципа: ни шагу дальше, пока нет окончательной уверенности в фонетической правильности транскрипционной записи очередного высказывания. Это касается не только фонетики, но и других сторон изучения языка. Исследователь постоянно встречается (на первых порах очень часто, позднее — все реже и реже) с данными, объяснить которые он, не зная некоторых других данных, не в состоянии, кроме как опираясь на метод "гениальной догадки". В таких случаях, когда доступные средства интерпретации исчерпаны, желательно пометить сомнительное место и двигаться дальше. Может так оказаться (и часто оказывается), что, неожиданно для исследователя, появляются другие данные, которые, в совокупности с непонятными ранее данными, проливают свет на "страниое" до сих пор яв-

⁹⁰ Аналогичным фразником пользовался в своей полевой работе Богораз; см. предисловие И.С. Вдовина к книге: В.Г. Богораз. *Материалы по языку азиатских эскимосов*. Л., 1949, стр. 22.

ление. Это может быть, в частности, в том случае, если в данных встретился сложный комплексный феномен, который непонятен без знания составляющих его более простых.

Применительно к фонетике это диктует принцип "избирательного слушания", выдвинутого Чайдой⁹¹. Во-первых, надо стремиться сперва слушать не слова, а признаки и фоны, и в каждый момент слушать только один признак (или совокупность признаков), и во-вторых, идти от более простых (с точки зрения восприятия исследователя) признаков и фонов к более сложным. Поскольку произвольное слово языка-объекта может быть различной степени субъективной сложности, степень точности нотации различных высказываний может на первых порах быть неодинаковой; точность возрастает по мере увеличения материала и расширения знаний о признаках и фонах, тренировки слуха и артикуляторного аппарата. Трудность восприятия может быть двоякого рода: (1) специфический признак звука исследователь слышит, но не может этот звук воспроизвести; (2) признак не только не артикулируется, но и не слышится. В случае (1) фонетическая природа признака может быть как понятной исследователю, так и нет. В случае (2) исследователь просто не заметит этого признака, пока не столкнется с теми или иными трудностями нотации (появлением минимальной пары, указанием носителя языка на несоответствие записи звунию и т. п.).

Проблема трудности восприятия связана с принципиально важным вопросом: какова степень необходимой точности фонетического "слышания"? Ответ на этот вопрос фактически уже дан при формулировании принципов фонетической транскрипции. Точность распознавания определяется в конечном счете фонологическими соображениями. Если бы мы изучали русский язык, то мы встретились бы с фонами [e] и [ɛ], противопоставленными по признаку подъема, но "слышать" различие между ними для русского языка фонологически обязательно, в отличие от, например, французского. Также мы могли бы встретить глухой латеральный в слове "метл" ([m, otl]) перед словом, начинающимся с глухой согласной. Поэтому обнаружение специфического признака или звука в языке-объекте еще не означает, что необходимо его фиксировать. В процессе работы может обнаружиться, что одни

⁹¹ E. Vida. *Selective listening*. "Language Learning", 4, 1952-53, pp. 92-101.

фоны распознаются более, а другие менее подробно, чем это нужно.

Все сказанное подтверждает тезис о желательности скончайшего перехода на фонологическую транскрипцию. Практически полевой лингвист почти никогда не пользуется чистой фонетической транскрипцией, а начинает ее фонологизировать с первых минут знакомства с языком: "Мы можем реалистически ожидать, — утверждает Сводеш⁹², — что полевой лингвист должен иметь некоторое представление о фонемной системе уже через пятнадцать минут после начала работы, и о ее основных частях через час или что-то вроде этого".

Исследователь в своей практике должен решить еще один вопрос: какова необходимая точность фонетического воспроизведения? Вообще говоря, известно, что способности восприятия речи опережают способности производства речи на всех уровнях (особенно это характерно для овладения языком детьми: ребенок одного года знает не один десяток слов, не умея произносить ни одного или произнося несколько слогов, эквивалентных по смыслу некоторым словам), поэтому обычно исследователь слышит больше, чем может произнести. В то же время слышать можно менее точно (чтобы правильно понять высказывание), чем произносить (чтобы звучание такого высказывания не отличалось от произнесенного носителем языка). Широко известна проблема "акцента" при изучении иностранного языка, устраниТЬ который бывает очень трудно, а иногда и невозможно. Произношение на данном языке характеризуется не только полезными признаками, использующимися в качестве репрезентантов различительных, но и большим количеством избыточных фонетических признаков, точное воспроизведение которых необходимо для устранения акцента. Конечно, хорошее произношение на изучаемом языке способствует росту престижа исследователя в своих глазах и в глазах носителей языка, но для исследовательских целей является излишней роскошью, отвлекающей много времени и энергии. Поэтому стремиться к "безакцентному" произношению отнюдь не обязательно. Степень необходимой точности произношения диктуется опять же фонологическими соображениями: в каждой позиции фонетический репрезентант каждой фонемы должен произноситься так, чтобы он отли-

чался от фонетических репрезентантов других фонем, противопоставляемых в данной позиции.

Несмотря на важность первичного фонологического анализа и выработки фонетических умений на первом этапе, нельзя забывать и о других сторонах исследования языка-объекта. Параллельно с транскрибированием высказываний происходит расширение словаря, выявление наиболее ярких морфологических черт и основных синтаксических конструкций языка-объекта. В процессе перевода тестовых предложений на язык-объект фонетические и лексические причины могут требовать замены некоторых тестовых предложений или их частей. Например, наличие в словаре какого-нибудь необычного звука может вызвать необходимость получить другие слова с таким же звуком, неясное членение какого-нибудь слова на морфемы — желание заменить в нем какую-нибудь категорию (*матъ принесла хлеб* → *матъ принесет хлеб* → *матъ несет хлеб*), неясность правила порядка слов — желание переставить слова в высказывании, трудности с переводом какого-то слова на язык-объект — необходимость замены его другим словом и т. п. Такие отклонения являются не только необходимыми, но и желательными.

При тщательном изучении данных, обеспечиваемых предлагаемым тестом, на это уходит примерно 10–12 часов работы с информантом.

После этого следует обобщить накопленные сведения: установить (первичные) инвентари различительных признаков и фонем, выделить для некоторых из них позиции, которые должны быть обследованы, построить фонематическую систему и выявить в ней возможные пропуски (например, если в языке есть фонемы /t/, /k/, /ts/, /tʃ/ и фонемы /t'/, /k'/, /ts'/, то можно предполагать и наличие незафиксированной фонемы /tʃ'/), а также фиксировать спорные и неясные места. Заметим, что если каркас фонематической системы появляется довольно быстро, то отдельные "темные пятна" в ней могут сохраняться очень долго (ср., например, методическое замечание Л. Я. Штернберга о процессе изучения им гиляцкого (нивхского) языка: "если в грамматические тайны мне удалось проникнуть сравнительно легко, то не так дело обстояло с фонетикой"⁹³), и для их прояснения механического наращивания текстового материала может оказаться недостаточно.

⁹² M. Swadesh. *Language universals and research efficiency in descriptive linguistics*. "The Canadian Journal of Linguistics", v. 10; 2, 3, 1964, p. 149.

⁹³ Л. Я. Штернберг. *Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора*. С.-Петербург, 1908, стр. IX.

В конце первого этапа бывает необходимо уточнить и упростить транскрипцию в соответствии с выявленным составом фонем и релевантными противопоставлениями.

Кроме того, обобщаются морфологические и синтаксические наблюдения. Обнаруженные слова из словаря-минимума желательно запомнить.

§ 1.3. Обнаружение основных грамматических категорий

Сразу после завершения первого этапа изучения незнакомого языка (этот этап занимает 3–5 дней) можно переходить к систематическому изучению грамматических категорий. Осуществлению этой задачи должны способствовать морфологические анкеты "нулевого цикла". В главе 2 рассмотрены только пробные образцы анкет двух типов: в виде исчисления и в виде диагностических высказываний (они приведены в Приложении 2 и 3). Каждый из этих способов имеет свои удобства и недостатки в работе.

Работая с анкетой в виде исчисления, лингвист вооружен метаязыковым глубинным представлением системы значений, что является большим облегчением в исследовании – семантические компоненты каждого комплексного значения ясны. Вместе с тем не для каждого такого значения легко подобрать эквивалент на языке-посреднике, доступный пониманию информанта. При работе с диагностическими высказываниями форма опроса внешне проста: предъявляются сами диагностические высказывания, вставленные для удобства понимания в простейшие предложения. Однако глубинные семантические значения, лежащие в основе этих диагностических высказываний, часто не выражены, так как приведенная классификация значений является ориентировочной и грубой. Видимо, наиболее удобно иметь комбинированную анкету, сочетающую преимущества обоих типов. Работа по анкете не должна носить механического характера, т. к. в действительности в процессе перевода на язык-объект возникают многочисленные трудности, влекущие за собой различные источники. Исследователь постоянно должен быть начеку и сверяться. Исследователь постоянно должен быть начеку и сверяться. Каждое полученное новое высказывание с предыдущими, тестируя их на взаимную непротиворечивость.

Анкеты, сколь тщательно бы они ни составлялись, не могут заменить творческого элемента в открытии грамматики языка-объекта. Они служат лишь вспомогательным инструментом, повышающим эффективность исследования, опорными точками, от которых должно отталкиваться лингвистическое воображение исследователя, и не имеют самодовлеющего значения. В процессе работы такие анкеты могут корректироваться и расширяться.

Частью с использованием анкет на этом этапе необходимо собирать и спонтанно произнесенные высказывания, и краткие связные тексты, о чем подробнее будет сказано в § 3. Исключительно важен на этом этапе также сбор парадигм. Доминирование морфологического элемента в работе не означает, что синтаксисом и семантикой при этом заниматься не надо. Напротив, словарь в этот период продолжает интенсивно расти, структура предложений становится более развернутой и синтаксически более разнообразной. В зависимости от степени специального интереса к синтаксису и семантике они могут занимать на этом этапе большее или меньшее место.

Углубление знаний о языке-объекте приводит к тому, что основной арсенал его словоизменительных средств становится вскрытым, и после этого наступает наиболее содержательный и требующий кропотливого труда этап изучения языка-объекта, уже мало отличающийся от методов, применяемых в обычном описательном языкоznании, если игнорировать существенный экспериментальный характер полевой работы. Выявляются наиболее трудные места в грамматике языка-объекта, на которые и направляется основное внимание исследователя.

§ 1.4. Опрос по системе: гипотеза₁ → данные₁ → гипотеза₂ → данные₂ → ... → добывное знание

Существует мнение, что полевая работа, ограниченная, как правило, сжатыми сроками, диктует разграничение этапов сбора материала и обобщения его. Представляется, что такое жесткое разграничение их нежелательно и на самом деле может привести не к сокращению, а удлинению сроков работы. Сбор данных нельзя рассматривать как механический процесс, так как важно в первую очередь не количество ма-

териала, а его качество⁹⁴. Статистическое наращивание предложений и текстов не гарантирует сбора именно таких высказываний, которые необходимы и достаточны для построения правдоподобной гипотезы.

Значительно продуктивнее работы по системе: гипотеза → данные₁ → гипотеза₂ → данные₂ → ... → добытое знание. Первоначальной гипотезой о существенных свойствах языка-объекта являются представления о субстанциональных и формальных универсалиях, которые реализуются в программе исследования и анкетах.

Первичное исследование сужает класс возможных свойств языка-объекта, которые первоначально ему приписывались, и делает их более содержательными. Прибавление новой информации данных должно текущим образом перерабатывать существующие представления о языке-объекте, так чтобы на каждом этапе исследования добытым данным соответствовала объясняющая их гипотеза. Такая гипотеза обладает определенной предсказующей силой: она предопределяет строение новых, не встречавшихся еще исследователю данных. Дальнейший сбор материала идет с учетом этой предсказующей силы гипотезы, и всякий раз, когда происходит столкновение гипотезы с новыми данными, необходима проверка их обоих на истинность (данные тоже могут быть неверны, см. ниже). При таком процессе исследования сбор новых данных регулируется уже собранными данными через объясняющую их гипотезу и продолжается до тех пор, пока очередная гипотеза не начинает хорошо предсказывать данные, которые со своей стороны ее не меняют. Такой процесс в принципе бесконечен, но предсказуемостная сила гипотез постоянно растет, и разумно сделать остановку (считать, что анализ завершен) тогда, когда получение достаточно большого количества новых текстов дает сравнительно небольшое изменение очередной гипотезы⁹⁵. Разумеется, к проверке гипотезы надо относить-

⁹⁴ На это указывал еще один из крупнейших представителей отечественной полевой лингвистической традиции – Боузен де Куртенэ, много занимавшийся полевыми диалектологическими исследованиями: "Для науки всегда желательнее и полезнее даже небольшое количество верных и несомненных фактов и основанных на них выводов, нежели громадная куча, вскоре замеченных явлений и обусловленных ими предположений, иногда весьма проблематического свойства" (И.А.Бодуэн де Куртенэ. *Опыт фонетики рязанских говоров*. Варшава – Петербург, 1875).

⁹⁵ Именно это имеет ввиду Богораз, описывая процесс изучения им чукотского языка: он работал с перерывами в течение полутора лет "пока не достиг того, что формы незнакомого обозрования стали встречаться сравнительно редко" (В.Г.Богораз. *Материалы по изучению чукотского языка и фольклора*. "Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М.Сибирякова", отдел III, том XI, часть III, С.-Петербург, 1900, стр. II).

ся с максимальной бесстрастностью, не становясь ее рабом и не стремясь подчинить ей факты.

Именно такой процесс можно наблюдать в эволюции овладения языком, которую претерпевает ребенок (разумеется, построение гипотез носит неосознанный характер, но их наличие и изменение ярко манифестируется речевой деятельностью ребенка).

Если перевести эти рассуждения на язык практических рекомендаций, то каждый сеанс работы с информантом должен требовать после себя изучения полученных данных и корректировки плана дальнейшей работы. В связи с увеличением корпуса данных и усложнением гипотез от устройстве языка-объекта постепенно происходит изменение соотношения времени, необходимого для работы с информантом, и времени, затрачиваемого на анализ данных. Если вначале большая часть времени тратится на первый вид работы, то постепенно удельный вес второго вида растет ("Пересмотр и проверка материала требуют больше времени, нежели его записывание"⁹⁶) и, как правило, наступает такой момент, когда количество данных превышает дневной резерв времени исследователя, и тогда в полевой работе разумно сделать перерыв. Весь полученный в поле материал обрабатывается дома с особой тщательностью, после чего обычно оказывается, что для построения завершающей (или очередной) модели изучаемого фрагмента языка-объекта не хватает данных определенного вида и необходимо повторное обращение к помощи информанта⁹⁷.

Наращивание данных может происходить разными темпами в конкретных случаях, но опыт показывает, что двадцать–тридцать дней интенсивной работы бывает достаточно для первичного "насыщения" данными.

Итак, в процессе полевой работы крайне желательно строить промежуточные модели изучаемого фрагмента языка-объекта, стремясь конспективно фиксировать их в письменном виде и обсуждая их, если условия работы коллективные, с коллегами, так как требование сформулировать свое знание для передачи его другому лицу делает очевидными логиче-

⁹⁶ Письмо проф. А.И.Белича к И.А.Бодуэну де Куртенэ о собирании диалектологического материала. "Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук", т.ХУIII, кн. 1, 1913, стр. 238.

⁹⁷ На необходимости повторной проверки материала после его теоретического изучения настаивал Бодуэн де Куртенэ: С.К.Пожарская. *Методика диалектологических исследований* И.А.Бодуэна де Куртенэ. "Материалы и исследования по русской диалектологии", Новая серия, т. III, М., 1962, стр. 167.

кие скачки и противоречия, которые иначе могут долго оставаться незамеченными.

§ 1.5. О практическом изучении языка

По разному трактуется полевыми лингвистами вопрос о необходимости уметь говорить на языке-объекте. Существует точка зрения, что без умения свободно говорить на языке бессмысленно пытаться строить его описание⁹⁸, так как иначе лингвист находится в полной власти у информанта-переводчика, которого он и понять толком до конца никогда не сможет. Существует и прямо противоположное мнение, что стремиться к овладению языком абсолютно не нужно, т. к. это само по себе еще не обеспечивает высокого качества научного описания: носитель языка, блестяще на нем говорящий, вряд ли может внести большой вклад в его описание, не будучи вооружен лингвистической теорией.

Думается, что обе точки зрения в своем крайнем выражении неверны, и полезнее не формулировать столь категорических утверждений, а уточнить, каково положительное и отрицательное значение владения языком-объектом.

Владение языком-объектом полезно в следующих отношениях: (1) Дает возможность работать с использованием языка-объекта в качестве языка-посредника, т. е. работать с monoязычным информантом, а также работать с текстом без переводчика. (2) Исследователь может собирать данные избирательным "пассивным" методом, наблюдая естественное речевое поведение говорящих и отбирая искомые факты. (3) Исследователь может подвергать себя самонаблюдению, значительно сокращая процесс исследования. (4) Практическое знание языка-объекта служит для исследователя дополнительным источником самоутверждения и уверенности, что построенная им модель соответствует фактам языка-объекта, а также способствует авторитету исследователя в глазах носителей языка, которые не всегда убеждены, что лингвист занимается состоящим делом.

Ненацеленность на практическое овладение языком имеет свои преимущества: (1) Так как из знания языка не следует эксплицитное знание его грамматики, исследователь не

⁹⁸ Ср. высказывание Уленбека: "Лингвист должен разговаривать с информантом без использования промежуточного языка" E.M.Ulenbeck. *The study of the so-called exotic languages and general linguistics*. "Lingua", 9, 1960, p. 443.

затрачивает значительного количества усилий, не направленных на достижение своей непосредственной цели. (2) Особенности структуры языка-объекта бросаются в глаза исследователю и, не зная языка, зачастую удается заметить такие факты, которых человек, овладевший языком, не замечает, так как правила, их определяющие, ушли в подсознание, без чего невозможно практическое владение языком. (3) Владение языком-объектом всегда носит относительный характер, что при некритичном отношении к степени владения этим языком может привести к порождению исследователем неграмматичных высказываний, рассматриваемых им как грамматичные (опасность введения самого себя в заблуждение).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что видимо, некоторое владение языком, достижимое без затраты специальных усилий, обеспечивающее контроль за переводом, который дает информант, и позволяющее строить, пусть не всегда бегло, новые высказывания и проверять их грамматичность, крайне полезно при научном изучении языка⁹⁹, но нет нужды превращать стремление практически освоить язык-объект в самоцель.

§ 2. РАБОТА С ИНФОРМАНТОМ

§ 2.1. "Человеческий фактор" в полевой работе

Как уже отмечалось в главе I (§ 2), полевая лингвистика относится к экспериментальному методу описательной лингвистики (типы В и Г на схеме 1), при котором лингвист отделен от объекта своего изучения (языка-объекта) и от материализующих его средств (данных) человеком, с помощью которого он получает все сведения об интересующем его предмете. Фундаментальную важность этого факта трудно переоценить.

Единственным исходным материалом для исследования могут быть правильные высказывания на языке-объекте, произносимые произвольно в условиях естественной или заданной коммуникативной ситуации или искусственно стимулированные исследователем при работе с информантами. Конечной целью полевой работы является обнаружение граммати-

⁹⁹ Ср.: M. Mead. *Native languages as field-work tools*. "American Anthropologist", 41, 1939, pp. 189–205.

ки изучаемого языка; специфичность достижения этой цели состоит в том, что между лингвистом и языком стоит информант. Однако, информант – не автомат по механическому порождению грамматически правильных высказываний на данном языке, а человек, привыкший к бесконтрольному использованию языка в коммуникативных целях. Этот факт, с одной стороны, представляет для лингвиста большую ценность (языковое поведение информанта не осложнено предвзятыми мнениями) и, с другой, является существенной помехой в работе (порождение изолированных высказываний, направленных на демонстрацию того или иного лингвистического факта, малоестественно для неискушенного носителя языка).

Основное внимание неискушенного информанта сосредоточено на содержании высказывания, а не на его форме. Из-за этого могут проистекать разнообразные затруднения в работе, например, когда информант отказывается признать правильность высказывания, исходя из его смысловой нелепости (неразличение им семантической и грамматической правильности).

Тем более является грубой методической ошибкой считать, что информант может производить лингвистический анализ или сравнение произносимых им высказываний. Поэтому недопустимыми, строго говоря, являются вопросы к информанту, начинающиеся с "почему" (типа "почему в русском языке есть пары словоформ *рубаха* – *рубахи*, но только одна *штаны*?", "почему в русском языке можно сказать *я бы хотел тебя видеть*, но нельзя **я бы хочу (захочу) тебя видеть*?", "почему в русском языке в косвенных падежах слова *стол* ударение переходит на окончание, а *стул* – нет?", "почему в русском языке *едва* и *чуть-чуть* взаимозаменимы в высказываниях он *чуть-чуть хромает*, он *едва хромает*, но не в он уже *едва хромает*, *он уже чуть-чуть хромает?"¹⁰⁰ и т. п.), хотя исследователь часто не может удержаться от искушения задавать такие вопросы и всегда бывает разочарован или наказан. Даже ответ на вопросы, касающиеся факта существования или степени отмеченности некоторого высказывания или общей характеристики его значения (типа "можно ли так сказать?", "встречается ли такая форма в речи?", "означают ли то же самое две данные формы?") часто оказываются затруднительными для информанта.

¹⁰⁰ Пример Ю. Д. Апресяна.

Не приходится говорить о той трудности, которую создает язык-посредник, которым участники исследования могут владеть далеко не в равной мере, что вносит дополнительный информационный шум в работу. Специфическую трудность представляет исследование на языке-посреднике, родственном языку-объекту, когда первый является литературным по отношению к второму – диалекту¹⁰¹. Языковой престиж языка-посредника может влиять таким образом, что информант подстраивается под речь исследователя, особенно при прямых вопросах (например, после вопроса "как Вы произносите слово *heart?*" можно ожидать ответа – "Точно так же как Вы"¹⁰²), хотя это не соответствует лингвистической действительности.

Следует также не упускать из виду, что человек всегда остается человеком с присущей ему утомляемостью, бессознательным переключением внимания, психической предрасположенностью к тем или иным видам деятельности, эмоциональным регулированием своего поведения, социальными предрассудками и т. п., оказывающими часто неожиданное влияние на результат полевой работы.

Все перечисленные трудности не говорят о том, что следует избегать активного влияния на речевое поведение информанта, они лишь предостерегают исследователя, заставляя его все время учитывать специфичность такой работы, предъявляющей особые требования к методу извлечения данных и к тщательной их проверке.

Лингвистический полевой метод близок к соответствующему разделу антропологии¹⁰³, занимающемуся полевым исследованием этнических и социальных группировок, и в ней мы можем почертнуть некоторые идеи, касающиеся процедур

¹⁰¹ Ср.: А. П. Дульzon. *Диалекты татарских аборигенов Томи*. "Ученые записки Томского педагогического института", XV, 1956, стр. 320.

¹⁰² В. Bloch. *Interviewing for the Linguistic Atlas*. "American speech", 10, 1935, p. 7.

¹⁰³ Ср.: Г. Хойер. *Антропологическая лингвистика*. "Новое в лингвистике", вып. I, М., 1965; F. Boas. *Race, language, and culture*. Н.-У., 1948.

работы с информантами и связанными с ней психологическими и этническими проблемами¹⁰⁴.

Ввиду вышесказанного неверно думать, что всякий носитель языка может быть хорошим информантом. Наоборот, "хорошие" информанты встречаются крайне редко, если требовать от них проявления комплексных качеств, реализующихся в одном человеке. В действительности же при различных задачах от информанта требуются различные качества, важные для полевой работы. Укажем некоторые из них.

(1) Знание языка-объекта. Не всегда очевидно, что носитель языка хорошо знает язык-объект, особенно если он долгое время жил в другой языковой среде или знает различные диалекты языка-объекта, поэтому важно на каждого информанта составлять его анкету, фиксирующую контакты с другими языками и продолжительность пребывания вне данной языковой общности.

(2) Знание языка-посредника. При двуязычном подходе исследователь по существу наблюдает два ряда лингвистических феноменов: высказывания на языке-объекте и их семантические эквиваленты на языке-посреднике. Кроме того, последний может быть также средством управления лингвистическим поведением информанта. Во всех этих случаях степень знания информантом языка-посредника очень важна для эффективности занятий.

(3) Переводческий талант. При переводе связных текстов не всякий информант, даже хорошо владея языком-посредником, может хорошо справляться со своей задачей. Это касается также переводов высказываний, направленных на уяснение их семантической специфики, когда языковое чутье информанта может значительно облегчать работу.

104 См., например, статьи: R.H.Wax, *Reciprocity in field work*; St.A. Richardson, *A framework for reporting field relations experiences*; K.W.Back, *The well-informed informant*; A.Vidich and J.Barsman, *The validity of field data*; K.H.Wolff, *The collection and organisation of field materials: a research report*; H.S.Becker and B.Geer, *Participant observation: the analysis of qualitative field data*—в книге: R.N.Adams and J.J.Preis (eds), *Human organisation research: field relations and techniques*, Homewood, III, The Dorsey press, 1960; см. также: J.A.Barnes, *Some ethical problems in modern fieldwork*, "British Journal of Sociology", 14, 1963, pp. 118–134; W.J.Hanrahan, *Image-making in field research: some technical and ethical problems arising from research in tropical Africa*, "American Behavioral Scientist", 8/5, 1965, pp. 15–20.

(4) Произношение. Носители языка значительно различаются по четкости и качеству артикуляции, и это свойство важно в фонетических исследованиях (как при первичном изучении языка, так и при специальном интересе к фонетике), при которых желательно иметь информанта с качествами "дикторского" произношения.

(5) Ассоциативная подвижность мышления. Когда от информанта требуется порождение связного текста на языке-объекте (произвольного, по теме или по картинке), а также спонтанных высказываний по ассоциации, важно наличие у него развитого воображения, так как бедность содержания приводит обычно к грамматической шаблонности таких текстов.

(6) Терпение. Определенные виды работы (особенно парадигматический опрос), а также недостаточная память исследователя (неоднократное задавание одного и того же вопроса) требуют от информанта большого терпения.

(7) Честность и отсутствие чувства "языкового престижа". В полевой работе часто возникает ситуация (как правило, по вине исследователя), когда информант по существу затрудняется ответить на вопрос или не вполне понимает его, и тут велика опасность неправильного понимания информантом своей миссии: часто он исходит из тезиса, что раз он знает язык, то он должен уметь отвечать на любой вопрос о нем, и поэтому стремится скрыть свое затруднение. Это может приводить к ошибкам.

(8) Строгость. Если исследователь тестирует правильность своего владения языком-объектом (произношения, производства грамматических форм, высказываний и т. д.), опасна снисходительность информанта, не желающего обидеть исследователя придираками и поправками.

(9) Научаемость. Многие из перечисленных выше качеств не являются постоянными, опыт показывает, что регулярная работа с информантом, как правило, научает его, и это свойство является особенно ценным. Зная приемы исследователя и сходу понимая, что от него требуется, информант работает в более эффективном режиме, чем в начале исследования. Такая научаемость не имеет ничего общего с пониманием лингвистической задачи, которую преследует исследователь в каждом вопросе. Речь идет лишь о понимании того, какой реакции хочет добиться исследователь своим вопросом. Методика же анкетирования обычно предполагает "обман" информанта.

манта: нужно так стимулировать его поведение, чтобы об истинных целях лингвиста он не подозревал и производил высказывание естественно, преследуя некоторую совершиенно другую цель, будто именно она и является задачей исследователя. Делается это, разумеется, не из-за стремления обмануть информанта, а напротив, помочь ему незаметно для себя ответить на истинное существо вопроса.

(10) Лингвистическая неискушенность. Независимым от научаемости является свойство лингвистической неискушенности, которое следует считать крайне положительным, так как наличие у информанта тех или иных языковедческих догм (часто из дурных источников) сильно затрудняет работу. Желательно, чтобы информант не располагал никакой априорной классификацией фактов, хотя в процессе создания ее исследователем информант может ее воспринять и облегчить тем самым дальнейшую работу по сбору соответствующих фактов (так, полезным бывает усвоение информантом используемой транскрипции, за которой лежит соответствующая классификация, системы выделенных грамматических противопоставлений, словообразовательных моделей и т. п.).

В соответствии с видами выполняемых работ могут выбираться различные информанты, "хорошие" именно для данной цели. Практически далеко не всегда можно разыскать оптимального информанта, так как важным его свойством является наличие у него достаточного количества свободного времени, а им не всегда могут располагать люди, наиболее подходящие с точки зрения ожидаемых от них свойств.

В полевой работе встает вопрос о количестве информантов, необходимых для обоснованной экстраполяции полученного описания на весь язык-объект.

Работа только с одним информантом, естественно, таит в себе опасность описания идиолекта, а не языка в целом. Однако стремление обследовать как можно большее количество информантов тоже не всегда оправдано, т. к. не для всякой цели нужно опрашивать многих информантов, а работа с каждым новым информантом неизбежно требует определенного времени на установление взаимопонимания, на "притирку" друг к другу. Желательно иметь разнообразные тексты от разных носителей языка, а исследовательскую работу по обнаружению грамматики вести с ограниченной группой информантов, наиболее соответствующих предъявляемым к ним

требованиям. Следует указать на нежелательность работы одновременно с несколькими информантами (если их функции не разграничены — например, информанта и интерпретатора), так как это часто, хотя и не всегда, ведет к пробуждению чувства "языкового престижа" со всеми нежелательными последствиями (спорами, стеснительностью, тенденциозным поведением и т. п.).

При работе с несколькими информантами может оказаться, что даваемые ими формы будут в том или ином отношении различаться между собой, что не всегда связано с ошибками записи (хотя это может оказаться в конкретном случае истинной причиной расхождений), а может являться следствием возрастных или диалектных различий, различий полного и разговорного стиля речи, а также с наличием в языке дублетных форм¹⁰⁵. Причины таких расхождений должны быть выявлены, после чего можно принять решение о включении или невключении их в описание.

§ 2.2. Методы извлечения данных

Полевые условия, как правило, таковы, что лингвист имеет возможность работать в естественной языковой среде. Нежелание сталкиваться с трудностями, указанными в предыдущем разделе, приводит иногда к тезису о научности лишь, так сказать, непредвзятого подхода, при котором носителю языка ничего не навязывается, и лингвист лишь наблюдает за поведением говорящих. Такой метод можно назвать "пассивным". Методическая чистота такого метода бесспорна. Однако представляется, что борьба за чистоту метода должна вестись в другом направлении и что наибольшее значение при двуязычном подходе к изучению языка-объекта должен иметь активный метод извлечения данных, сильно расширяющий возможности лингвиста и способствующий наиболее эффективному изучению языка, так как пассивный метод не в состоянии задать достаточно строго параметры нужного высказывания. Основное отличие активного метода от пассивного состоит в том, что исследователь сознательно управляет речевым поведением говорящего. Такое управление может осуществляться языковым и неязыковым способом. Близко к пассивному методу по духу неязыковое влияние

¹⁰⁵ Ср. заметы о различиях в формах, предложенных разными информантами, в работе: Е. А. Крайнович. Глагол кетского языка. Л., 1968, стр. 144, 149, 168, 169, 190, 208 и др.

(его неязыковый характер при этом относителен) на речевое поведение: обращение к жестам (правда, всегда при этом есть опасность употребить жест, особым образом интерпретируемый в данной культуре), задание речевой ситуации собственным поведением (например, демонстрацией того, что болит голова) или использование картинок, изображающих ту или иную ситуацию. Последний метод широко применяется некоторыми лингвистами. В основном, он влияет на тему высказываний, которая в свою очередь определяет состав словарных вхождений, а также на воображение говорящего. Например, Хайесом зафиксирована такая речевая реакция на картинку, изображающую собаку, сидящую под столом¹⁰⁶: "Мы, старики, не знали, что такое стол, что на нем едят. Мы, старики, пользовались чашами, которые были специально сделаны, и когда пища была приготовлена в середине комнаты, мы ели ее там. Теперь еда молодого поколения происходит за так называемым столом. Здесь, насколько я могу видеть, эта собака сидит под ним. Собака, кажется, хочет съесть хлеб, старицкий хлеб". Картиночный метод может использоваться также для извлечения некоторых грамматических значений¹⁰⁷. Думается, что возможно его дальнейшее совершенствование¹⁰⁸.

И все-таки наиболее мощным инструментом является языковое управление речевым поведением информанта, т. е. использование команд и вопросов на языке-посреднике и тестирование правильности высказываний на языке-объекте. Можно указать такие методы работы с информантом:

(1) Перевод с языка-посредника на язык-объект. Этот метод заложен в основе программ "нулевого цикла", обсуждавшихся в главе 2, а также может использоваться при специальном изучении отдельных фрагментов грамматики. Такой метод задает на языке-посреднике ту семантическую информацию, которая должна быть выражена на языке-объекте. Как говорилось выше, таким образом можно исследовать не только семантику, но и грамматику. При этом всегда желатель-

¹⁰⁶ A.S.Hayes. *Field procedures while working with Dugueño*. IJAL, v. 20, 1954, p. 187.

¹⁰⁷ Например, пространственных значений, см. J.Yegerleh-

нег. *A note on eliciting techniques*. IJAL, v. 21, 1955, pp. 286–88.

¹⁰⁸ Пособием для такого метода может служить словарь:

Ю.В. Ванников, А.Н.Шукин. *Картинный словарь русского языка*. М., 1969 (с определенными ограничениями, касающимися городских и прочих ситуаций, нетипичных для сельских жителей).

но, после получения высказывания на языке-объекте, просить обратного контрольного перевода на язык-посредник, так как очень часто высказывание—стимул и высказывание—реакция могут по смыслу не совпадать (по разным причинам). "Худшим из известных мне примеров такой ошибки было предложение исследуемого языка, соответствующее значению *Ты не должен употреблять имени бога всуе*, которое после обратного перевода на контактный язык оказалось означающим *Ты не должен обращать внимания на слова бога*"¹⁰⁹.

(2) Парадигматический опрос. При достаточно богатом словоизменении (например, в алюторском языке глагол имеет порядка тысячи словоформ), особенно если оно сопровождается разнообразными морфонологическими правилами, невозможно довольствоваться лишь случайно встретившимися словоформами, извлеченными из предложений и текстов. Поэтому после выявления основных словоизменительных категорий целесообразно производить концентрированное исследование парадигм, извлекая их, как правило, в отрыве от контекстов. Такой парадигматический опрос возможен после того, как информант приобрел навык выделения нужных лингвисту единиц.

(3) Синтагматический опрос. Это широко известный в дескриптивной лингвистике метод подстановки, используемый, например, для выяснения морфологического членения высказывания: в фиксированном высказывании последовательно заменяются элементы смысла, ведется наблюдение за изменением формы и устанавливается соответствие между смыслами и формами. Этот метод не всегда прост; так, например, иногда оказывается, что то, что с точки зрения исследователя является элементарным смыслом, на языке-объекте является комплексным смыслом, что ведет к нетривиальным изменениям в высказывании на языке-объекте.

(4) Перекрестный опрос. Иногда с целью устранения возникающих нежелательных связей между вопросами (это особенно касается парадигматического опроса) желательно прибегать к смене различных типов вопросов, когда информант должен отвечать на каждый вопрос независимо от предыдущего. Также это полезно, когда предполагается ошибка в от-

¹⁰⁹ I.Henry. *A method for learning to talk primitive languages*. "American Anthropologist", 42, 1940, p. 637.

ветах информанта, так как крайне нежелательно уличать его прямо в неправильности его ответов.

(5) Ассоциативный опрос. Этот способ применяется при работе над текстом и при получении некоторого очередного высказывания, в котором не все ясно. По каждому высказыванию происходит выявление всех его элементов и их значений, что порождает ряд новых высказываний, в которых в свою очередь есть неясные моменты, и так далее, пока не исчерпываются все неясные высказывания, возникшие в результате такого анализа¹¹⁰. В той или иной мере такой анализ в качестве побочного присутствует всегда, но особенно он насыщен, когда определенные контуры грамматики и основной состав лексики уже известны (на начальной стадии работы желание в каждом высказывании понимать все может привести к утрате основного направления изучения, так как слишком многое о языке-объекте неизвестно).

(6) Перифразирование. Иногда, исследуя синтаксические трансформационные возможности языка-объекта, семантические единицы и грамматические категории, желательно предлагать информанту попытаться высказать ту же идею другим способом.

(7) Наводящий вопрос. О многих явлениях языка-объекта, интересующих исследователя (особенно это касается малоупотребительных и вариативных форм), нельзя спрашивать прямо, нарушая естественность речевой реакции носителя языка, так как это может привести к искажению реальной ситуации. В таких случаях используется метод наводящих вопросов, совершенство и эффективность которого зависят от опыта полевой работы и лингвистического, а также психологического чутья исследователя¹¹¹.

(8) Извлечение примеров. Опыт показывает, что информанты обычно быстро научаются абстрагированно мыслить лингвистическими объектами, и тогда их можно просить приводить примеры на заданное явление: значение слова, грам-

матическую форму, ситуацию и т. п. Этот метод, как и предыдущий, дает спонтанные высказывания, не связанные с непосредственным переводом с языка-посредника.

(9) Стимул с исправлениями. Когда исследователь уже имеет некоторую гипотезу, он может строить в соответствии с ней некоторое высказывание на языке-объекте и проверять его правильность. Это может иметь место как на фонетическом, так и на грамматическом уровне.

Все указанные методы не являются взаимоисключающими и могут всячески комбинироваться.

Как указывалось выше, в процессе полевой работы неизбежно встречаются всевозможные ошибки. Причиной ошибок может быть как информант, так и исследователь. Так при транскрибировании и переводе текста исследователь может допускать неточности, не отметив факты, ускользающие от его внимания из-за недостаточного знания языка. Ошибка может возникнуть из-за некорректно поставленного вопроса, лишившего информанта возможности ответить на него непредвзято (например вопросов типа: "Как Вы произносите этот звук?", "Как Вы используете эту глагольную форму?"¹¹², а также из-за взаимонепонимания исследователя и информанта.

Следующие факторы могут способствовать возникновению ошибок при работе с информантом:

(1) Стремление к дословному переводу на язык-объект, с нарушением грамматической и семантической естественности.

(2) Приспособление к "невежеству" исследователя, ведущее к сознательному упрощению речи.

(3) Давление парадигматического опроса — в отрыве от контекста, особенно при наличии вариативных форм, выдается форма, аналогичная некоторой предшествующей.

(4) Ошибка ожидания — если информант ожидал другого вопроса, нежели заданный.

(5) Челингвистические факторы — информант, как всякий человек, не может работать без сбоев и с определенной частотой делает ошибки.

Каковы способы верификации данных? Это (а) уже упоминавшийся выше перекрестный опрос; (б) контрольная проверка данных с помощью опроса различных информан-

¹¹⁰ В качестве основного такой метод работы использовал Богораз: "Я записывал под диктовку Айнаванвата и других чукоч отрывки рассказов, потом составлял приблизительный перевод, подвергал каждое слово подробному грамматическому разбору, уясняя себе соотношение слов и вместе с тем придавая своему переводу точность" (В.Г.Богораз. Материалы по изучению чукоцского языка..., стр. II).

¹¹¹ Ср.: С.С. Высотский. Методы изучения диалектов. "Доклады и сообщения ИЯ АН СССР", № 6, 1954, стр. 137.

¹¹² L.Bloomfield, Outline guide for the practical study of foreign languages. Baltimore, Md., 1942, p. 2.

тов; (в) контрольная проверка данных и описания изучением одной и той же темы разными исследователями; (г) давление системы → нахождение противоречий в данных, исходя из описывающей гипотезы; (д) углубление знаний о языке — чем больше знает лингвист о языке, тем легче ему заметить ошибку в данных и не допустить ее самому.

§ 3. СБОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

§ 3.1. Корпус предложений

Наиболее естественной произносительной единицей, которую следует принять также за единицу анализа, следует считать предложение.

Разумеется, в пределах предложения производится анализ более мелких составляющих, но, как правило, они фиксируются в рамках предложения, и удобно их в таком виде и извлекать у информанта. Для грамматических записей удобно иметь блокнот, если нет стационарных условий для работы с информантом, в противном случае записи удобнее вести в тетради большого формата, так чтобы большой массив материала одновременно мог находиться перед глазами. В процессе работы появляются предложения, стимулированные различными способами. В дальнейшем для оценки истинности предложения желательно знать, как оно получено, поэтому следует делать об этом соответствующую пометку. С этой точки зрения предложения бывают следующих типов:

(1) Спонтанные (изолированные высказывания, произнесенные информантом естественно, не навязанные исходным образом, заданным на языке-посреднике).

(2) Переведенные с языка-посредника.

(3) Трансформы (возникшие в результате частичного преобразования ранее полученного предложения или предложений).

Спонтанные предложения могут совершенно не зависеть от исследователя (информант приводит их по собственному желанию) или являться примером на семантический (например, значение слова) или грамматический (например, употребление какого-нибудь времени, фонотактическая закономерность) факт.

Несмотря на то, что предложения обычно собираются на то или иное лингвистическое явление, обычно оказывается, что они могут быть интересны и с многих других точек зрения, которые не всегда можно сразу учесть. Когда материал записан только в тетради, последующий поиск примеров на нужное явление чрезвычайно усложнен, требует многократных просмотров. Если один исследователь еще может ориентироваться в своем материале (и то до определенного предела), то хранение данных в тетрадях становится крайне нецелесообразным при коллективной работе: в таком случае воспользоваться чужими материалами практически невозможно. Поэтому встает задача создания единого корпуса предложений, удобного для многократной сортировки и классификации. Такой корпус целесообразно хранить на перфокартах¹¹³, являющихся удобным техническим средством разметки признаков, которым данное предложение удовлетворяет.

Признаки должны быть в меру дробными и общими, настолько, чтобы в заданном массиве каждый лингвистический определяемый признак вычленял сравнительно небольшое число предложений (такое, чтобы их можно было быстро досортировать вручную) → не более ста, но и не слишком малое число, так как признаков будет тогда слишком много и возникнут трудности с маркировкой (это не касается тех признаков, которые априорно разбивают весь массив на ограниченное число классов ~ 2, 3, 4).

Для хранения предложений наиболее удобны по размерам перфокарты с двойной перфорацией типа К-6 формата 105 × 147 мм, имеющие 74 двойные ячейки (перфорационные отверстия). Площадь чистого поля у этих перфокарт такая же, что и у обычных каталожных карточек. Каждое предложение с переводом выписывается на отдельную перфокарту, и ему приписывается порядковый номер, так чтобы потом всегда можно было сослаться на него и найти в массиве. Затем перфокарта маркируется компьютером в соответствии с релевантными для данного предложения признаками. Основное удобство массива перфокарт состоит в том, что в нем можно механически искать пред-

¹¹³ Об использовании перфокарт см.: А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляровский. *Основы информатики*. М., 1968, стр. 540–551; С. Роометс. *Перфокарты и их применение*. Таллин, 1966.

ложении заданного вида; массив перфокарт протыкается спицей по той ячейке, которая соответствует нужному признаку, и выпадают те перфокарты, которые содержат нужные предложения. Предложения могут искасться также по конъюнкции признаков (удовлетворяющие одновременно более чем одному признаку). В условиях комплексного (многоуровневого) изучения языка, при наличии большого массива, а тем более, если работа ведется коллективно, такой корпус позволяет учесть всю добывшую информацию. На схеме в Приложении 6 дан образец маркировки перфокарты, разработанный для полевого изучения незнакомого языка кавказского типа (знание типа наложило некоторый отпечаток на систему признаков, например, выделение эргативной конструкции, падежной системы); вместе с тем многие признаки трактуются универсально, по-разному интерпретируясь в каждом конкретном языке. Признаки выбраны так, что они делают корпус пригодным как для морфологического, так и для синтаксического анализа. Фрагментарно представлены также фонетика и семантика. Эти признаки рассмотрены в Приложении 6 (большинство признаков дано в прямом коде, за исключением номера предложения или текста, даваемого в селекторном порядке коде).

Выделяемые в данной системе признаки иногда частично повторяются (например, отдельно маркируется простое предложение и сложное, кроме того, отдельно маркируются различные типы сложноподчиненных предложений, признак наличия дательного падежа и дативной конструкции и некоторые другие). Это объясняется тем, что данная система строилась не как логически неуязвимая, а как практическая удобная: так, чтобы требуемую информацию можно было получить за наименьшее число сортировок. Отметим также тот факт, что в ряде случаев признак, маркируемый по глубокой ячейке, является видовым (т. е. подпризнаком) по отношению к маркируемому по мелкой ячейке, например: "текст-диалог", "пример вообще-пример семантический", "причина вообще-причина, выраженная средствами сложного предложения" и т. д. Иногда же пары признаков логически независимы, например "родительный падеж-дательный падеж", "сравнение-эквативность" и т. д. Такие признаки объединены в пары из соображений экономии ячеек, и если нас интересует признак по мелкой ячейке, то вы-

делить его можно лишь в два шага: сперва все примеры с глубокой вырезкой, затем только с мелкой.

§ 3.2. Корпус текстов

Никакое лингвистическое исследование не может ограничиться лишь специально извлеченными изолированными предложениями. Важным источником сведений о языке-объекте являются также естественные связные тексты. Это могут быть канонизированные тексты (сказки, притчи, анекдоты, предания и прочие виды фольклора), а также тексты импровизации (случаи из жизни, жизнеописания, рассказы о профессиональной деятельности, об обычаях и обрядах, рассказы по картинке и т. п.), а кроме текстов, произносимых специально для исследователя, интересны тексты, демонстрирующие максимально непринужденную человеческую речь. Это диалоги или разговоры нескольких лиц, фиксирующие реальное коммуникативное использование языка-объекта в речи говорящих.

Тексты-импровизации желательно записывать на магнитофон в естественном темпе речи. Канонизированные тексты можно записывать со слуха, если говорящий является одновременно и переводчиком, в противном случае магнитофон является также наиболее удобным средством первичной записи.

Транскрибирование с магнитофона, при известном знании языка-объекта, можно проводить самостоятельно, но удобнее пользоваться носителем языка, который не обязательно должен владеть языком-посредником, достаточно, чтобы он понимал свои функции (такими помощниками могут быть дети, хотя помочь при транскрибировании требует большого терпения от информанта). Вообще, понимая текст, его легче транскрибировать, но в принципе процесс транскрибирования может быть ограничен от процесса перевода, особенно если эти работы выполняются разными исследователями и/или при посредстве разных информантов.

Затранскрибированные тексты затем подвергаются переводу. Основные этапы перевода: поморфемный, пословный, подстрочный и литературный, хотя затруднительно разграничить их достаточно строго: "существует столько

же степеней литературности и свободности перевода, сколько имеется уровней иерархической структуры «абзаца»¹¹⁴.

Задача создания корпуса текстов ставит две основные проблемы: проблему уровней транскрипции и проблему перевода (это, конечно, касается и корпуса предложений), каждая из которых имеет два аспекта — как осуществлять и как представлять в окончательном виде. Процесс транскрибирования опирается на те принципы, которые обсуждались выше (§ 1 главы 2). Процесс перевода подробно описан по этапам Фегелином¹¹⁵, который предусматривает первичное вычленение предложения, выделение в нем слов и их значений, идентификацию морфем, перевод слова за словом в порядке их следования в тексте, устранение избыточных элементов в переводе и дополнение необходимых, перевод с учетом порядка слов языка-посредника (что требует иногда значительных перестановок отдельных слов), расстановку знаков препинания.

Особого внимания заслуживает аспект, касающийся окончательной формы представления перевода, который решается разными авторами по-разному. Что касается транскрипции, то ясно, что фонетический уровень неприемлем, так как он фиксирует избыточное разнообразие поверхностных структур, за которым трудно увидеть лежащие в их основе общие единицы.

Спорным является вопрос о преимуществе использования для записи фонологического или морфонологического уровня. Фонологический уровень удобен тем, что правила перехода к звучащей речи довольно просты, и читатель, не знакомый с языком-объектом, может их легко освоить. Недостаток его в том, что на фонологическом уровне, как правило, невозможно произвести членение слов на морфемы, так как некоторые стыки морфем не могут быть заданы внешним способом, например, дефисом. При морфонологи-

ческой записи морфемы представлены в максимально единообразной форме и членение текста на морфемы показать несложно, но такая запись требует знания многих правил чтения, рассыпанных часто по всему описанию, что усложняет пользование таким текстом, так как известно, что восприятие человеком письменного текста без его «проговаривания» крайне затруднено. Поэтому хорошо представлять текст в обеих формах, если это возможно, в противном случае приходится искать тот или иной компромиссный вариант, при котором мы уже имеем дело не с одноуровневым представлением, а с орфографией, допускающей ряд условных написаний.

Еще более затруднительна проблема перевода. Часто тексты сопровождают лишь так называемый «литературный» перевод, что делает работу читателя, желающего ознакомиться с текстами, крайне тяжкой даже при наличии словаря. Если ориентироваться на читателя, не знакомого с языком-объектом, то надо, чтобы такой читатель был в состоянии произвести членение текста на языке-объекте на слова и морфемы и соотнести их с элементами смысла, содержащимися в переводе. Очевидно, что в рамках литературного перевода в ряде случаев это сделать принципиально невозможно, так как часть информации утрачивается, а часть привносится. Поэтому необходим или промежуточный уровень (или уровни) перевода, или комментарий. Кроме лингвистических комментариев бывает необходим и экстравалигвистический комментарий ввиду существующей связи языка и культуры.

Работа по созданию корпуса текстов довольно трудоемка. Некоторые виды работ при этом могут выполняться информантом, например, транскрибирование (если правила транскрибирования хорошо отработаны и информант им обучен) и первичный перевод (который затем проверяется исследователем). Такая помощь может быть оказана лишь достаточно образованным информантом. Однако и менее квалифицированный информант может помочь в создании корпуса текстов. Например, используется методика с двумя магнитофонами. Первый магнитофон воспроизводит исходный текст, который переписывается по предложениям на другой магнитофон, после чего информант наговаривает на него же отдельные слова данного предложения, их

¹¹⁴ Ch. Hockett. *Translation via immediate constituents*, IJAL, v. 20, 1954, p. 313.

¹¹⁵ C. F. Voegelin. *Multiple stage translation*, IJAL, v. 20, 1954, pp. 271–80; C. F. Voegelin. *A modern method for field work treatment of previously collected texts*. "Journal of American Folklore", 67, 1954, pp. 15–20. Применение метода Фегелина описано в работах: J. Yegerlehner. *The first five minutes of shawnee laws in multiple stage translation*, IJAL, v. 20, N 4, 1954, pp. 281–294; M. Davis. *Translation from FL Cuicateco to TL English*, ibid., pp. 302–312.

переводы и перевод всего предложения¹¹⁶. Таким образом подготовленный текст исследователь может уже обработать до:иа, имея определенные знания о языке-объекте.

Корпус текстов является тем материалом, на котором тестируется в конечном счете правильность гипотез, сформированных на основе анализа изолированных, обычно искусственно стимулированных предложений.

§ 3.3. Корпус лексем

Наиболее трудоемкой задачей является составление корпуса лексем (словаря), что связано с многочисленностью единиц, подлежащих сбору, с трудностью их извлечения, а также многообразием информации, которая должна быть прописана каждой единице. Сбор лексем может осуществляться "по слухаю" и по программе. В зависимости от задач лексикологического описания по-разному решается проблема сбора лексического материала, но следует предостеречь от заблуждения, что сбор лексики нужен только для семантических исследований. Напротив, даже морфонологическое описание невозможно без достаточно обширного словарника, так как при этом необходимы многообразные позиции, в которых реализуются или проявляются те или иные морфонологические правила.

При специальном изучении лексики языка-объекта необходима разработка программы опроса и методов извлечения лексем, но пополнение их "случайным" образом тоже неизбежно, так как не все можно предусмотреть. Для сбора лексики удобен "тезаурусный" метод: выделение определенных семантических групп слов (обладающих общим семантическим признаком) и их систематическое извлечение¹¹⁷. По тезаурусному принципу построен словарь-минимум в Приложении 5. Обычно приходится идти от языка-посредника, хотя именно здесь исследователя подстерегает много неожиданностей: для того, чтобы их избежать, желательно иметь метаязык описания семантики, реализацией которого

116 Cf.: F. Lyonsburg. *Field methods...*, p. 410.

117 См., например, опыт создания программы исследования для получения слов семантической группы "дрова" в работе: T. J. Metzger, G. E. Williams. *Some procedures and results in the study of native categories: tzeltal "fire wood"*. "American Anthropologist", v. 68, N 2, T. 1, 1966, pp. 389-407.

мог бы служить толковый словарь языка-посредника, контуры которого обрисованы в работах Ю.Д. Апресяна¹¹⁸. Такой словарь задавал бы для каждого слова языка-посредника в явной форме его значение (или значения), и это бы очень облегчило задачу установления соответствия между словом языка-объекта и его переводным эквивалентом, т. к. существующие толковые словари в этом отношении крайне малоинформативны. Коль скоро слово имеет толкование, становится по крайней мере ясно, что надо выяснить о соответствующем слове языка-объекта, чтобы поставить между ними знак равенства. Однако такого словаря нет, и строить его на ходу, попутно, решая одновременно другие исследовательские задачи, — это значит непомерно упрощать и вульгаризировать проблему. Поэтому обычно полевой лингвист стремится, не мудрствуя лукаво, собрать как можно больше релевантных контекстных употреблений каждой лексемы, из которых прояснилось бы ее значение. Ясно, что такой метод далек от совершенства, но теоретическая лингвистика, как это ни удивительно, крайне скучно наделила полевого исследователя научным инструментом познания семантики незнакомого языка. Поэтому создание научного толкового словаря русского языка является насущной потребностью русской полевой лингвистики.

Трудность словарной работы состоит также в том, что слова определяются не только лингвистическим контекстом, но и культурным контекстом: "фундаментальная проблема полевого исследователя — это тот факт, что он должен перевести не только язык, но неизбежно также и культуру"¹¹⁹, связь культуры с языком распространяется не только на словарные значения, но и на грамматические. Найда приводит пример двух систем значения принадлежности в Новой Кaledонии: "сокровенной" и "несокровенной"¹²⁰. К первой

118 Ю.Д. Апресян. *Об экспериментальном толковом словаре русского языка*. ВЯ, №5, 1968, стр. 34-49; Ю.Д. Апресян. *О языке для описания значений слов*. "Известия АГИССР. Серия литературы и языка", т. XXVIII, вып. 5, 1969, стр. 415-428; Ю.Д. Апресян. *Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики*. Там же, том XXVIII, вып. 1, 1969, стр. 11-23. См. также опыт толкования глагола *to be* и некоторых других и сопоставления толкований в разных языках: E.H. Béndix. *Compositional analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi, and Japanese*. IJAL, v. 32, publication 41, 1966.

119 H. P. Phillips. *Problems of translation and meaning in field-work*. In: R. N. Adams and J. J. Press, op. cit., pp. 290-307.

120 E. A. Nida. *Analysis of meaning and dictionary making*. IJAL, v. 24, 1958, p. 262.

принадлежат слова *мать*, *печень*, *потомки*, ко второй — *отец*, *сердце*, *личная жизнь*. Такое противопоставление не объяснимо, исходя из значений данных русских слов, и связано с мировоззрением данной народности: это общество с традиционным матриархатом, печень рассматривается как символ всей личности и потомки имеют более интимное и длительное отношение к личности, чем его собственная жизнь.

Существенную часть словарной работы составляет изучение лексической сочетаемости слов. Формальным аппаратом (языком описания, а также извлечения данных) могут служить лексические функции Мельчука и Жолковского¹²¹, которые можно рассматривать как специальную лексикографическую анкету, гарантирующую достаточную полноту и последовательность описания¹²². Работа с такой анкетой требует большого мастерства и осторожности, так как, разумеется, нельзя просить информанта привести *Oper*, от *шаг* или *Func₀* от *дождь*. Думается, что разработка соответствующих приемов опроса может значительно способствовать выявлению лексической сочетаемости, которую трудно обнаружить, работая только с текстом или наугад подбирая вопросы. При этом может оказаться, что исследователь затрудняется описать то или иное значение в терминах лексических функций, не будучи уверен, что он его правильно и до конца понимает. Представляется, что в полевой работе основная ценность лексических функций не столько в приписывании их словоупотреблениям языка-объекта, сколько в обнаружении этих словоупотреблений.

В словаре-минимуме (см. Приложение 5) фактически реализованы некоторые деривативные лексические функции, хотя мы не преследовали цели последовательно вводить их в этот словарь. Укажем некоторые из них: *S₀* (в тематических группах 'Бытие', 'существование', 'Движение', 'Взаимное действие' и т. д.), *S₁* (в тематических группах 'Ителлектуальное воздействие', 'Трудовая деятельность'), *S₂* (в тематической группе 'Ителлектуальное воздействие'), *S_{instr}* (в группах 'Ителлектуальная деятельность', 'Трудовая деятельность'), *S_{loc}* (в группе 'Трудовая деятельность'),

¹²¹ И.А.К. Жолковский, И.А.Мельчук. О семантическом синтезе. "Проблемы кибернетики", вып. 19, М., 1967, стр. 137—238; Ю.Д.Апресян, А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей. "Научно-техническая информация", № 11, 1968.

¹²² А.К.Жолковский, И.А.Мельчук. К построению действующей модели языка "смысл <=> текст". "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып. 11, М., 1969, стр. 32.

S_{res} (в группах 'Обладание', 'Ителлектуальное воздействие'), *A₁* (в группах 'Физическое действие и состояние', 'Взаимное действие' и др.), *A₂* (в группе 'Физическое воздействие'), *Adv* (в группе 'Время'), *Caus* (в группах 'Бытие', 'Движение' и др.), *Func₀* (в группе 'Состояние погоды'), *Anti* (во многих группах раздела 'Признаки'). Сбор лексики завершается составлением словаря. Основные типы словарей таковы: алфавитный словарь иноязычно-русский (русский как эквивалент метаязыка); алфавитный словарь русско-иноязычный; тезаурус¹²³ (расположение слов не алфавитное, а тематическое¹²⁴; тезаурусы могут быть различной степени подробности), обратный иноязычный словарь (алфавитное расположение от конца к началу канонического слова или словоформы; такие словари удобны для грамматических и фонотактических исследований¹²⁵).

Сбор информации к лексеме определяется той формой, какую примет словарная статья в словаре. Поэтому на этом вопросе следует остановиться отдельно. Существующие словари, как правило, неудовлетворительны с точки зрения того места, которое они должны занимать в описании, строящемся как действующая модель. А именно, в словаре должна быть собрана вся информация: морфологическая, синтаксическая и семантическая, которая определяется конкретными словарными вхождениями, так чтобы в совокупности с грамматикой читатель мог строить (по заданному смыслу), правильные предложения на языке-объекте. Недостижимость такого идеала в настоящее время не означает, что к нему не следует стремиться. Форма такого идеального словаря разрабатывается в рамках модели "смысл <=> текст" и может быть принята за основу построения всяко-

¹²³ О словаре типа "тезаурус" см.: Ч.В.Арапов. "Некоторые принципы построения словаря "тезаурус"" // "Научно-техническая информация", № 4, 1964, стр. 40—46; А.И.Михайлов, А.И.Черный, Р.С.Гильяровский. Основы информатики. Ч.1, 1968, стр. 413—432; В.В.Морковкин. Географические словари. Ч.1, 1970. Наиболее известен тезаурус, созданный Роджетом: Р.М.Роджет. *Thesaurus of English words and phrases classified and arranged so as to facilitate the expression of ideas and to assist in literary composition*. Л., 1852.

¹²⁴ Примером тематического расположения словаря, составленного для малоописанного языка, может служить сравнительный (по четырем эскимосским диалектам) словарь в работе: Г.А.Меновщикова. "Язык сиреникских эскимосов". М.—Л., 1954, стр. 204—216; тематическая организация лексики представлена в работе: А.Л.Грюнберг. "Язык североазербайджанских та-тов". Л., 1963, стр. 114—122.

¹²⁵ См., например, обратный словарь русского языка: И.Н.Биelfeldt. *Rückläufiges Wörterbuch der Russischen Sprache der Gegenwart*. Berlin, 1958.

го, в том числе и двуязычного словаря. В таком словаре словарная статья будет состоять из следующих частей:

(1) Заглавное слово — перевод. Для каждого конкретного языка-объекта необходимо принять решение об исходной словарной форме слова. Это может быть та или иная словоформа слова, набор словоформ, корень или основа слова. В некоторых случаях может оказаться целесообразным введение некоторой абстрактной формы слова, из которой удобно выводить конкретные словоформы. Перевод слова на язык описания является его толкованием. Целесообразно отметить, что далеко не всегда удобен и возможен идиоматичный перевод. Рассмотрим следующие арчинские высказывания с переводами: *gudu laha os bala abtſuqxi* ‘этот парень одно несчастье принесет’, *qxigum abtſas* ‘костер разжигать’, *k'alumli gaqx at ſas* ‘карандашом линию провести’, *zon surat artſirſi wi* ‘я картину рисую’, *naqxw abtſuit hagqx* ‘землей покрыта крыша’, *zimiz abtſuit qxal* ‘пупырышками покрыта кожа’, *zari akx k'umk'umlak artſirſi i* ‘я мясо в котел кладу’, *zari akx k'umk'umlaf artſirſi i* ‘я мясо из котла вынимаю’. Одно и то же слово *at ſas* переводится словами: ‘приносить’, ‘проводить’, ‘рисовать’, ‘покрывать’, ‘класть’, ‘вынимать’. Перечисление этих слов в качестве толкования значения слова *at ſas* не вскроет его семантической природы. Можно предполагать, что это слово вообще не имеет самостоятельного значения, а реализует некоторую лексическую функцию, по-разному выражаемую на нашем метаязыке. Эту функцию можно определить как *Caus Pred*: ‘делать так, чтобы быть’, например, *делать так, чтобы мясо быть в котле/из котла* — оказывается в *at ſas* нет конкретного значения ‘класть—вынимать’, и снимается возникший был парадокс.

(2) Морфологическая зона. В ней указывается: (а) словоизменительный тип (например, часть речи, тип спряжения и т. п.); (б) основы, не сводимые друг к другу с помощью правил словоизменения (если такие основы имеются); (в) нестандартные указания (супплетивизм, неправильное образование отдельных словоформ, неполнота парадигмы и т. п.).

(3) Синтаксическая зона — активные валентности слова, способы заполнения мест. Приводятся примеры на каждую модель управления.

(4) Лексическая зона — лексическая сочетаемость слова (с примерами).

(5) Тезаурусная зона — семантическая классификация данного слова, родовые и некоторые видовые слова по тем или иным семантическим признакам.

(6) Контекстуальная зона — примеры на употребление данного слова, не вошедшие в синтаксическую и лексическую зону.

(7) Энциклопедическая зона. Толкование данного слова в рамках культурного контекста.

Словарный материал удобно хранить на карточках, расположенных в алфавитном порядке. Такое расположение, с одной стороны, облегчает нахождение нужных слов и, с другой, обеспечивает возможность постоянного пополнения словаря без нарушения его внутреннего порядка. Ввиду частой необходимости классифицировать наличный словарный фонд по переменным признакам, представляется целесообразным использование *рейтеркарт* в качестве носителя словарной информации: маркировка при помощи рейтеров (цветных пластинок, вставляемых в специальные отверстия) позволяет многократно изменять систему признаков и избавляет от необходимости делать вырезы.

§ 3.4. Парадигмы

При работе с языком-объектом, имеющим словоизменительные категории, важным способом организации данных являются парадигмы, служащие эмпирической базой для морфологических обобщений. При сборе парадигм надо тщательно учитывать следующие факторы: (1) парадигмы должны быть полными; (2) в парадигмах должен содержаться материал, иллюстрирующий различные типы словоизменения по заданной категории (т. е. должны быть учтены все типы склонения для имен и спряжения для глаголов, так чтобы из них могла быть извлечена вся морфология). Это значит, что хотя сбор парадигм начинается на довольно ранних этапах работы, окончательную форму парадигмы принимают лишь после принятия окончательных решений о системе словоизменения.

Для языков с сильно развитым словоизменением сбор парадигм может представлять собой очень трудоемкую (и для исследователя, и для информанта) задачу, в связи с чем этому вопросу надо с самых первых шагов уделять много времени и внимания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, были вкратце рассмотрены основные вопросы, с которыми сталкивается полевой лингвист: каково место полевой лингвистики в языкоznании, какие сведения и материалы необходимы для того, чтобы приступить к изучению языка, о котором предварительно ничего неизвестно, как организовать сам процесс полевого исследования. Эти вопросы были освещены с различной степенью полноты и подробности. Псно, что многое предстоит сделать в осознании и развитии техники полевой работы.

Хочется в заключение, справедливости ради, упомянуть о том недостаточно освещенном факте, что особая привлекательность полевой лингвистической деятельности состоит в неповторимом единстве общетеоретических лингвистических исканий со скрупулезным, но поэтическим наблюдением за реальным функционированием живого человеческого языка и со всеми человеческими проблемами, коль скоро человек занимает столь важное место в процессе познания объекта исследования, о чем хорошо сказал Б. Блох: "Полевая работа, вероятно, одна из наиболее напряженных форм исследования, но несомненно, что она также является наиболее захватывающей и разнообразной. Искатель наречий сталкивается с плохими дорогами, наихудшими жилищными условиями, рычащими собаками, подозрительными крестьянами и многочасовой рутинной работой, когда он в девяностый раз прокручивает свои вопросы при свете керосиновой лампы. Но он обучаются знанию живой человеческой речи, чего не могут получить те, кто только лишь читал о ней в книгах. Он ведет приятную, удивительную жизнь на дорогах и находит новый мир друзей среди доброжелательных мужчин и женщин, которых он встречает в своих путешествиях"¹²⁶.

Приложение 1

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА ЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ (ВАРИАНТ МФА)

[см.: ГЛАВА 2, § 2.2]

¹²⁶ B. Bloch. Interviewing for linguistic atlas. "American speech", 10, 1935, p. 9.

Short description

A variant of the universal phonetic transcription on the Latin basis (a variant of the IPA) is offered. Basic symbols for 'cardinal' consonants and vowels as well as diacritical denotations for correlative features (which differ somewhat in the inventory and graphic form from those accepted by the IPA) are given in the tables.

Phonetic transcription does not usually exist for its own sake but it is a forced intermediate stage of notation when nothing is known about the phonological system of the target language and any phonetic feature may turn out to be distinctive. In the process of fieldwork it is desirable to phonologize the transcription as soon as possible. In most cases the alphabet of symbols for phonological or morphonological notation is a subset of the alphabet of symbols for phonetic notation.

In the Appendix samples of phonetic and phonological transcription for the Archi language (Dagestan group of the Caucasian family), of phonetic transcription for the Nymylan language (Paleo-Asian Family), of phonological transcription for the Hinalug Language (Dagestan Group of the Caucasian family) and for the Fula Language (West Atlantic Group of the Niger-Congo family) are given.

Основные знаки для согласных

Место образования	Губно-губные	Губно-зубные	Меж-зубные	Зубные * губно-зубные (альвео-ларные)	Препалатальные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Фарингальные	Ларингальные
Нельзя	р б			t d		c ʃ	k ɛ	q ɔ		?
Вздоховые	ψ	f v	θ ð	s z	ʃ ʒ	ɛ	x γ	χ ɣ	h ɦ	
Црикательные						j				
Сonor-неноносые	w ɥ	v		l r				r		
Носовые	m			n		p	ŋ	N		

Примечание: ¹ В случае, если в языке имеется противопоставление у взрывных по звонкости-альвеолярности, то зубные снабжаются подстрочным диакритическим знаком : т

Основные знаки для гласных

Подъем	Переднего ряда		Центрального ряда		Заднего ряда	
	Лабиализованные	нелабиализованные	Лабиализованные	нелабиализованные	Лабиализованные	нелабиализованные
Герхие	у	и	ɯ	ɨ	ü	ɯ
Средне-верхние	ø	ε			ø	ɛ
Средние	œ	ε			ɔ	ə
Средне-нижние					ɔ	ʌ
Нижние					η	ə
					ø	ə

Коррелятивные признаки и их обозначения

Признак	Знак		
	Синтаксическая позиция	Знак ¹	Примеры
Придыхательность (аспирированность)	правосторонние верхние	x ^h x ^h	t ^h t ^h ts ^h
Глотализованность (абруптивность)		x'	t' ts'
Фарингализованность		x' xI	q' a' qI aI
Тональность (k, l, m...) ²		x ^{1, 2, ...}	a ¹ a ² a ³
Имплозивность		x''	d'' b''
Кликность		x ^k	t ^k p ^k
Палатализованность		x,	t, ts,
Лабиализованность		x _w x _o	t _w t _o ts _w
Лентолабиализованность		x _v	f _v ʃ _v
Длительность	надстрочные	x xx	ss ss a aa
Назализованность		ñ	ã ñ
Апикальность		᷇	᷇ i
Сверхкраткость		᷈	᷈ á
Ударность		᷉	᷉ á
Побочная ударность		᷊	᷊ á
Гетрофлексность	полстрочные	x	t a
Латерализованность		x x	s ts s ts
Глухость		᷋	᷋ g
Аффрицированность ³	двухбуквенные	xy x̄y	ts kx kx
Двухокусность ⁴		xy x̄y	᷊ ᷊

Гимечания: ¹ x означает произвольную графему

² k, l, m... – означают конкретные тоны языка-объекта, которым приписывается цифры, выступающие в качестве диакритик при гласном

³ x и y – соответственно взрывной и фрикативный, как правило, одинакового места образования. Дужка может опускаться, если в языке-объекте не встречаются соответствующих сочетаний взрывного и фрикативного, например [t]+[s], или если такие сочетания встречаются значительно реже аффрикат: тогда аффрикаты обозначаются без дужки [ts], а сочетания согласных – с перевернутой дужкой [᷊]

⁴ x и y – знаки, обозначающие звуки соответствующих мест артикуляции, как правило, одного способа образования. Относительно дужки см. Примечание 3.

ОБРАЗЦЫ ЗАПИСИ В ПРЕДЛАГАЕМОЙ ТРАНСКРИПЦИИ
АРЧИНСКИЙ ЯЗЫК (дагестанская группа кавказской семьи)

Фонетическая транскрипция [фиксируемые коррелятивные и просодические признаки: придыхательность, абруптивность, лабиализованность, латерализованность, аффрицированность, фарингализованность, длительность, ударность и побочная ударность]:

1. || os ébdəl ébdə'u xíbuu k^hulílo ||
2. || dō'z éptəmxur k'an dō'zəmu bòli ||
3. || zon wírx_wmus xóútə bòli ||
4. || ú'qx^ə'l os matf'éjfi wírx_wmus ||
5. || iqx í'tətu bəsór þýdəli || jámuñerak^h k^hóúfūli joú lo ||
6. || dágawur óúli jémiñai hánūñitishánu inȝít^h þýtəsoj^h sónñetis fat óþkxmus ||
7. || joú lo t'al óúli jámu bəsórmu wírx_wmus os bíqx^h mësi ||
8. || jat^h bòli ját^h sòb dáþxut'óu bənþkówu k^hem bòli á'pqx'a't'oú x_wáloú buk^hém bòli ||...

Фонологическая транскрипция [фиксируемые признаки те же, кроме придыхательности (=недлительность) и побочной ударности]:

1. os ébdili ébdit'u xíbuu kulú lo
2. dō'z ébtimxur k'an dō'zuñu bòli
3. zon wírx_wmus xówti bòli
4. ú'xi'l os matf'éjfi wírx_wmus
5. iqx í'tətu bəsór éwdili jámuñerak kówfūli jow lo
6. dagawur ówli jémiñaj hánūñitishánu inȝít éwtisaw sónñetis fat óþkxmus
7. jow lo t'al ówli jámu bəsórmu wírx_wmus os bíqx^h mi si
8. jat bòli ját^h sòb dáþxut'aw bənþkówu k^hen bòli á'bqxa't'aw x_wáloú buk^hén bòli...

Перевод:

1. Жили-были три сироты.
2. Когда они выросли, самый старший сказал:
3. "Я пойду работать".
4. Пошел он работать в одно место.
5. (Там) был жестокий человек, к нему и попал этот парень.
6. Они заключили договор, чтобы у того, кому другой надоест, вырезать из спины щат (мышца вдоль позвоночника).
7. Этот мужчина послал того парня работать в одно место.
8. Сказал: "Съешь содержимое этой банки, не открыв крышку, и съешь хлеб, не разломив его"...

ХИНАЛУГСКИЙ ЯЗЫК (дагестанская группа кавказской семьи)

Фонологическая транскрипция [фиксируемые коррелятивные и просодические признаки: придыхательность, абруптивность, палатализованность, длительность, ударность, побочная ударность, аффрицированность]:

1. *sytýr sa k^hok^h k^hi aṣx*
2. *d,^x k^hi vúk'ur,i b,ižíb,iq'i*
3. *h^x k^hi p^hsi g,xsíjx t^hálw^xki*
4. *k^hi látq'uṣe ink,ámzue sít^húi*
5. *hána d,^x vaz túvujx ink;^xk^húi*
6. *k^hi jen,íqublax l,^xk^h,p^hiskuji vúk'úi*
7. *h^x jen,íqublax l,^xk^h,p^hiskund,q'aži hin,í luká t^həm,ís kužim,^x*
8. *h^x k^hi g,xr,^xg, žn,ís džig,^x vúk'urathkúak^hi hin,í p^hi t^həm,ís ántur važkúa*
9. *hána d,^x h,in,í k^hir qílvi*
10. *hána d,^x hin,í fax álturq'uṣe hin,í it^hír át,í murdárdʒi fát^hk^h,it^hàrm,^x*
11. *hána d,^x h^x luká t^h'áthk^h,it^hàrm,^x*
12. *hána d,^x h^x luká k^hsan qormúš^h,it^hàrm,^x*

Перевод:

1. Был в стаде жирный баран.
2. Этого барана захотели зарезать.
3. Барана на лошадь положили, привезли.
4. Повалив барана на землю, связали ему ноги.
5. Затем взяли нож и наточили.
6. Барана повернули мордой в южную сторону и зарезали.
7. Если барана в южную сторону мордой не повернуть, его мясо "чистым" не будет.
8. Барана надо на наклонном месте резать, чтобы из него кровь полностью вытекла.
9. Зарезав, с барана шкуру сняли.
10. Затем, живот у барана вынув, всю грязь из внутренностей выбрасывают.
11. Потом мясо на куски режут.
12. Потом мясо хорошо зажаривают.

НЫМЫЛАНСКИЙ (АЛЮТОРСКИЙ) ЯЗЫК (палеоазиатская семья)

Фонетическая транскрипция [фиксируемые признаки: длительность, ударность]:

1. *wútin ifi wutíp?iju*
2. *γéminin túnyətum masínata təlálqivi ḥajéswəne*

3. *wəjályiŋki γántəməŋívlín wíñé*

4. *qétaŋ γəŋvúlin talá?uŋek wesítá*

5. *ktawt γalyáłəlqivlin míkənak áno ?'énū tanγérníkqətəkən*

6. *janínqəlu ?ayi γeŋálin*

7. *wəjíñvan γalá?ulín nəméqin γérnik*

8. *óro γarújavlin to γamsáaturalqivlin*

9. *γérnik ámənqa γamsáaturalqivlin*

10. *jəmγémγatkana to jəŋákjita γapkávlín milyəra tanməŋki...*

Перевод:

1. Это было в прошлом году.
2. Чой друг на машине ехал по горам.
3. Во время пурги (он) потерял дорогу.
4. Тогда он начал искать пешком.
5. Вдруг он начал замечать, (что) кто-то его преследует.
6. Тот день сильно затуманенный был.
7. Все-таки он увидел крупное животное.
8. В конце концов ослабел и стал отдыхать.
9. Животное тоже стало отдыхать.
10. Боясь и из-за тумана не смог ружьем убить...

ЯЗЫК ФУЛА (западно-атлантическая группа семи нигер-конго)

Фонологическая транскрипция [фиксируемые признаки: имплозивность, длительность, (пре)назализованность]:

1. *hid'on adí wođema gelal e sari efer tāli b"alēb"e b"en haraj sōđowō fōlođirde telema ka f"oře*
2. *jađe go? gelal e sari halduno sñd"odirgo!*
3. *saríre ñen huči fí jo gelal gal heb"u no sñd"oro*
4. *gelal ñgal dari miđiti hā*
5. *ñgal aşı gajkun ka hakuđe ñule beru b"adí mağal*
6. *ñgal iri hōře mağal ka ñer gajkun ačiti caře d"en ka kene*
7. *hid'on adí wođema caře gelal ñgal no nađi e lekoj jorkoj efer ñen fitare*
8. *saríre ñen jahi ari jurní f"ewi d"ab"itiri no d"ab"itirté non fow*
9. *ñe d"ab"iti hā ñe ronki ka gelal ñgal sñd"inó f"on...*

Перевод:

1. Известно, что в сказках африканцев куропатка и заяц часто соревнуются в хитроумии.
2. Однажды куропатка и заяц договорились прятаться друг от друга.
3. Заяц отвернулся, чтоб куропатка могла спрятаться.

4. Долго стояла куропатка, раздумывала.
- 5-6. Потом вырыла она между пеньками ямку величиной с ее тело и сунула туда голову, а лапы оставила снаружи.
7. Каждый знает, что лапы куропатки похожи на сухие веточки в лесу.
8. Заяц ходил-ходил, смотрел-смотрел, все обыскал.
9. Но сколько он ни искал,— не мог найти куропатки...

Приложение 2

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ В ВИДЕ ИСЧИСЛЕНИЯ
(ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ)
[см.: ГЛАВА 2, § 3.2]

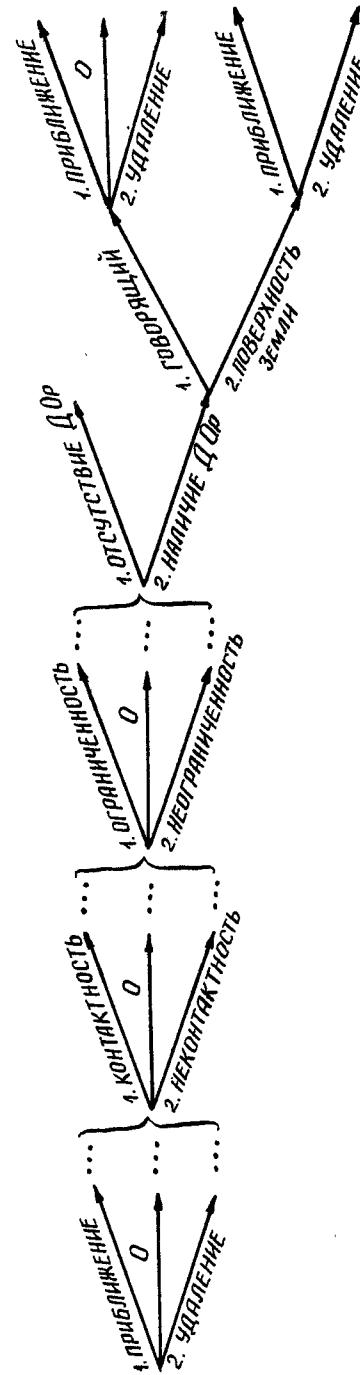
Short description

A sample of calculus of space grammatical meanings is offered. Orientation meanings and movement meanings are singled out as primary. Orientation meanings determine the place of subject or object of an utterance in respect to the point of orientation (Or): 'outside Or' VS 'inside Or', 'Or's top-bottom relevance' VS 'Or's top-bottom irrelevance', 'bottom of Or' VS 'top of Or', 'centre of Or' VS 'edge of Or', 'contact with Or' VS 'lack of contact with Or', 'presence of additional Or' VS 'absence of additional Or', 'relevance of front-back' VS 'irrelevance of front-back', 'objectivity' VS 'subjectivity', 'front of Or' VS 'left of Or', 'close to Or' VS 'far from Or', 'in Or' VS 'between, among Or', 'compact space Or' VS 'hollow space Or', 'between Or' VS 'among Or'.

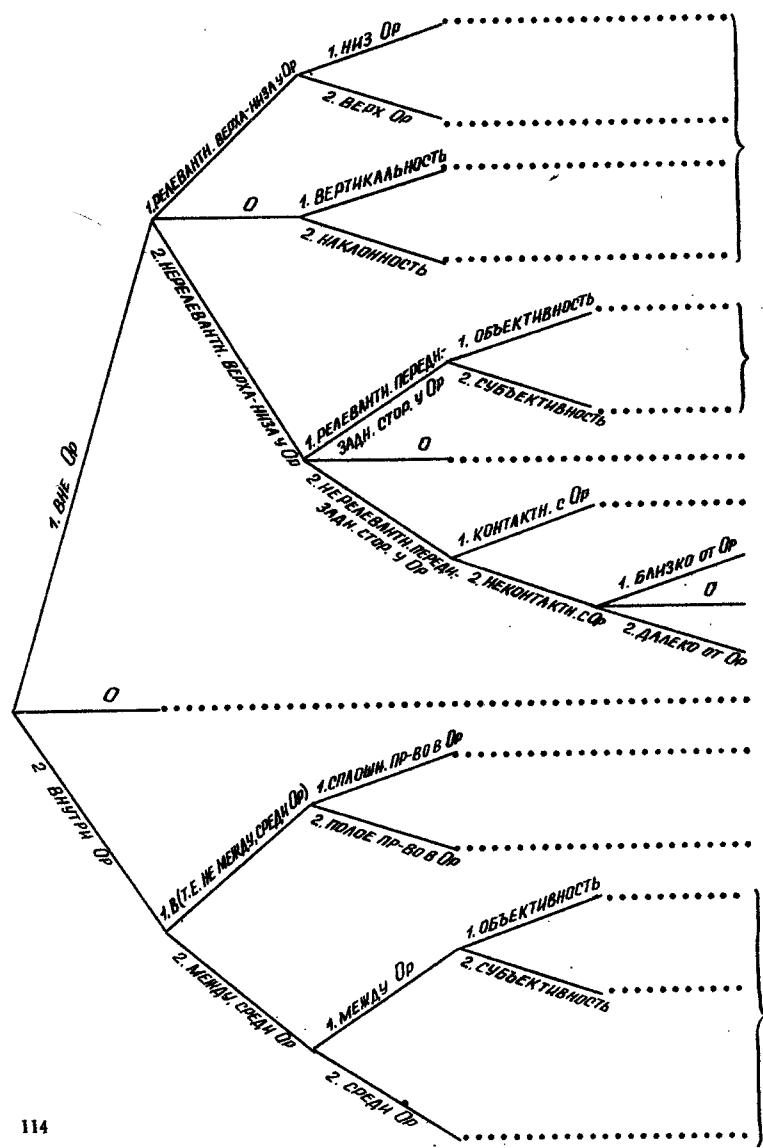
The meaning is called a movement meaning (which may be manifested in the absence of movement, i.e. in the state of rest, as well), if it characterizes the movement of the subject or object of an utterance in respect of a space domain determined by an orientation meaning. The following movement meanings are singled out: 'coming towards' VS 'gowing away from', 'contact' VS 'lack of contact', 'limitedness' VS 'unlimitedness', 'presence of additional Or' VS 'absence of additional Or', 'orientation in respect of speaker' VS 'orientation in respect of earth', 'coming towards additional Or' VS 'gowing away from additional Or'.

Systems of orientation and movement meanings are represented as a tree-diagram. Samples of interpretation of the meanings are given.

Система движательных значений

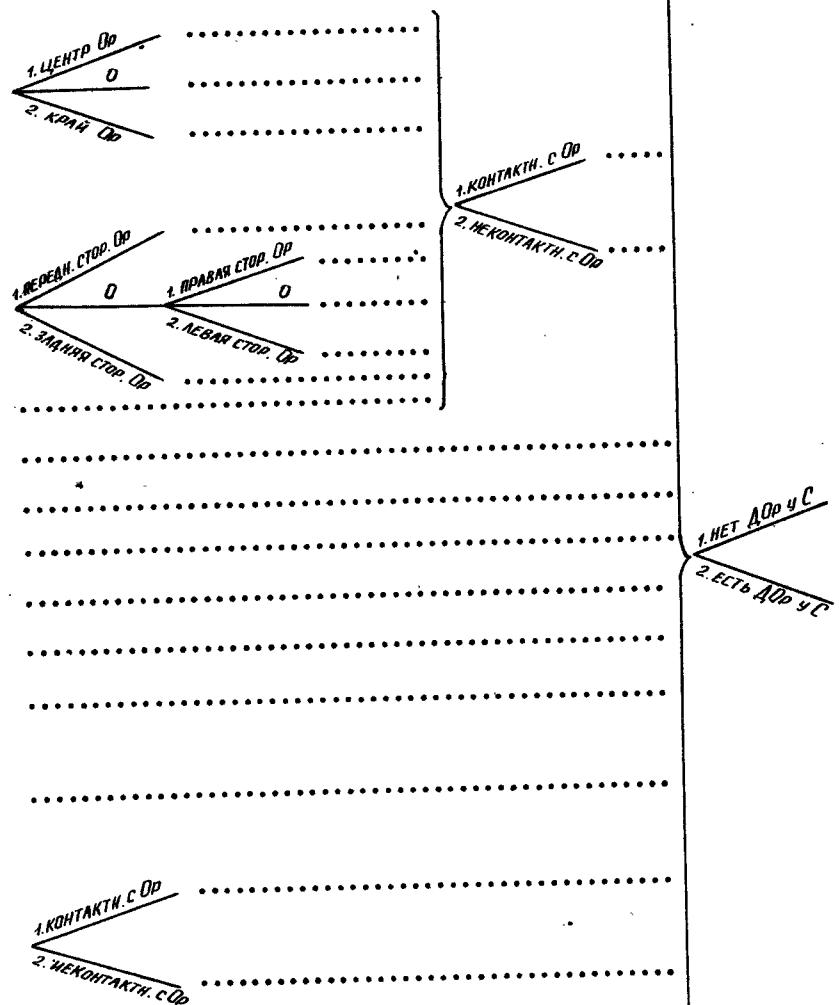

Система ориенти

114

рующих значений

115

Примеры толкования ориентирующих значений

- 1.1.1.0.1.1. под Ор, соприкасалась с Ор
 1.1.1.1.1. в центре под Ор, соприкасалась с Ор
 1.1.1.2.1.1. у нижнего края Ор, соприкасалась с Ор
 1.1.1.0.2.1. под Ор, не соприкасалась с Ор
 1.1.1.1.2.1. в центре под Ор, не соприкасалась с Ор
 1.1.1.2.2.1. у нижнего края Ор, не соприкасалась с Ор
 1.1.1.0.2.2. под Ор, не соприкасалась с Ор и находилась в некотором пространственном отношении к Дор
 1.1.1.1.2.2. в центре под Ор, не соприкасалась с Ор и находилась в некотором пространственном отношении к Дор
 1.1.1.2.2.2. у нижнего края Ор, не соприкасалась с Ор и находилась в некотором пространственном отношении к Дор
 1.1.2.0.1.1. на Ор
 1.1.2.1.1.1. в центре на Ор
 1.1.2.2.1.1. у края на Ор
 1.1.2.0.2.1. над Ор
 1.1.2.1.2.1. в центре над Ор
 1.1.2.2.2.1. у края над Ор
 1.1.2.0.2.2. над Ор и находилась в некотором пространственном отношении к Дор
 1.1.2.1.2.2. в центре над Ор и находилась в некотором пространственном отношении к Дор
 1.1.2.2.2.2. у края над Ор и находилась в некотором пространственном отношении к Дор
 1.0.1.0.1.1. на вертикальной поверхности Ор
 1.0.1.1.1.1. в центре на вертикальной поверхности Ор
 1.0.1.2.1.1. у края Ор на вертикальной поверхности Ор
 1.0.1.0.2.1. около вертикальной поверхности Ор
 . . . . .
 1.0.2.0.1.1. на наклонной поверхности Ор
 . . . . .
 1.0.2.0.2.1. около наклонной поверхности Ор
 1.2.1.1.1.1. вплотную перед Ор
 1.2.1.1.1.2.1. около перед Ор
 1.2.1.1.0.1.1. вплотную справа Ор
 1.2.1.1.0.1.2.1. справа от Ор
 1.2.1.1.0.0.1.1. вплотную сбоку Ор
 1.2.1.1.0.0.2.1. сбоку от Ор

- 1.2.1.1.0.2.1.1. вплотную слева Ор
 1.2.1.1.0.2.2.1. слева от Ор
 1.2.1.1.2.1.1. вплотную за Ор
 1.2.1.1.2.2.1. сзади от Ор
 1.2.1.2.1.1. вплотную перед (относительно говорящего) Ор
 1.2.1.2.1.2.1. около перед (относительно говорящего) Ор
 . . . . .
 1.2.1.1.1.1.2. вплотную перед Ор и в некотором пространственном отношении к Дор
 . . . . .
 1.2.1.2.1.1.2. вплотную перед (относительно говорящего) Ор и в некотором пространственном отношении к Дор
 . . . . .
 1.2.0.2.1. вокруг Ор
 1.2.2.1.1. вплотную около Ор
 1.2.2.2.0.1. вне Ор
 1.2.2.2.1.1. около, рядом с Ор
 1.2.2.2.2.1. далеко от Ор
 1.2.2.2.0.2. вне Ор и в некотором пространственном отношении к Дор
 . . . . .
 0.1. в, на, у Ор (неопределенное пространственное отношение к Ор)
 2.1.1.1. внутри Ор в сплошном пространстве
 2.1.2.1. внутри Ор в полом пространстве
 2.2.1.1.1.1. между Ор, соприкасалась с частями Ор
 2.2.1.1.1.2. между Ор и Дор, соприкасалась с ними
 2.2.1.1.2.1. между Ор, не соприкасалась с частями Ор
 2.2.1.1.2.2. между Ор и Дор, не соприкасалась с ними
 2.2.1.2.1.1. между Ор и говорящим, соприкасалась с ними
 . . . . .
 2.2.1.2.1.2. между Ор, говорящим и Дор, соприкасалась с ними
 . . . . .
 2.2.2.1.1. среди Ор, смешивалась с ним
 2.2.2.2.1. среди Ор, не смешивалась с ним

Примеры толкования двигательных значений

- 1.1.1.1. двигаться вплоть до соприкосновения с Пр
 1.1.0.1. двигаться к Пр

- 1.1.2.1.   *двигаться к Пр и через нее (касалсь)*
- 1.0.1.1.   *двигаться до Пр*
- 1.0.0.1.   *двигаться по направлению к Пр*
- 1.0.2.1.   *двигаться к Пр и дальше (касание необязательно)*
- 1.2.1.1.   *двигаться по направлению к некоторой окрестности Пр (без соприкосновения с ней и не дальше)*
- 1.2.0.1.   *двигаться по направлению к Пр (без соприкосновения)*
- 1.2.2.1.   *двигаться по направлению к Пр и мимо нее (не касалсь)*
- 0.1.1.1.   *двигаться по Пр, не выходя из нее*
- 0.1.0.1.   *двигаться по Пр; находиться в соприкосновении с Пр*
- 0.1.2.1.   *двигаться по Пр, с входом в нее или с выходом из нее*
- 0.0.1.1.   *двигаться в неопределенной близости от Пр, не изменяя этого состояния*
- 0.0.0.1.   *двигаться в неопределенной близости от Пр; находиться в неопределенной близости от Пр*
- 0.0.2.1.   *двигаться в неопределенной близости от Пр с входом или выходом из нее*
- 0.2.1.1.   *двигаться рядом с Пр, не изменяя этого состояния*
- 0.2.0.1.   *двигаться рядом с Пр; находиться рядом с Пр*
- 0.2.2.1.   *двигаться с некоторого момента или до некоторого момента рядом с Пр*
- 2.1.1.1.   *двигаться непосредственно из Пр, являющейся начальной точкой движения*
- 2.1.0.1.   *двигаться непосредственно из Пр*
- 2.1.2.1.   *двигаться через Пр и от нее (касалсь)*
- 2.0.1.1.   *двигаться от неопределенной окрестности Пр, являющейся начальной точкой движения*
- 2.0.0.1.   *двигаться от Пр*
- 2.0.2.1.   *двигаться через или мимо Пр и от нее*
- 2.2.1.1.   *двигаться от некоторой окрестности Пр, являющейся начальной точкой движения*
- 2.2.0.1.   *двигаться от некоторой окрестности Пр*
- 2.2.2.1.   *двигаться мимо Пр (не касалсь ее) и от нее*
- 1.1.1.2.1.1.   *двигаться в направлении говорящего вплоть до соприкосновения с Пр*
- 1.1.1.2.1.0.   *двигаться параллельно говорящему вплоть до соприкосновения с Пр*
- 1.1.1.2.1.2.   *двигаться в направлении от говорящего вплоть до соприкосновения с Пр*
- 1.1.1.2.2.1.   *двигаться вниз вплоть до соприкосновения с Пр*
- 1.1.1.2.2.2.   *двигаться вверх вплоть до соприкосновения с Пр*
- .....

Приложение 3

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ
В ВИДЕ НАБОРА ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(НЕПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В ИМЕННОМ
СЛОВОСОЧЕТАНИИ) [см.: ГЛАВА 2, § 3.3]

Short description

A questionnaire is offered to reveal non-space grammatical meanings in the target language that reflect relations among or to objects in nonn-phrase. The questionnaire was worked out on the empirical principle. To begin with, the ways of expressing meanings were studied, presented in Russian by declensional and prepositional systems, to be followed by a study of the ways of describing types of meanings, registered in defining dictionaries and grammar books, or discovered by means of transformational methods. The second stage was a stndy of the conformity of this segmentation of the non-space meaning domain to those in other languages, constituting a more or less representative total of languages of various types. It is assumed that the translation of unambiguous utterances into another language should be uniform. In the opposite case (facts of phraseology are excluded) the original single meaning is segmented into further sub-meanings. At a certain stage of investigation the study of new languages proves to be less productive. It usually means that further investigation must be stopped.

The supplement includes 204 classes of utterances grouped according to the types of syntactic structures of Russian. A certain meaning is attached to each class (in loose terms).

Lexical occurrences are relevant to many utterances, as they informally determine meanings, characteristic of a given class.

Тип русской конструкции	№ № пп	Диагностическое высказывание	Значение
Родительный падеж без предлога	1	упрек матери	Субъектное
	2	стирка белья	Объектное
	3	полный слез	Объектное (оттенок ограничительности)
	4	желать славы	Объектное (оттенок цели)
	5	выпить воды	Объектное (объект подвергается действию в части)
	6	надарить игрушек	Объектное (объект означает значительное количество из возможного множества предметов)
	7	болеться воды	Объектное (оттенок удаления)
	8	чуждый зависимости	Определительное
	9	слезы радости	Определительное (признак и носитель)
	10	теплота тела	
		свобода движений	
		чувство любви	
		время обеда	
		горе разлуки	
Предиктивные конструкции	11	крыша дома	Определительное (признак и носитель, оттенок результата)
	12	голова курицы	Определительное (часть и целое)
	13	книга сестры	Принадлежность
		слова отца	Принадлежность (без физической конкретности, авторская принадлежность)
	14	метка брата	Принадлежность (косвенная)
	15	командир отряда	Принадлежность (член и коллектив)
	16	дым костра	Спредиктивное (оттенок причины)
		следы ног	
	17	стакан молока	Количественное
	18	набор коней	Количественное (для счетных предметов)

Дательный падеж без предлога	20	<i>пужкий брату</i> <i>мне весело</i>	Субъектное
	21	<i>грубить отцу</i>	Объектное
Винительный падеж без предлога	22	<i>писать другу письмо</i> <i>обещать отцу приехать</i>	Субъектное (оттенок на- правительности)
	23	<i>грозить врагу оружием</i> <i>коры скоту</i>	Объектное (оттенок на- значения)
Творительный падеж без предлога	24	<i>верность мужу</i>	Субъектное (оттенок ог- раничительности)
	25	<i>покорный судьбе</i>	Объектное (оттенок ог- раничительности)
Винительный падеж без предлога	26	<i>ловить рыбу</i> <i>слышать песню</i>	Субъектное
	27	<i>слушать отца</i> <i>перебежать дорогу</i>	Объектное (оттенок про- странственности)
Винительный падеж без предлога	28	<i>поднять камень</i> <i>шить платье</i>	Объектное (оттенок кау- зирования)
	29	<i>молоть зерно</i>	Объектное (оттенок транс- формирования объекта)
Винительный падеж без предлога	30	<i>красить краину</i>	Объектное (оттенок час- тичного трансформиро- вания объекта)
	31	<i>весить тонну</i>	Количественное
	32	<i>читать час</i>	Еременное (оттенок ко- личественного)
Творительный падеж без предлога	33	<i>управлять народом</i>	Объектное
	34	<i>махать рукаами</i>	Объектное (объект – часть субъекта действия)
Творительный падеж без предлога	35	<i>удивить умом</i> <i>он удивил нас ответом</i>	Объектное (без чи- зической конкретности)
	36	<i>наградить орденом</i>	Объектное (оттенок ин- струментальности)
Творительный падеж без предлога	37	<i>наполнить водой</i>	Объектное (оттенок ин- струментального и про- странственного)
	38	<i>заниматься спортом</i> <i>закрывать лицо воротником</i>	Объектное (оттенок оп- ределительного)
	39	<i>рубить топором</i>	Инструментальное

Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	40	<i>пахнет дыном</i>	Определительное (отте- нок причины и ограничи- тельности)
	41	<i>лететь птицей</i> <i>идти вереницей</i>	
Творительный падеж без предлога	42	<i>олосы ершом</i>	Сравнительное
	43	<i>слабый духом</i> <i>счастлив победой</i>	
Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	44	<i>кричать громким голосом</i>	Ограничительное
	45	<i>говорить шепотом</i>	
Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	46	<i>считать его дураком</i> <i>работать учителем</i>	Ограничительное (отте- нок причины)
	47	<i>прийти вечером</i>	
Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	48	<i>уехать ребенком</i>	Ограничительное (с обя- зательным определени- ем)
	49	<i>навещать почами</i>	
Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	50	<i>читать без очков</i>	Обстоятельственное
	51	<i>идти без брата</i>	
Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	52	<i>воевать без страха</i>	Предикативное
	53	<i>суп без мяса</i>	
Родительный падеж + <i>без, вместо</i>	54	<i>работать вместо брата</i>	Временное
	55	<i>опасность для ребенка</i>	
Родительный падеж + <i>для</i>	56	<i>вредный для здоровья</i>	Совместность (предмет- лицо)
	57	<i>сделать для отца</i> <i>утешение для родителей</i>	
Родительный падеж + <i>для</i>	58	<i>место для работы</i>	Совместность (предмет- свойство)
	59	<i>удобный для ходьбы</i>	
Родительный падеж + <i>для</i>	60	<i>работать для денег</i>	Принадлежность
	61	<i>короткий для рук</i>	
Родительный падеж + <i>для</i>	62	<i>целевое</i>	Обстоятельственное (за- мешение)
	63	<i>ограничительное</i>	

Родительный падеж + от	62	<i>смеяться до слез</i>	Ограничительное
	63	<i>дойти до рассуждений</i>	Ограничительное (переносное)
	64	<i>смуглый до черноты</i>	Ограничительное (качественное)
	65	<i>тратить до ста рублей</i>	Ограничительное (количественное)
	66	<i>работать до утра</i>	Ограничительное (временное)
	67	<i>уйти до захода солнца</i>	Временное
	68	<i>сделать из дерева</i>	Объектное (материал)
	69	<i>узнать из рассказов</i>	Объектное (источник, лицо)
	70	<i>лучший из спортсменов</i>	Определительное (выделительное)
	71	<i>листок из книги</i>	Определительное (выделительное+источник)
Родительный падеж + из	72	<i>мужик из деревни</i>	Определительное (происхождение, субъект-лицо)
	73	<i>бутылка из-под вина</i>	Определительное (происхождение, субъект-вещь)
	74	<i>отряд из крестьян</i>	Определительное (состав)
	75	<i>один из его друзей</i>	Ограничительное (элемент множества)
	76	<i>выбраться из беды</i>	Пространственное (переносное)
	77	<i>стрелять из ружья</i>	Инструментальное
	78	<i>сказать из зависти</i>	Причинное
		<i>вернуться из-за дождя</i>	
Родительный падеж + от	79	<i>избавиться от болезни</i>	Объектное (оттенок удаления)
	80	<i>очнуться от страха</i>	Объектное (источник, лицо)
	81	<i>отличный от всех</i>	Объектное (выделение)
	82	<i>ручка от чемодана</i>	Определительное (часть и целое)
	83	<i>свет от лампы</i>	Определительное (источник)
	84	<i>лекарство от боли</i>	Ограничительное (назначение)

Дательный падеж + к	85	<i>плакать от радости</i>	Причинное
	86	<i>крик от боли</i>	Причинное (оттенок объектного)
	87	<i>мокрый от слез</i>	Временное
Дательный падеж + у	88	<i>лекарство против боли</i>	Ограничительное (назначение, противопоставление)
	89	<i>сделать против боли</i>	Обстоятельственное (оттенок противопоставления)
	90	<i>десять против одного</i>	Совместность (противопоставление)
	91	<i>взять пример с брата</i>	Объектное (источник)
	92	<i>народ с гор</i>	Определительное (происхождение)
	93	<i>вернуться с работы</i>	Пространственное (переносное)
	94	<i>поседеть с горя</i>	Причинное
	95	<i>болеть с весны</i>	Временное
	96	<i>взять у брата</i>	Объектное (оттенок пространственности и источника)
	97	<i>хвост у лошади</i>	Определительное (часть и целое)
Дательный падеж	98	<i>у меня есть друзья</i>	Принадлежность
	99	<i>жалость к ребенку</i>	Объектное
	100	<i>доверие к другу</i>	Объектное (направительность)
	101	<i>письмо к брату</i>	Определительное (назначение)
	102	<i>печенье к чаю</i>	Ограничительное
Дательный падеж	103	<i>способный к пению</i>	Временное
	104	<i>вернуться к обеду</i>	Целевое
		<i>приготовить к продаже</i>	

Дательный падеж + по (и др.)	105 <i>дать по яблоку</i>	Объектное (разделительное)
	106 <i>родственник по мужу</i>	Ограничительное
	107 <i>добрый по натуре</i>	Причинное (несоответствие)
	108 <i>длинный не по росту</i>	Пространственное + множественность объектов
	109 <i>ременя по времени</i>	Временное (многократность, период)
	110 <i>узнать по глазам</i>	Причинное
	111 <i>поступать по закону</i>	Обстоятельственное
	112 <i>наперекор всему</i>	Причинное (противопоставление)
	113 <i>справедлив по отношению к нему</i>	Определительное (сопоставительное)
	114 <i>летит подобно птице</i>	Сравнительное
	115 <i>верить в правду</i>	Объектное
	116 <i>целовать в щеку</i>	Объектное (оттенок пространственности)
	117 <i>завернуть в платок</i>	Объектное (оттенок трансформирования)
Винительный падеж + в	118 <i>брюки в полоску</i>	Определительное
	119 <i>дом в три этажа</i>	Определительное (оттенок количественного)
	120 <i>расположиться в ряд</i>	Обстоятельственное
	121 <i>разойтись в полночь</i>	Временное
	122 <i>сделать в неделю</i>	Временное (период)
	123 <i>сказать в оправдание</i>	Целевое
	124 <i>взяться за дело</i>	Объектное
	125 <i>получать за работу</i>	Объектное (оттенок причинности)
Винительный падеж + за	126 <i>любить за ум</i>	Объектное (объект-причина)
	127 <i>опасаться за дочь</i>	Объектное (оттенок направительности)
	128 <i>взять за руку</i>	Обстоятельственное (зашивание)
	129 <i>работать за двоих</i>	Целевое
	130 <i>тратиться за свободу</i>	Временное (период)
	131 <i>научиться за месяц</i>	
	132 <i>итоги за год</i>	
	133 <i>мстить за обиду</i>	
	134 <i>ему за сорок лет</i>	
	135 <i>Причинное</i>	
	136 <i>Количественное</i>	

Винительный падеж + на	133 <i>надеяться на друга</i>	Объектное
	134 <i>сердитый на сына</i>	Определительное (оттенок пространственного)
	135 <i>шум на весь лес</i>	Определительное (назначение и количество)
	136 <i>бочка на 5 ведер</i>	Ограничительное
	137 <i>мастер на выдумки</i>	
	138 <i>дерзкий на язык</i>	
	139 <i>годный на работу</i>	
	140 <i>пазначить на утро</i>	
	141 <i>работать на пустой желудок</i>	
	142 <i>сократить на час</i>	
	143 <i>разбить на куски</i>	
	144 <i>откопать себе на счастье</i>	
	145 <i>ходить на охоту</i>	
	146 <i>подарить на память</i>	
	147 <i>узелок на память</i>	
	148 <i>отрез на платье</i>	
Винительный падеж + по	149 <i>биться о берег</i>	Целевое (назначение)
	150 <i>влюбиться по уши</i>	
	151 <i>работать по сей день</i>	
	152 <i>ходить по ягоды</i>	
	153 <i>поставить под удар</i>	
Винительный падеж + под	154 <i>отдать под суд</i>	Объектное
	155 <i>воротник под котик</i>	Определительное (оттенок сравнения)
	156 <i>помещение под склад</i>	Определительное (назначение)

	153	<i>жить под именем</i>	Обстоятельственное
	154	<i>идти под конвоем</i>	Обстоятельственное (оттенок временного)
	155	<i>спать под песню</i>	Целевое
	156	<i>обработать поле под капусту</i>	Временное
Винительный падеж +с, про, через	157	<i>мужичок с ноготок</i>	Определительное (сравнение, мера)
	158	<i>весить с килограмм</i>	Количественное
	159	<i>через газету</i>	Обстоятельственное (посредник)
	160	<i>рассказать про войну</i>	Объектное
	161	<i>жениться через месяц</i>	Временное
	162	<i>гулять через день</i>	Временное (периодическое)
	163	<i>копить про черный день</i>	Целевое (с оттенком условия)
Творительный падеж +за	164	<i>следить за врагом</i>	Объектное
	165	<i>ходить за водой</i>	Объектное (оттенок целевого)
	166	<i>оставить за покупателем</i>	Принадлежность
	167	<i>человек за рулем</i>	Ограничительное
	168	<i>сказать за обедом</i>	Временное
	169	<i>бросить за ненадобностью</i>	Причинное
Творительный падеж + между, над, перед	170	<i>ссора между друзьями</i>	Совместность
	171	<i>между делом и досугом</i>	Временное
	172	<i>смеяться над врагом</i>	Объектное
	173	<i>власть над сыном</i>	
		<i>прониниться перед отцом</i>	Объектное (оттенок ответствия)
	174	<i>затишье перед бурей</i>	Временное
	175	<i>маленький перед гигантом</i>	Сравнительное

	176	<i>это случилось со мной</i>	Объектное
	177	<i>встречаться с врагом</i>	Объектное (оттенок совместности)
	178	<i>девочка с косичками</i>	Определительное
	179	<i>работник со стажем</i>	
	180	<i>банка с водой</i>	
	181	<i>черный с проседью</i>	Определительное (содержимое)
Творительный падеж +с	182	<i>ласковый с любьми</i>	Определительное (с оттенком ограничительности)
	183	<i>брать с сестрой</i>	Совместность
	184	<i>жить с матерью</i>	Совместность (объектлико)
	185	<i>идти с ружьем</i>	Совместность (объектвешь)
	186	<i>идти с докладом</i>	Обстоятельственное (оттенок совместности)
	187	<i>слушать с улыбкой</i>	Временное
	188	<i>уезжать с рассветом</i>	
Предложный падеж +в	187	<i>отвернуться в смущении</i>	Обстоятельственное
	188	<i>читать в очках</i>	Обстоятельственное (оттенок инструментальности)
	189	<i>жить в дворниках</i>	Обстоятельственное (состояние)
	190	<i>в детстве</i>	Временное
	191	<i>удача в делах</i>	Ограничительное
		<i>широкий в плечах</i>	
		<i>опасный в ссоре</i>	
Предложный падеж + на		<i>страшный в злобе</i>	
	192	<i>отразиться на настроении</i>	Объектное (с оттенком ограничительного)
	193	<i>играть на гитаре</i>	Объектное (с оттенком ограничительного и инструмента)
	194	<i>говорить на родном языке</i>	Объектное (инструмент)
	195	<i>шуба на меху</i>	Определительное

	196	<i>прыники на меду</i>	Определительное (оттенок источника)
	197	<i>ссориться на людях</i>	Совместность (оттенок пространственного)
	198	<i>стоять на страже</i>	Обстоятельственное
	199	<i>встать на заре</i>	Временное
	200	<i>выступать на собрании</i>	Пространственное (переносное)
Приложный падеж + о, при	201	<i>рассказ о старине</i>	Объектное (оттенок целиевого)
	202	<i>смущаться при гостях</i>	Совместность (оттенок пространственности)
	203	<i>вскрикнуть при этих словах</i>	Временное (переносное)
		<i>при свете луны</i>	
	204	<i>мог ушибить при его силе</i>	Причинное

Приложение 4

ПРИМЕРНЫЙ СПИСОК ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ДЛЯ ПЕРВИЧНОГО ЗНАКОМСТВА С ЛЕКСИКОЙ И
ГРАММАТИКОЙ ЯЗЫКА-ОБЪЕКТА [см.: ГЛАВА 2, § 5]

Short description

A test is offered to get the first acquaintance of the vocabulary, phonetics and grammar of the target language. The test comprises 60 sentences including most important types of syntactical structures and most frequently used vocabulary (about 150 words). Words being introduced in a phrase context makes it easier for the informant to translate them into the language in question.

The test is assumed not to be applied dogmatically but with certain paradigmatic substitutions and substitutions of lexemes and grammatical categories. After the test has been worked through the number of elicited words rises up to 200 and diverse grammatical (morphological and syntactical) information is drawn. (At the same time the phonetic system of target language is studied and the first approximation of its phonological system is built up.

Every diagnostic sentence in the appendix is followed by the new words that occur in the sentence.

Диагностическое предложение

1. Мать принесла воды
2. Что принесла мать?
3. Отец взял (черный, белый) хлеб со стола
4. Что взял отец?
5. Откуда взял отец хлеб?
6. Жена дала мужу молоко
7. Кто дал молоко?
8. Девочка пришла домой
9. Куда пришла девочка?
10. Мужчина ушел из дома (вечером, днем, утром)
11. Откуда ушел мужчина?
12. Ты (оны) работаешь (-ют) в колхозе
13. Где ты работаешь?
14. Я мою руки водой (утром)
15. Женщина варит суп (в котле)
16. Женщина жарит мясо (на огне)
17. Женщина ест суп (мясо)
18. Женщина пьет воду (молоко)
19. Женщина кормит ребенка супом (мясом)
20. Женщина поит ребенка водой (молоком)
21. Он (много) говорит о ребенке
22. Мать любит ребенка
23. Он любит молчать, он мало говорит
24. Почему он мало говорит?
25. Я вижу солнце (деревню, гору, реку)
26. Я смотрю на небо и вижу солнце
27. Я смотрю на гору, но ничего там не вижу
28. Я слушаю рассказ друга
29. Я слушаю их разговор, но ничего не слышу
30. Я слышу шум воды

Новые слова

- мать, принести, вода
что
отец, взять, хлеб, стол, черный, белый

откуда
жена, дать, муж, молоко
кто
девочка, прийти, домой
куда
дом, уйти, вечером, днем,
утром
откуда
ты, они, работать

где
я, мыть, рука
женщина, варить, суп, котел
жарить, мясо, огонь

есть
пить
кормить, ребенок

поить

он, много, говорить
любить
мало, молчать

почему
видеть, солнце, деревня,
гора, река
смотреть, видеть, небо

ничего, там, но, отрицание

слушать, рассказ, друг
слышать, разговор

шум

31. На небе луна (солнце) луна, быть
 32. Я читаю (пишу) письмо (книгу) книга, письмо, писать, читать
 33. Учитель учит детей писать учитель, учить, дети
 34. У моего отца красивая одежда мой, красивый, мужская одежда
 35. У моей матери красивая женская одежда
 36. Одежда (муж., жен.) висит висеть, стена
 37. Ночью мальчик лежит в кровати мальчик, лежать, кровать, ночью
 38. Я сижу на стуле (у окна) сидеть, стул, окно
 39. Я открыл окно (дверь) открыть, дверь
 40. Я стою у окна стоять
 41. Я сижу под деревом дерево
 42. Корова ест траву корова, трава
 43. Я пасу овец на берегу реки пасти, овца, берег
 44. Сегодня (вчера) идет (шел) снег (дождь) сегодня, вчера, идти, снег, дождь
 45. Когда шел снег? когда
 46. Вчера шел снег? — Да (нет) да, нет
 47. Твой друг дома (или нет)? — Да (нет) твой, друг
 48. Тот старик (старуха, человек) тот, старик, старуха, человек
     вчера умер умереть
 49. Он (очень) хочет есть хотеть, очень
 50. Он еще молодой (не старый): бытьенным, работать, еще, молодой, старый
     он должен работать
 51. Он живет близко: он может мочь, прийти, сюда, жить, близко
     прийти сюда
 52. Он редко ходит ко мне редко, ходить
 53. Он попросил у меня денег просить, деньги
 54. Он хорошо рассказывает сказки хорошо, рассказывать, сказка
 55. Трава зеленая зеленый
 56. Это дерево высокое этот, высокий
 57. Сегодня день хороший день, хороший
 58. Этот человек его брат его, брат
 59. Это человек, которого я который
     вчера видел
 60. Закрой дверь закрывать

Приложение 5

СЛОВАРЬ-МИНИМУМ
 (ПРИМЕРНЫЙ СПИСОК СЛОВ (СМЫСЛОВ) ДЛЯ СБОРА
 ЛЕКСИКИ) [см.: ГЛАВА 2, § 5]

Пояснения к словарю-минимуму

Short description

A method is offered to organise a corpus of sentences with the help of punch cards. Every punch card contains a single sentence (isolated or taken from a text). Then the punch card is marked according to the adopted system of classification to make the subsequent retrieval of examples of a certain grammatical phenomenon easier. A sample of classification includes address features (the personal code of a student and the number of the sentence in the corpus) as well as various grammatical (morphological and syntactical) features (fragments of semantics and phonetics are also represented) introduced a priori. In the process of investigation their meanings become more concrete and modify according to a particular language. For features that it becomes necessary to introduce in the process of investigation a special zone is reserved.

Storage of a corpus of sentences on punch cards makes data processing much easier, particularly when they are collected by a group of students simultaneously and when it is necessary to look through them many a time.

1. Слова в словаре-минимуме расклассифицированы на четыре основных класса: объекты, признаки, ситуации (состояния или действия ± связанные с ними объекты и признаки) и заместители (объектов, признаков и ситуаций). В пределах каждого из этих классов произведена более детальная тематическая классификация. Порядок следования тематических групп в словаре-минимуме следующий:

1. Объекты:

- 1.1. Названия людей по возрасту и полу;
- 1.2. Степени родства;
- 1.3. Части тела человека;
- 1.4. Домашние животные;
- 1.5. Животный мир (звери, птицы, рыбы, насекомые);
- 1.6. Растительный мир;
- 1.7. Небесные тела;
- 1.8. Неживая природа;
- 1.9. Жилище;
- 1.10. Предметы домашнего обихода;
- 1.11. Одежда, обувь, украшения;
- 1.12. Пища;
- 1.13. Геометрические понятия, меры;
- 1.14. Географическая терминология (+ ориентация в пространстве).

2. Признаки:

- 2.1. Цвет;
- 2.2. Размер, форма, положение в пространстве;
- 2.3. Количество;
- 2.4. Ограничение, сравнение;
- 2.5. Порядок, классификация;
- 2.6. Модальность действия;
- 2.7. Вид действия (+ время);
- 2.8. Оценка.

3. Ситуации (состояния или действия ± связанные с ними объекты и признаки):

- 3.1. Время;
- 3.2. Состояния погоды и связанные с ней объекты и явления природы;
- 3.3. Бытие, существование (+ каузативность);
- 3.4. Обладание;
- 3.5. Физическое воздействие;

- 3.6. Физиологические действия и состояния (и каузативы к ним);
- 3.7. Говорение и звуковоспроизведение;
- 3.8. Чувственное восприятие;
- 3.9. Эмоциональные состояния;
- 3.10. Интеллектуальная деятельность;
- 3.11. Интеллектуальное воздействие (+говорение);
- 3.12. Взаимное действие;
- 3.13. Движение ($\pm$ каузативность);
- 3.14. Приветствия, формы вежливости;
- 3.15. Трудовая деятельность.

4. Заместители

- 4.1. Личные, притяжательные и возвратные местоимения;
- 4.2. Вопросительные, указательные, кванторные, неопределенные местоимения и наречия (в этой группе учтена классификация, предложенная А.Ч.Барулиным).

2. Во многих тематических группах (особенно класса "Ситуации") вводится морфологическое (по частям речи, например: глаголы – имена) или дальнейшее семантическое членение (например: 'действие' – 'признак деятеля'; 'действие' – 'деятель' – 'инструмент' – 'место действия'). Такая классификация задается в пределах тематической группы колонками, в которых каждая строка представляет собой гнездо слов с общим лексическим значением.

Внутри конкретной тематической группы расположение слов (по строкам) также более или менее мотивировано семантическими соображениями (слова, имеющие в своем толковании общую часть, по возможности расположены рядом).

3. Каждая колонка организована следующим образом. Слева от слова стоит его порядковый номер в данной тематической группе, справа – частота этого слова по словарю Э.А.Штейнфельдт и Ю.Овсиенко (см. сноска 72).

Следует иметь в виду, что по словарю Э.А.Штейнфельдт указывается абсолютная частота употребления данного слова в выборке длиной 400 тысяч словоупотреблений. Укажем соотношение частот и рангов слов: ранг 1 – частота 14576; ранг 10 – 4554; ранг 30 – 1419; ранг 50 – 878; ранг 100 – 457; ранг 200 – 226; ранг 500 – 96; ранг 1000 – 50, ранг 1500 – 31.

По словарю Ю.Овсиенко указывается не абсолютная частота слова, а количество отрывков текстов, в которых встре-

тилось данное слово (при составлении частотного словаря обследовалось 400 отрывков по 1000 слов в каждом). Соотношение частот и рангов в словаре Ю.Овсиенко следующее: ранг 1 – частота 400, ранг 10 – частота 400; ранг 30 – 360, ранг 50 – 308; ранг 100 – 236; ранг 200 – 125; ранг 500 – 48; ранг 1000 – 22; ранг 1500 – 13. Поэтому у глаголов, имеющих видовые пары или супплетивные формы, приводятся две или более частоты через знак плюс; частоты стоят в убывающей последовательности (напр.: "становиться" – 30 + 23). Частоты же по словарю Э.А.Штейнфельдт в таких случаях суммируются.

Если одно русское слово морфологически вкладывается в другое (например, слово начинать в слово начинаться), то они помещены в словаре в одной строке, например:

20-1. начинать(ся) 378(182) 97+96(21)

Частоты без скобок соответствуют слову начинать, а в скобках – слову начинаться.

Следует указать, что в заголовке тематической группы в квадратных скобках указываются порядковые номера (по словарю-минимуму) слов, входящих в эту группу.

4. Приведенные частоты не всегда верны по не зависящим от нас причинам: в частности, для ряда слов это связано с неразличением значений лексем в частотных словарях (например, слов подъем, угол, предложение, полный и др.).

5. Некоторые слова приведены под звездочкой, которая указывает на некоторую степень несоответствия этого слова классификационному принципу: или признаку семантического класса, стоящему в заголовке, или структуре гнезда, образующего строку.

1. ОБЪЕКТЫ**1.1. Названия людей по возрасту и полу [№№ 1—10]**

№№ п/п	Слово	№№ п/п	Слово	№№ п/п	Слово
1. человек	636	205	5. юноша	98	—
2. ребенок	66	60	6. девушка	271	66
3. мальчик	273	16	7. мужчина	59	42
4. девочка	278	56	8. женщина	133	78

1.2. Степени родства [№№ 11—45]

1. семья	495	64	14. бабушка по отцу	90	54
2. родственник	—	16	15. бабушка по матери	—	13
3. родители	49	46	16. внук	—	—
4. отец	210	54	17. внучка	—	—
5. мать	247	61	18. свекор	—	—
6. муж	55	83	19. свекровь	—	—
7. жена	104	81	20. тесть	—	—
8. сын	130	43	21. тестя	—	—
9. дочь	35	30	22. зять	—	—
10. брат (старший,	129	33	23. невестка	—	—
младший)	—	—	24. шурин	—	—
11. сестра (старшая,	49	46	25. золовка	—	—
младшая)	—	—	26. дядя по отцу	—	—
12. бедушка по матери	—	12	27. дядя по матери	100	30
13. бедушка по матерю	—	—	—	—	—

1.3. Части тела человека [№№ 46—88]

1. голова	205	65	16. висок	—	—
2. лицо	262	48	17. ухо	51	—
3. лоб	53	—	18. затылок	21	—
4. бровь	30	—	19. волос	75	16
5. глаз	200	35	20. шея	44	12
6. ресница	—	—	21. тело	37	18
7. зрачок	—	—	22. спина	75	18
8. нос	94	20	23. грудь	60	—
9. щека	48	—	24. грудь женская	—	—
10. рот	38	12	25. бок	37	14
11. губа	54	11	26. живот	—	—
12. зуб	60	11	27. бедро	—	—
13. язык	125	74	28. плечо	126	—
14. подбородок	15	—	29. рука	746	128
15. борода	—	—	30. локоть	31	—

1.4. Домашние животные [№№ 89—120]

1. животное	37	8	12. коза	—	—
2. скот (крупный)	—	—	13. козленок	—	—
3. скот (мелкий)	—	—	14. лошадь	69	15
4. баран	—	—	15. конь	34	—
5. овца (матка)	—	—	16. кобыла	—	—
6. ягненок	—	—	17. мерин	—	—
7. бык	—	—	18. жеребенок	—	—
8. корова	56	—	19. осел	—	—
9. теленок	—	—	20. ослица	—	—
10. телка	—	—	21. мул	—	—
11. козел	—	—	22. олень	—	—
			23. олененок	—	—
			24. собака	59	10
			25. кобель	—	—
			26. сука	—	—
			27. кот	—	—
			28. кошка	44	9
			29. котенок	—	—
			30. петух	—	—
			31. курица	—	—
			32. цыпленок	—	—

1.5. Животный мир (звери, птицы, рыбы, насекомые) [№№ 121—142]

1. зверь	40	8	9. птица	84	—	17. харис	—
2. медведь	—	—	10. унод	—	—	18. горбуша	—
3. волк	—	—	11. воробей	—	—	19. муха	•••••
4. лиса	—	—	12. чайка	—	—	20. пчела	—
5. заяц	—	—	13. орел	—	—	21. жук	—
6. тур	—	—	•••••	—	—	22. муравей	—
7. соболь	—	—	14. рыба	55	26	•••••	—
8. песец	—	—	15. щука	—	—	•••••	—
		16. форель	—	—	—	•••••	—

1.6. Растительный мир [№№ 143—167]

1. дерево	132	15	11. кедрач	—	—	18. фрукт	—
2. куст	—	—	•••••	—	—	19. яблоко	—
3. ствол	—	—	12. трава	57	—	20. груша	—
4. ветка	35	—	13. цветок	107	16	21. абрикос	—
5. лист	70	26	•••••	—	•••••	•••••	—
6. кора	—	—	14. ягода	—	—	22. овощ	—
7. корень	—	—	15. земляника	—	—	23. лук	—
8. береза	—	—	16. морошка	—	—	24. морковь	—
9. осина	—	—	17. брусника	—	—	25. картофель	—
10. ель	—	—	•••••	—	•••••	•••••	—

1.7. Небесные тела [№№ 168—172]

1.* небо	91	9	3. месяц	—	—	5. звезда	—
2. солнце	116	13	4. луна	58	—		—

1.8. Неживая природа [№№ 173—189]

1. почва	20	—	7. камень	56	9	13. железо	20
2. песок	43	—	8. галька	—	—	14. золото	—
3. глина	—	—	9. шебень	—	—	15. серебро	—
4. дерн	—	—	10. вода	263	40	16. медь	—
5. пыль	25	—	11. воздух	105	21	17. дерево	132
6. грязь	27	11	12. огонь	75	9		16

1.9. Жилище [№№ 190—205]

1. дом	513	136	7. стена	130	21	13. печь, очаг	77(—)
2. двор	145	13	8. пол	69	11	14. лестница	42
3. ворота	73	13	9. угол	103	28	15. балкон	12
4. ограда	—	—	10. дверь	320	47	16. крыльцо	—
5. комната	309	97	11. замок	—	9		—
6. крыша	51	9	12. окно	214	40		—

1.10. Предметы домашнего обихода [№№ 206—229]

1.* вещь	88	124	10. ящик	77	11	19. тарелка	25
2. стол	290	54	11. сундук	—	—	20. таз	9
3. стул	45	9	12. посуда	27	16	21. котел	—
4. постель, кровать	85	11+17	13. ложка	—	14	22. кастрюля	—
5. ковер	—	—	14. вилка	—	—	23. горшок	—
6. шкура	—	—	15. нож	24	10	24. кувшин	—
7. полка	26	8	16. кружка	—	—	•••••	—
8. зеркало	19	8	17. чашка	—	10		—
9. лампа	49	11	18. миска	—	—		—

1.11. Одежда, обувь, украшения [№№ 230—253]

1. одежда	24	14	9. платье	44	29	• • • •
2. обувь	—	14	10. юбка	—	—	19. сапоги
3. белье	—	8	11. штаны	—	—	20. ботинки
4. [верхняя мужская одежда]	—	—	12. поляс	18	—	21. валенки
5. [верхняя женская одежда]	—	—	13. пуговица	—	• • • •	22. кольцо
6. [головной, убор]	—	—	14. петля	—	—	23. браслет
7. шлагок	—	—	15. пружка	—	—	24. серьга
8. рубаха	27	15	16. кэрман	76	—	• • • •
			17. чулки	—	—	
			18. рукавицы	—	—	

1.12. Глина [№№ 254—269]

1. мясо	39	15	7. лук	—	—	13. сметана
2. рыба	55	26	8. чеснок	—	—	—
3. хлеб	113	32	9. яйцо	—	12	14. суп
4. мука	—	9	10. молоко	103	16	15. каша
5. сахар	—	14	11. сыр	—	16	16. чай
6. соль	—	—	12. масло	31	20	• • • •

1.13. Геометрические понятия, №№ 270—282

1. часть	139	65	6. середина	18	16	11. шар
2. кусок	49	20	7. сторона	274	106	12. линия
3. половина	56	63	8. край	70	15	13. полоса
4. четверть	18	10	9. центр	46	19	—
5. треть	—	—	10. круг	38	18	—

1.14. Географическая терминология (+ориентация в пространстве) [№№ 283—335]

Географические объекты (+абсолютные ориентиры)	152	23	13. утес	—	—	25. лес
	—	—	14. река	117	15	26. роща
2. суши	74	25	15. ручей	—	—	27. долина
3. гора	—	—	16. устье	—	—	28. поле
4. опока	—	—	17. озеро	37	—	29. дорога
5. холм	—	—	18. болото	46	—	30. мост
6. пригорок	—	—	19. море	115	—	31. город
7. вершина горы	—	—	20. залив	—	—	32. селение
8. подножье горы	—	—	21. пролив	—	—	33. север
9. склон	—	—	22. бухта	—	—	34. запад
10. перевал	—	—	23. берег	141	20	35. восток
11. ущелье	—	—	24. коса	—	—	36. юг
12. скала	—	—				

Относительные ориентиры (заместители)

1. вверху	49	—	7. здесь	577	234	13. близко
2. внизу	33	22	8. тут	407	239	14. везде
3. впереди	—	—	9. там	471	381	15. назад
4. сзади	15	18	10. сюда	135	115	16. вперед
5. вокруг	108	20	11. туда	78	177	17. обратно
6. сбоку	—	—	12. далеко	84	48	

2. ПРИЗНАКИ

2.1. Цвет [№№ 336—347]

1. черный	128	36	б. темный	76	33	9. зеленый	91	—
2. белый	193	26	б. яркий	61	—	10. желтый	55	—
3. серый	51	13	7. синий	54	9	11. красный	162	30
4. светлый	77	9	8. голубой	—	9	12. коричневый	—	11

2.2. Размер, форма, положение в пространстве [№№ 348—369]

1. большой	722	215	9. толстый	37	18	17. близкий	61	12
2. маленький	267	110	10. тонкий	52	13	18. далекий	63	—
3. высокий	202	21	11. длинный	102	21	19. правый	46	21
4. низкий	27	8	12. короткий	55	29	20. левый	46	23
5. верхний	37	10	13. глубокий	—	13	21. круглый	35	14
6. нижний	—	—	14. мелкий	—	—	22. острый	37	13
7. широкий	127	24	15. прямой	30	23			
8. узкий	51	12	16. кривой	—	—			

2.3. Количество [№№ 370—393]

1. один	1356	378	10. десять	153	143	19. девятнадцать	—	11
2. два	608	309	11. одиннадцать	30	38	20. двадцать	327	163
3. три	352	248	12. двенадцать	60	86	21. тринадцать	154	117
4. четыре	196	169	13. тринадцать	—	24	22. сорок	172	127
5. пять	256	189	14. четырнадцать	24	24	• • • •		
6. шесть	108	123	15. пятнадцать	62	83	23. сто	196	68
7. семь	84	95	16. шестнадцать	—	29	• • • •		
8. восемь	89	95	17. семнадцать	21	19	24. тысяча	406	48
9. девять	53	76	18. восемнадцать	25	24			

2.4. Ограничение, сравнение [№№ 394—403]

1. только, лишь	1120	371	5. кроюе	* 88	80	9. как	1438	400
2. почти	201	100	6. тоже	366	318	10. равен	88	144
3. слишком	53	40	7. даже	428	296			
4. все-таки	101	213	8. вроде	23	98			

2.5. Порядок, классификация [№№ 404—415]

1. порядок	100	72	5. второи	335	193	9. крайний	19	25
2. очередь,	67	62	6. другои	878	265	10. промежуточный	131	77
3. вид	50	90	7. следующий	75	91	11. промежуточный	28	91
4. первый	852	208	8. последнии	—	136	12. разный	154	85

2.6. Модальность действия [№№ 416—435]

1. пытаться	58	36	8. конечно	261	336	15. возможно	19	24
2. мочь	1076	309	9. ясно, что	61	56	16. пожалуй	76	25
3. можно	412	265	10. верно, что	80	26	17. вероятно	76	32
4. неизвестно	159	110	11. действительно	110	100	18. по-моему	—	174
5. пусть	146	27	12. очевидно	16	45	19. кажется, что	273	153
6. быть подобны	329	292	13. оказывается	49	40	20. будто	113	60
7. ожидательно	61	125	14. видимо	39	63			

2.7. Град. действия (+ время) [№№ 436—450]

1. опять	174	125	6. иногда	111	88	11. долго	145	89
2. часто	156	111	7. всегда	228	190	12. сразу	226	130
3. firstко	18	29	8. никогда	156	111	13. рано	37	31
4. обязательно	84	27	9. уже	953	311	14. поздно	37	60
5. обязательно	62	60	10. скоро	140	57	15. снова	218	19

2.8. Оценка* [№№ 451—520]**Признаки объектов**

1. определенный	29	41	—
2. неопределенный	—	—	—
3. единственный	43	43	—
4. прекрасный	65	39	1. прекрасно 2. хорошо 3. плохо
5. хороший	337	248	4. правильно 5. мало 6. много
6. плохой	55	61	83 129
7. правильный	31	12	126 81
—	—	—	380 49
8. медленный	—	—	7. медленно 8. быстро
9. быстрый	52	8	65 192
10. богатый	22	10	—
11. бедный	72	—	—
12. легкий	72	14	9. легко 10. трудно
13. тяжелый	107	40	11. тяжело 12. крепко
14. тяжелый	58	—	—
15. крепкий	28	18	—
16. мягкий	25	—	—
17. твердый	81	32	13. просто 14. по-настоящему
18. простой	55	20	— —
19. сложный	172	41	15. по-новому 16. по-старому
20. настоящий	709	141	— —
21. новый	234	103	12
22. старый	23	15	60
23. обыкновенный	—	18	17. обычно
24. опасный	—	—	—

* Колонки здесь и в последующих группах устроены таким образом, что в каждой строке расположены лексемы, связанные определенным смысловым отношением (см. пояснение 2).

Признаки действий и признаков

25. полезный	46	12	18. полезно	—
26. основной	46	85	—	—
27. главный	190	84	—	—
28. важный	79	23	—	—
29. особый	65	26	—	—
30. великий	127	16	—	—
31. приятный	14	18	—	—
32. странный	31	13	19. странно	—
33. удобный	15	16	—	—
34. горячий	75	14	—	—
35. холодный	73	18	—	—
36. теплый	54	15	—	—
37. вкусный	17	10	—	—
38. сладкий	—	—	—	—
39. горький	—	—	—	—
40. соленый	—	—	—	—
41. кислый	—	—	20. очень	411
42. пресный	—	—	21. довольно	369
—	—	—	22. вполне	76
—	—	—	23. примерно	44
—	—	—	24. совершенно	78
—	—	—	25. совсем	135
—	—	—	26. полностью	273
—	—	—	27. чуть	195
—	—	—	28. едва, еле	132
—	—	—	—	46
—	—	—	—	—

3.1. Время [№№ 521—569]

Названия отрезков времени		Временные признаки действий		
1. время	647	308	—	—
2. год	810	256	1. * в этому году 2. в прошлом году 3. в будущем году	—
3. прошлый год	—	—	—	—
4. будущий год	—	—	—	—
5. месяц	145	142	—	—
6. неделя	89	99	—	—
7. сутки	31	16	—	—
8. час	210	191	—	—
9. минута	219	98	4. весной 5. летом 6. осенью 7. зимой	39 14 49 46 23 13 27 25
10. весна	65	11	8. утром 9. днем 10. вечером	69 78 26 47 82 74
11. лето	50	24	11. ночью 12. на рассвете	41 21 —
12. осень	46	8	13. на заходе 14. в сумерки	—
13. зима	53	14	15. вчера 16. позавчера	—
14. утро	99	51	17. сегодня	275 175
15. день	816	270	—	—
16. вечер	174	95	—	—
17. ночь	164	52	—	—
18. восход	—	—	—	—
19. заход	—	—	—	—
20. сумерки	—	—	—	—
21. [дни недели]	—	—	—	—
22. [названия месяцев]	—	—	—	—
			15. вчера 16. позавчера 17. сегодня	61 114 — 11 275 175

Названия отрезков времени

Состояния, объекты, явления		Временные признаки действий		
1. погода	45	40	16. завтра	127 110
2. ненастье	—	—	19. послезавтра	— 15
3. вёдро	—	—	20. раньше	129 116
4. жара	—	—	21. тогда	288 273
5. засуха	—	8	22. давно	105 126
6. мороз	—	—	23. недавно	123 64
7. холод	16	12	24. теперь	545 213
8. служба	—	—	25. сейчас	655 343
9. дождь	70	14	26. потом	458 327
10. период дождей	—	—	27. затем	84 46
11. гроза	—	—	2. льет, идет	—
12. гром	—	—	—	—
13. молния	—	—	3. гремит	—
14. град	—	—	4. сверкает	—
15. туча	—	—	5. бьет	—

3.2. Состояния погоды и связанные с ней объекты и явления природы [№№ 570—615].

Составные признаки явлений Типичный способ функционирования

Состояния, объекты, явления

Типичный способ функционирования

16. облако	-	22	-
17. снег	-	-	-
18. снегопад	-	-	-
19. поземка	-	-	-
20. выuga, метель	-	-	-
21. буран	-	-	-
22. лед	-	-	-
23. сугроб	-	-	-
24. ветер	117	11	7. дует
25. вихрь	-	-	-
26. смерч	-	-	-
27. буря	-	-	8. бушует
28. ураган	-	-	-
29. гунаами	-	-	9. стоит
30. туман	40	-	10. лежит
31. роса	-	-	-
32. радуга	-	-	11. сияет
33. северное сияние	-	-	12. стоит
34. мираж	-	-	-

3.3. Бытие, существование (+хаузатив) [№№ 616—670]

Глаголы

1. быть	4186	400	-
существовать	39	28	-
2. находиться	74	83	-
3. становиться	74	30+23	-
4. создавать	89	21+12	-
5. портить(ся)	-	-(-)	-

Глаголы

6. погибнуть	47	17+8	-
7. гнить	-	-	1. гниль
8. таять	-	-	-
9. расплывать	-	-(-)	-
10—1. рассыпать(ся)	-(-)	-(-)	-
12—3. проливать(ся)	-(-)	-(-)	-
14. жить	343	161	2. жизнь
15—6. рождать(ся)	-(-)	-(-)	3. рождение
17. расти	153	12+9	4. рост
18. умирать	37	46+11	5. смерть
19. убивать	23	19+8	6. убийство
20—1. начинать(ся)	378(182)	97+96(21)	7. начало
22—3 кончать(ся)	24(62)	58+47(37)	8. конец
24—5. продолжать(ся)	122(26)	20(17)	9. продолжение
26—7. подготовливаться(ся)	76(65)	46+8(44)	10. подготовка
28—9. повторять(ся)	63(-)	9+8(-)	11. повторение
30. случаться	100	35	12. случай
31. происходить	97	29+21	-
32. казаться	273	153	-
33. оказываться	179	55+40	13. наличие
34. присутствовать	-	13	14. отсутствие
35. отсутствовать	-	-	-
36. исчезать	29	-(-)	-
37—8. прятать(ся)	-(-)	-(-)	-
39. убирать	55	15+11	-
40—1. сохранять(ся)	-(-)	9(-)	-

Глаголы (действия или состояния)

1. иметь	173	17с	—
2. доставать	98	55+14	—
3. брать	417	211+138	—
4. привинтить	163	66+25	—
5. отнимать	—	—	—
6. получать	254	138+85	—
7. занимать	58	15+14	—
8. одолживать	—	—	—
9. собираять	106	20+13	1. сбор
10. хватать	78	36+12	—
11. выбирать	56	18+15	2. ловля
12. красть	66	21	3. выбор
13. находить	222	103+21	4. кража
14. искать	75	53	5. находка
15. терять	60	34+17	6. поиски
16. оставлять	95	55+28	7. потеря
17. давать	552	193+189	—
18. подавать	57	27+22	—
19. передавать	104	51+41	8. передача
20. возлагать	—	16	—
21. налагать	32	13	9. поларок
22. предлагать	94	35+27	10. предложение
23. менять	21	21	—
24. поддавать	—	27+22	11. предложение
25. покупать	77	193+52	12. покупка
26.* стоять	64	76	13. *чайка

Имена действий и объектов, являющихся результатом действий

1. чистый	78	30	6. чистый
2. грязный	25	12	7. грязный
3. маркий	—	—	8. маркий
4. острый	37	12	9. острый
5. искусственный	—	—	10. крикливый
6. стянутый	—	—	11. прямой
7. связанный	—	—	12. *мягкий
8. свернутый	—	—	13. жесткий
9. сложенный	—	—	14. упругий
10. кривой	—	—	—
11. прямой	30	23	—
12. *мягкий	28	18	—
13. жесткий	—	—	—
14. упругий	—	—	—

3.5. физическое воздействие [№№ 710—746]

Действия

1. качать
2. махать
3. трясти
4. толкать
5. стягивать
6. связывать
7. сворачивать
8. складывать
9. бодать
10. кусать
11. шекотать
12. царапать
13. щелкать
14. скрести
15. тереть
16. чистить
17. пачкать
18. точить
19. гнуть
20. мять
-
21. скимать
22. делить

Признаки объекта действия

1. стянутый
2. связанный
3. свернутый
4. сложенный
5. искусственный
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Признаки объекта действия

Действия		Признаки объекта действия
23. ломать	-	-
24. колоть	-	-
25. крошить,	-	-
26. резать	-	8
27. разбивать	-	18
28. разрушать	-	-
29. бить	47	21
30. смиливать	-	-
31. прикальывать	-	-
32. добавлять	-	-
33. мазать	47	8
34. покрывать	-	-
35. чинить	-	-
36. мочить	-	-
37. слушить	-	-
38. наполнять	-	-
39. стелить	-	-
40. отрывать	120	28+26
41. закрывать	42	19+16
42. мерить	-	-
43. чинить	-	-
44. трогать	17	11
45. шупать	-	-
46. касаться	32	-
47. гладить	-	-
48. целовать	29	12

* * * * *

3.6. Физиологические действия и состояния (и каузативы к ним) [№№7877-863]

Действия, состояния Признаки деятеля

1. есть	67	60+12+13	1. едящий	-
2. кормить	17	23	2. кормящий	-
3. кормить (грудью)	-	-	3. жующий	-
4. жевать	-	-	-	-
5. глотать	-	-	-	-
6. сосать	-	-	-	-
7. пить	75	58+21	4. пьющий	-
8. поить	-	-	-	-
9. чавкать	-	-	-	-
10. икать	-	-	-	-
11. чмокать	-	-	5. *простуженный	-
12. чихать	-	-	-	-
13. кашлять	-	-	-	-
14. сморкаться	-	-	6. сопливый	-
15. дышать	29	11	-	-
16. нюхать	-	-	7. слепой	-
17. слепнуть	-	-	8. глухой	32
18. глохнуть	-	-	-	-
19. мочиться	-	-	9. потный	-
20. испражняться	-	-	10. опухший	-
21. мерзнуть	-	-	11. сонный	-
22. дрожать	-	-	-	-
23. потеть	-	-	-	-
24. опухать	-	-	-	-
25. засыпать	-	-	-	-
26. усыплять	-	-	-	-
27. спать	-	-	12. спящий	-

Действия, состояния**Признаки действия**

28. просыпаться	22	11	13. *бодрый	-
29. будить	-	-	-	-
30—1. умываться(ся)	-	-	14. умтый	-
32—3. расчесывать(ся)	-	-	15. причесанный	-
34—5. брить(ся)	-	-	16. бритый	-
36—7. одеваться(ся)	-	23+12(15)	17. одетый	23
38—9. раздеваться(ся)	-	-	18. *голый	26
40. курить	37	12	19. больной	64
41. болеть	43	42+33	-	45
42. болезнь	19	24	20. здоровый	33
43. здоровье	25	36	21. взрослый	56
44. взрослеть	-	-	22. молодой	38
45. молодость	26	-	23. старый	81
46. старость	-	-	24. полный	103
47. полнеть	-	-	25. худой	135
48. худеть	-	-	26. сильный	54
49. сила	245	48	27. слабый	-
50. слабость	-	-	-	39

3.7. Чувственное восприятие [МЖ864—878]**Глаголы**

1. чувствовать	66	115	1. чувство	115
2. слушать	195	157	2. слух	12
3. слышать	231	132+16	-	-
4. смотреть	380	185	3. зрение	25
5. видеть	666	268+84	4. взгляд	107
6. оглядываться	21	-	-	-
7. наблюдать	31	16	-	-

Имена

8. замечать	162	19	1. речь	69
9. *обнаруживать	19	9	2. *слово	459
10. *узнавать	203	93+11	3. рассказ	99
11. *выяснять	-	23	4. разговор	146

3.8. Говорение и звуковоспроизведение [МЖ879—911]**Глаголы**

1. говорить	2431	369+369	1. речь	69
2. рассказывать	401	123+93	2. *слово	459
3. разговаривать	65	84	3. рассказ	78
4. сообщать	78	16	4. разговор	17
5. называть	137	34+21	5. *имя	146
6. кричать	165	27	6. крик	55
7. молчать	116	17	7. молчание	176
8. петь	114	27	8. пение	26
9. шептать	-	-	9. шепот	-
10. свистеть	-	-	10. свист	-
11. хрюкать	-	-	11. хрюк	-
12. выть	-	-	12. вой	-
13. здорововаться	-	-	-	-
14. прощаться	-	-	-	-
15. мычать	-	-	-	-
16. рычать	-	-	-	-
17. мяукать	-	-	-	-
18. скрипеть	-	-	13. скрип	-
19. пищать	-	-	14. писк	-
и т.д.	-	-	-	-

ДЕЙСТВИЯ И СОСТОЯНИЯ

Глаголы		Имена										Признаки действий	
		1. нравиться	90	—	1. любовь	66	19	—	1. любимый	65	17		
1. нравиться	86	—	—	—	2. ненависть	—	—	—	—	—	—	2. пугливый	—
2. любить	238	113	—	—	3. равнодушие	—	—	—	—	—	—	3. трусивый	—
3. увлекаться	—	20	—	—	4. вождение	—	—	—	—	—	—	4. страшный	48
4. ненавидеть	—	—	—	—	5. страх	28	10	—	—	—	—	5. грустный	—
5. золковаться	36	30	—	—	6. страх	—	—	—	—	—	—	6. мрачный	—
6. бояться	131	81+10	—	—	7. страх	—	—	—	—	—	—	7. злой	22
7. пугаться	31	10	—	—	8. страх	—	—	—	—	—	—	8. сердитый	—
8. пугать	—	—	—	—	9. горе	24	—	—	—	—	—	9. добрый	99
9. страдать	—	—	—	—	10. боль	30	8	—	—	—	—	10. омешной	25
10. горевать	—	—	—	—	11. плачу	—	—	—	—	—	—	11. веселый	92
11. плакать	49	23	—	—	12. грусть	—	—	—	—	—	—	12. радостный	23
12. причитать	—	—	—	—	13. злость	—	—	—	—	—	—	13. счастливый	14
13. грустить	—	—	—	—	14. гнев	—	—	—	—	—	—	14. веселый	9
14. злиться	—	—	—	—	15. доброта	—	—	—	—	—	—	15. радостный	—
15. сердиться	58	—	—	—	16. зависть	—	—	—	—	—	—	16. счастливый	69
16. завидовать	16	—	—	—	17. улыбка	53	—	—	—	—	—	17. веселый	—
17. улыбаться	127	—	—	—	18. смех	29	13	—	—	—	—	18. радостный	—
18. смеяться	116	24	—	—	19. веселье	—	—	—	—	—	—	19. счастливый	—
19. веселиться	—	—	—	—	20. радость	75	13	—	—	—	—	20. веселый	—
20. радоваться	64	—	—	—	21. счастье	69	21	—	—	—	—	21. радостный	—

3.11 Интеллектуальная деятельность [М] 984-1113

3.11. Интеллектуальное воздействие (+говорение) [МЖ 1014–1104]

Действия или их результат (имена)		Деятели, объекты и их признаки		
1. воспитывать	31 14	1. воспитание	54 12	1. воспитанный
2. учить	110 42	2. учеба	54 9	2. учитель
				3. ученик
3. объяснять	81	39+23	—	—
4. убеждать	—	11	—	—
5. уговаривать	30	15	—	—
6. советовать	38	19+10	3. совет	—
7. показывать	216	92+44	4. обещание	16
8. обещать	47	52	5. ложь	—
9. обманывать	—	—	6. правда	172 199
10. просить	146	103	7. просьба	36 16
11. умолять	—	—	8. требование	—
12. требовать	75	17	9. разрешение	—
13. разрешать	46	23	—	—
14. запрещать	—	—	10. угроза	—
15. грозить	—	—	11. месть	—
16. мстить	—	—	12. проклятье	—
17. проклинать	—	—	13. ругань	—
18. ругать	—	15	14. жалобный	—
19. жаловаться	17	12	—	—
20. хвалить	—	8	15. обидный	—
21. обижать	—	9	16. заботливый	—
22. заботиться	20	8	—	—
23. волноваться	23	—	—	—

**Действия или их результат
(имена)**

Действия или их результат (имена)		Деятели, объекты и их признаки		
24. успокаивать	—	17. покой	20 9	—
25. помогать	274	56+46	18. помощь	131 30
26. мешать	57	31	—	—
27. чадоедать	30	33+10	19. мука	—
28. мучить	—	—	20. жалость	—
29. жалеть	—	14	21. вопрос	253 103
30. спрашивать	494	97+93	22. ответ	90 20
31. отвечать	409	34+27	—	—
32. соглашаться	60	26	—	—
33. подчиняться	—	—	—	—
34. зависеть	38	23	—	—
35. спорить	37	10	23. спор	26
36. отказываться	60	22+8	24. отказ	—
37. наказывать	—	—	25. наказание	—
38. прощать	56	44	26. прощение	—
39. шутить	27	11	27. шутка	23
40. посыпать	64	35+26	—	—
41. отпрянуть	—	20	—	—
42. пускать	59	14+13	—	—

3.12. Применное действие [№№ 1105–1150]

Действия или состояния		Имена			Деятели (м. и/или ж.)		
Глаголы		1. знакомиться	24 8	1. знакомство	—	11	56
1. знакомиться	88	2. встречаться	32+32	2. встреча	—	30	—
2. встречаться	—	3. свидание	—	3. свидание	41	68	—

Глаголы	Имена	Действия, состояния	Глаголы	Имена	Движение, состояния	Глаголы	Имена	Движение (изменчивость)
3.-4.дешевовать(ся)	29	12	1. шевелиться	-	-	6. кататься	-	-
5. вступать в брак	-	-	2. двигаться	33	16	7. лететь	-	-
6. жениться	-	21	-	-	-	8. плыть	-	-
7. выходить замуж	-	-	3. идти	-	-	9. течь	-	-
8. состоять в браке	35	19+8	4. ехать	266+240	2. ходьба	10. капать	-	-
9. расходиться	53+11	-	5. гулять	90+90+44	3. поездка	11. спать	-	-
10. договариваться	17	-	-	19	50	4. прогулка	-	-
11. ссориться	-	-	1. движение	-	-	12. ползти	-	-
12. драться	-	12	2. движение	112	23	13. лезть	-	-
13. бороться	43	-	3. движение	-	-	14. прыгать	-	-
14. враждовать	-	-	4. движение	-	-	15. танцевать	-	-
15. воевать	34	-	5. движение	-	-	16. бежать	-	-
16. мириться	-	-	6. движение	-	-	17.*спешить	-	-
17. дружить	34	11	7. движение	-	-	18. бросаться	-	-
18.*гостить	-	-	8. движение	-	-	19. вертеться	-	-
		-	9. движение	-	-	20. прижиматься	-	-
		-	10. движение	-	-	21. приходить	-	-
		-	11. движение	-	-	22. присаживаться	-	-
		-	12. движение	-	-	23. удаляться	-	-
		-	13. движение	-	-	24. уходить	-	-
		-	14. движение	-	-	25. уезжать	-	-
		-	15. движение	-	-	26. входить	-	-
		-	16. движение	-	-	27. выходить	-	-
		-	17. движение	-	-	28. проходит мимо	-	-
		-	18. движение	-	-	29. расходиться	-	-
		-	19. движение	-	-	30. полниматься	-	-
		-	20. движение	-	-	31. спускаться	-	-

3.13. Движение (изменчивость) [№№ 1161-1254]

Действия, состояния

Глаголы	Имена	Движение, состояния	Глаголы	Имена	Движение, состояния	Глаголы	Имена	Движение (изменчивость)
1. шевелиться	-	-	1. шевелить	-	-	1. шевелить	-	-
2. двигаться	33	16	2. движение	-	-	2. движение	-	-
-	-	-	3. движение	-	-	3. движение	-	-
3. идти	1136	266+240	4. движение	-	-	4. движение	-	-
4. ехать	257	90+90+44	5. движение	-	-	5. движение	-	-
5. гулять	19	50	6. движение	-	-	6. движение	-	-
		-	7. движение	-	-	7. движение	-	-
		-	8. движение	-	-	8. движение	-	-
		-	9. движение	-	-	9. движение	-	-
		-	10. движение	-	-	10. движение	-	-
		-	11. движение	-	-	11. движение	-	-
		-	12. движение	-	-	12. движение	-	-
		-	13. движение	-	-	13. движение	-	-
		-	14. движение	-	-	14. движение	-	-
		-	15. движение	-	-	15. движение	-	-
		-	16. движение	-	-	16. движение	-	-
		-	17. движение	-	-	17. движение	-	-
		-	18. движение	-	-	19. движение	-	-
		-	19. движение	-	-	20. движение	-	-
		-	20. движение	-	-	21. движение	-	-
		-	21. движение	-	-	22. движение	-	-
		-	22. движение	-	-	23. движение	-	-
		-	23. движение	-	-	24. движение	-	-
		-	24. движение	-	-	25. движение	-	-
		-	25. движение	-	-	26. движение	-	-
		-	26. движение	-	-	27. движение	-	-
		-	27. движение	-	-	28. движение	-	-

→ ВЛАСТИЧАСТНАЯ СОСТОЙКА		29. переводить *переносить	23	25+9
32. переходить через	61	26+13	—	—
33. перепрьгивать через	—	—	—	—
34. следовать за	95	90	—	—
35. логонять	—	—	—	—
36. отставать	34	10	—	—
37. наступать	33	—	—	—
38. лежать (-движ.)	157	71	—	—
39. ложиться	74	26+22	—	—
40. сидеть (-движ.)	291	178	20.*посиделки	—
41. садиться	230	42+30	—	—
42. стоять (-движ.)	373	135	—	—
43. отставать (из положения силы, лежа)	125	45+22	—	—
44. отставать (переставать двигаться)	135	45+22	21. остановка	17
45. падать	84	32+11	22. надение	—
46. висеть (-движ.)	50	28	—	—
			33. обстановливать	28
			34. ронять	—
			валить	—
			35. вешать	16
			36. снимать	90

3.14. Приветствия, прощания и жалобы

1. привет	-	78	6. бог в полоночь	-	-	11. не стоит
2. здравствуй,	-	90	7. до свидания	-	-	12. незачто
3. доброе утро	-	-	8. счастливого пути	-	-	и т. д.
4. добрый вечер	-	-	9. спасибо.	-	-	
5. добрый день	-	-	10. пожалуйста	76	116	
					97	217

Действие		Инструмент		Место действия	
Действие	Инструмент	Действие	Инструмент	Действие	Инструмент
1. работать	473	244+11	—	—	—
2. делать	691	251+208	—	—	—
3. копать	—	—	—	1. земля	—
4. пахать	—	—	—	2. поле	—
5. сеять	—	—	—	—	—
6. сажать	—	—	—	3. огород	—
7. полоть	—	—	—	—	—
8. окучивать	—	—	—	—	—
9. жать	—	—	—	—	—
10. косить	—	—	—	4. луг	—
11. пасти	—	—	—	5. пастбище	—
12. стирать	—	—	—	—	—
13. донять	—	—	—	6. хлев	—
14. сбирать	106	30+13	—	—	—
15. ловить	56	18+15	—	7.* рыбалка...	—
16. охотиться	—	—	—	8. кузница	—
17. править	—	—	—	—	—
18. ткать	—	—	—	—	—
19. шить	—	—	14	—	—
—	—	—	—	—	—
20. ковать	—	—	—	—	—
21. укладывать	—	—	—	—	—
22.* засыпать	—	—	—	—	—
23. касаться	—	—	—	—	—
24. вязать	—	—	—	—	—
25. скоблить	—	—	—	—	—
26. гончарный круг	—	—	—	—	—
27. кисть	—	—	—	—	—
28. пила	—	—	—	—	—
29. топор	—	—	—	—	—
30. прорезок	—	—	—	—	—

3.15. Трудовая деятельность [www.1267-147]

Действие	Инструмент	Место действия
1. рабочий	-	-
2. зенитекоп	1. лопата	1. земля
3. пахарь	2-3. плуг, соха	2. поле
-	-	-
-	4-5. мотыга, тяпка	3. огород
-	-	-
4. жнец	6. серп	4. луг
5. косарь	7. коса	5. пастбище
6. пастух	8. кнут	-
7. пирожмакер	9. ножницы	6. хлев
8. лоярка	10. подойник	-
-	11-2. корзина, мешок...	7.* рыбалька...
-	13-6. *сеть, *удочка, *слишки,	-
-	*капкан...	-
10. охотник	17. ружье	8. куднина
11. прях	18-3. пилька, вёретено	-
12. ткачиха	20. ткацкий станок	-
13. пресня	21-2. игла, нитка	-
14. саножник	23. шило	-
15. кузнец	24-5. молот, наковальни	-
16. лужнец	26. гончарный круг	-
17. гончар	27. кисть	-
18. маляр	28. пила	-
-	29. топор	-
-	30. проволок	-

Место действия

Инструмент

Действие

168	26. тесать	-	-	20. плотник	-	-
	27. строгать	-	-	21. столяр	30. рубанок	9. стройка
	28. сколачивать	-	-	22. строитель	31—2. гвоздь, молоток	10.*баня
	29. строить	130	19	-	-	11. прачечная
	30. мыть	19	17	23. прачка	33. щетка...	12. кухня
	31. стирать	-	-	-	34—5. мыло, корыто...	
	32. подметать	-	-	24. кухарка	36—7. веник, метла	
	33. варить	-	18	-	38. кастрюля...	
	34. жарить	-	8	-	39—40. сковорода, вертел	
	35. кипятить	-	-	-	41—2. котел, чайник...	
	36. зажигать	25	-	-	43. спичка	
	37. жечь	-	-	-	44—5. костер, печь	
	38. гасить	-	-	-	46. тряпка	
	39. вытирать	-	-	-	47—9. караудаш, ручка,	
	40. писать	371	138	-	*письмо	
	41. читать	185	112	25. читатель	50.*книга	
	42. рисовать	-	11	26. художник	51. краски...	
	43. привить	-	-	27. возница...	52—3. телега, сани	
	44. запрягать	-	-	-	54—5. хомут, оглобли	
	45. седлать	-	-	-	56. седло...	
	46. грести	-	-	-	57—8. лодка, весло...	
	47.*отрывать	62	43+27	28. игрок	59. игра	
	48.*играть	129	27	-	-	
	49.*уставать	33	35+12	-	-	
	50.*ждать	204	86	-	-	
	51.*опаздывать	-	-	-	-	

4. ЗАМЕСТИЛИ

4.1. Вопросительные, указательные, кванторные, неопределенные местоимения и наречия [ГНН 1418—1499]

(частоты даны под словами)

Вопрос	Указание	Кванторы	Неопределенность						
			1. кто	2. что	3. какой	4. который	5. как	6. где	7. куда
1. кто	561 237	этот 4554 400 2. тот 2005 360	1. все, весь, вся 3082 385	11. никто 205 141	1. кто-то, некто 96 72	12. кто-нибудь 46 60	22. кое-кто 11 —		
2. что	1670 371	3. это 86 374 4. то 761 331	2. все 245 347	12. ничего 390 284	2. что-то, нечто 199 227	13. что-нибудь 75 141	23. кое-что 28 25		
3. какой	582 339	5. такой 1083 394	3. всякий 109 158	13. никакой 101 140	3. какой-то 203 255	14. какой-нибудь 47 127	24. кое-какой 123 84		
4. который	395 287	—	4. каждый 587 162	—	—	—	25. некоторый 8 —		
5. как	1438 400	6. так 1144 400	5. по-всякому —	14. никак 60 90	4. как-то 88 290	15. как-нибудь 13 60	26. кое-как 8 —		
6. где	273 164	7. здесь 577 234	6. всюду 36 9	5. где-то 16 32	5. где-нибудь 52 102	16. где-нибудь 11 48	27. кое-где 8 —		
7. куда	134 118	9. туда 464 381	7. всюду 36 9	16. никуда 30 4	6. куда-то 21 41	17. куда-нибудь 8 55	28. кое-куда —		
	10. сюда 135 115	10. сюда 11. оттуда 49 51	17. ниоткуда —	18. откуда-нибудь 8 —	19. откуда-нибудь —	20. кое-откуда —			

9. сколько	12. отсюда 37 29	13. столько 58 48	9. всего 48 74	18. никаколько —	8. сколько-то —	19. сколько-нибудь —	30. несколько 264 113
10. когда	14. тогда 623 302	10. всегда 288 273	228 190	19. никогда 156 111	9. когда-то 39 26	20. когда-нибудь 17 17	31. некоторы —
11. зачем	15. для того, затем 129 92	—	—	20. несачем —	10. замеч-то —	—	32. кое-зачем —
12. почему	16. потому 292 239	—	—	21. иштчего —	11. почему-то 41 41	21. отчено-нибудь —	33. кое-отчего —

4.2. Личные, притяжательные и возвратные местоимения [№ 1500–1518]

Лицо	Лицо+возвратность	Признаки объектов
1. я	5242 400	1. мой 608 251
2. ты	2166 278	2. твой 183 96
3. он, она	6067 371	3. его, ее — 104+59
4. мы (инкл. и экскл.)	2616 380	4. мы сами 1157 238
5. вы	1964 331	5. вы сами 326 162
6. они	3033 363	6. они сами 46
		7. свой 1755 255

Приложение 6

ОБРАЗЕЦ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
[см.: глава 3, § 3.1]

Short description

A method is offered to organise a corpus of sentences with the help of punch cards. Every punch card contains a single sentence (isolated or taken from a text). Then the punch card is marked according to the adopted system of classification to make the subsequent retrieval of examples of a certain grammatical phenomenon easier. A sample of classification includes address features (the personal code of a student and the number of the sentence in the corpus) as well as various grammatical (morphological and syntactical) features (fragments of semantics and phonetics are also represented) introduced a priori. In the process of investigation their meanings become more concrete and modify according to a particular language. For features that it becomes necessary to introduce in the process of investigation a special zone is reserved.

Storage of a corpus of sentences on punched cards makes data processing much easier, particularly when they are collected by a group of students simultaneously and when it is necessary to look through them many a time.

Образец перфокарты
с размеченными признаками

Пояснения к классификационным признакам, размечаемым на перфокарте

(а) Верхняя сторона перфокарты (формальные признаки).

Пары ячеек с №№ 1–14. Каждая пара ячеек отведена для каждого участника экспедиции. По глубокой ячейке идет маркировка предложений, собранных данным исследователем, по мелкой – маркировка предложений, просмотренных им (в процессе работы сразу видно, какие карточки данный исследователь уже видел, а какие нет).

№№ 15–20. Шесть пар ячеек кодируют номер предложения (если оно изолированное) или номер текста (если оно взято из текста). Номера текстов кодируются однозначно, а предложения – с точностью до десятка. С помощью двух пометок можно закодировать 30 номеров (30 текстов или 300 предложений). 31-й номер приравнивается к 1-му и так далее. В каждом ромбе содержится два номера: четный и нечетный (нечетные для краткости не обозначены), номер кодируется ячейками, к которым подходят диагонали, являющиеся продолжением сторон ромба, причем четные маркируются так, что слева идет глубокая вырезка, а справа мелкая, нечетные же наоборот: мелкая вырезка – глубокая.

№ 21. По мелкой ячейке маркируется предложение из текста, по глубокой – из текста-диалога.

№ 22. По мелкой ячейке маркируется изолированное предложение, по глубокой – изолированное предложение, переведенное с русского.

Номер, задаваемый ячейками 15–20 и 21, указывает, что это предложение из текста такого-то, а ячейками 15–20, 22 и 1–14 – что это изолированное предложение № такой-то с точностью до десятка, записанное таким-то исследователем.

№ 23. По мелкой ячейке маркируется, что данное предложение является примером, а по глубокой – семантическим примером.

№ 24. Данное предложение – трансформ: получено в результате преобразования некоторого другого предложения.

(б) Нижняя сторона перфокарты (содержательная классификация: классы служебных морфем, слов и связанные с ними типы конструкций).

№№ 1–12. Классы слов (части речи).

№№ 1–3. Существительное.

№ 1. Основные косвенные падежи неместного и неинструмен-

тального значения: родительный и дательный (в случае их отсутствия маркируются те средства, которыми выражается их семантика).

№ 2. По мелкой ячейке – прочие косвенные падежи, по глубокой – они же в метафорическом значении.

№ 3. Множественное число – по мелкой ячейке, конструкции с послелогами или предлогами – по глубокой.

№№ 4–7. Глагол.

№№ 4–5. Типы основ ("настоящего" и "прошедшего" времени – в каждом конкретном языке-объекте эти признаки реализуются по-разному; глубокие ячейки оставляются в резерве для более детальной классификации).

№ 6. Косвенные модальности – по мелкой ячейке; повелительное наклонение – по глубокой.

№ 7. Отрицание – по мелкой ячейке, прочие глагольные категории (различные для каждого языка) – по глубокой.

№ 8. Глаголоиды – отглагольные части речи (типа причастий, инфинитива, масдара, деепричастия и т.п.). По мелкой ячейке – именные (выполняющие именную функцию), по глубокой – глагольные (выполняющие предикативную функцию).

№ 9. Местоимения – по мелкой ячейке, личные местоимения – по глубокой.

№ 10. Прилагательное; зависимое – по мелкой, независимое (субстантивированное) – по глубокой.

№ 11. Наречие; исконное – по мелкой, производное – по глубокой.

№ 12. Служебные слова, частицы – по мелкой, междометия – по глубокой ячейке.

№№ 13–16. Элементы синтаксиса, связанные с теми или иными разрядами слов.

№ 13. Наличие сильного управления: глагольного (кроме предикативной синтагмы) – по мелкой ячейке, или именного – по глубокой.

№№ 14–15. Типы предикативных синтагм.

№ 14. Номинативная конструкция; при непереходных глаголах – по мелкой, при переходных – по глубокой.

№ 15. Неноминативные конструкции: эргативная – по мелкой ячейке, дативная и прочие – по глубокой. Если нет противопоставления номинативных конструкций неноминативным, № 14 разбивает предложения на имеющие переходный и непереходный глаголы (ядерные конструкции SVO и SV), а № 15 спецификуется применительно к языку-объекту (например для пассивных конструкций).

№ 16. Обстоятельства; временные – по мелкой ячейке, прочие – по глубокой.

№№ 17–23. Маркировка необычных (с точки зрения наших представлений о языке-объекте) или интересных явлений в языке-объекте. Маркировка необычных явлений может начаться после того, как выработаны субъективные представления исследователя о норме.

№ 17. Необычный порядок слов. По мелкой ячейке отмечается необычное расположение в предложении субъекта, предиката и объекта (группы SVO), по глубокой – прочих элементов предложения.

№№ 18–24. Все вводимые признаки разделяются на характеризующие имя или глагол, в первом случае маркировка идет по мелкой ячейке, во втором – по глубокой.

№ 18. Необычное словоизменение – наличие в какой-нибудь форме необычных служебных морфем или необычный их порядок.

№ 19. Необычная фонотактика (необычные чередования, морфемные стыки и т.п.).

№ 20. Необычное значение служебных морфем (употребление их не в основной функции: например, употребление показателя инфинитива в русск. *взять его!*).

№ 21. Необычный тип словосочетания (*сиди я здесь, меня бы поймали*); по мелкой ячейке, если вершиной является имя; по глубокой – если глагол.

№ 22. Интересное разложение значения слова на составляющие, например, значение русск. *околица* может быть разложено на: *околица*¹ = 'результат вбивания совокупности колов' (=S_{res} Caus Oper Mult (кол)) и *околица*² = 'то, что около, вокруг' (=S_o (около)).

№ 23. Интересная устойчивая сочетаемость, описываемая параметрически (в смысле И.А. Мельчука и А.К. Жолковского).

№ 24. Дериваты (ставшие именем – по мелкой ячейке, глаголом – по глубокой).

(в) Левая сторона перфокарты (синтаксис).

№№ 1–4. Характеристика типа простого предложения.

№ 1. Простое предложение – по мелкой ячейке, простое с однородностью (субъекта или предиката) – по глубокой.

№ 2. Неопределенно-личное предложение.

№ 3. Вопросительное – по мелкой, побудительное, восклицательное – по глубокой.

№ 4. Сравнительное (*лев храбрее зайца*) – по мелкой, эквивалентное (*лев – царь животных*) – по глубокой.

№ 5. Сложно-сочиненное предложение; с однородными компонентами – по мелкой ячейке, с противопоставлением компонентов – по глубокой.

№ 6. Сложно-подчиненное предложение; бессоюзное – по мелкой ячейке, с союзами – по глубокой.

№№ 7–11. Классифицируют распространенные предложения с точки зрения выражаемых ими смыслов; по мелкой ячейке – если данный смысл выражается средствами простого предложения, по глубокой – сложного.

№ 7. Причина (*я отсутствовал из-за занятости; я отсутствовал, так как был занят*).

№ 8. Цель (*я иду за водой; я иду, чтобы принести воду*).

№ 9. Распространенное определение (*построенный в прошлом году дом; дом, который построили в прошлом году*).

№ 10. Время (*он встал до восхода солнца; он встал до того, как взошло солнце*).

№ 11. Распространенное дополнение (*я попросил его навестить моего друга; я попросил его, чтобы он навестил моего друга*).

№ 12. Косвенная речь (по мелкой и глубокой ячейке могут классифицироваться различные формальные способы выражения косвенной речи).

№ 13. Уступление – по мелкой, условие – по глубокой.

(г) Правая сторона перфокарты – резервная: в процессе работы обычно появляется необходимость более содержательной классификации, учитывающей специфику языка-объекта.

О ГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. Место полевой лингвистики в теоретическом и прикладном языкоzнании	
§ 1. Проблема изучения малоописанных языков	7
§ 2. Полевая лингвистика как раздел описательного языкоzнания	9
§ 3. Методы полевой лингвистики, связь ее с другими лингвистическими дисциплинами	11
ГЛАВА 2. "Целевой цикл" в полевой работе	
§ 1. Необходимость анкет и тестов	29
§ 2. Фонетика	31
§ 2.1. Требования к универсальной фонетической транскрипции	33
§ 2.2. Фонетическая транскрипция	35
§ 2.3. Использование транскрипции	42
§ 3. Морфология	44
§ 3.1. Метод обнаружения морфологических единиц	47
§ 3.2. Образец метаязыкового исчисления грамматических значений (на материале пространственных значений)	49
§ 3.3. Образец анкеты диагностических высказываний на языке-посреднике (значения в именных словосочетаниях, исключая пространственные)	52
§ 4. Синтаксис	53
§ 5. Лексика	57
ГЛАВА 3. Организация полевой работы	
§ 1. Основные этапы полевой работы	65
§ 1.1. Целевая установка	67
§ 1.2. Первое знакомство с языком	69
§ 1.3. Обнаружение основных грамматических категорий	74
§ 1.4. Опрос по системе: гипотеза ₁ → данные ₁ → → гипотеза ₂ → данные ₂ → ... → добытое знание	75
§ 1.5. О практическом изучении языка	78
§ 2. Работа с информантом	79
§ 2.1. "Человеческий фактор" в полевой работе	79
§ 2.2. Извлечение лингвистических данных	85

§ 3. Сбор лингвистических данных	90
§ 3.2. Корпус текстов	93
§ 3.3. Корпус лексем	96
§ 3.4. Парадигмы	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Универсальная фонетическая транскрипция на латинской основе (вариант МФА)	102
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Образец анкеты в виде исчисления (пространственные грамматические значения)	111
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Образец анкеты в виде набора диагностических высказываний (непространственные значения в именном словосочетании)	119
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Примерный список предложений для первичного знакомства с лексикой и грамматикой языка-объекта	131
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Словарь-минимум (примерный список слов (смыслов) для сбора лексики)	135
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Образец грамматической классификации предложений	171

CONTENTS

PREFACE	5
CHAPTER 1. The role of field linguistics in theoretical and applied linguistics	7
English summary	8
§1. The problem of investigation of insufficiently studied languages	9
§2. Field linguistics as a branch of descriptive linguistics	11
§3. Methods of field linguistics and its relation to other linguistic disciplines	17
CHAPTER 2. Preliminary stage ("zero cycle") in field work	29
English summary	30
§1. The necessity for questionnaires and tests	31
§2. Phonetics	33
§2.1. Conditions on Universal Phonetic Transcription	35
§2.2. Phonetic transcription	42
§2.3. Use of transcription	44
§3. Morphology	47
§3.1. A method of discovery of morphological entities	47
§3.2. A sample of metalinguistic calculus of grammatical meanings (for the case of space meanings)	49
§3.3. A sample of questionnaires of diagnostical utterances in the mediator language (meanings in noun phrases, except space meanings)	52
§4. Syntax	53
§5. Lexicon	57
CHAPTER 3. Organization of field work	65
English summary	66
§1. Basic stages of field work	67
§1.1. Ultimate aim	67
§1.2. First encounter with a language	69
§1.3. Discovery of basic grammatical categories	74
§1.4. Interrogation according to the following system: hypothesis ₁ → data ₁ → hypothesis ₂ → data ₂ → ... → elicited knowledge	75
§1.5. On practical learning of a language	78
§2. Work with an informant	79
§2.1. The "human factor" in field work	79
§2.2. Eliciting of linguistic data	85

§3. Collection of linguistic data	90
§3.1. Corpus of sentences	90
§3.2. Corpus of texts	93
§3.3. Corpus of lexemes	96
§3.4. Paradigms	101
CONCLUSION.	102
APPENDIX 1. Universal Phonetic Transcription on the Latin base (a variant of the IPA)	103
Short English description	104
APPENDIX 2. A sample of questionnaires in the form of a calculus (space grammatical meanings)	111
Short English description	112
APPENDIX 3. A sample of questionnaires in the form of a set of diagnostical utterances (non-space meaning in a noun phrase)	119
Short English description	120
APPENDIX 4. An approximate list of sentences for the first encounter with the lexicon and grammar of the target language	131
Short English description	132
APPENDIX 5. Minimum dictionary (an approximate list of words (senses) for collection of vocabulary	135
Short English description	136
APPENDIX 6. A sample of grammatical classification of sentences	171
Short English description	172

ПОДП. К ПЕЧАТИ 19/1У-72 Г. Л-109331. Ф. 60x90/16
БУМ. ОФС. № 2. ФИЗ.ПЛ. 11 5. УЧ.-ИЗД.Л. 10,51.
ЗАКАЗ 1346. ТИРАЖ 1550. ЦЕНА 28 КОП.

ОТПЕЧТАНО НА РОТАПР'ИНТАХ В ТИП. ИЗД. МГУ
МОСКВА, ЛЕНГОРЫ

Цена 28 коп.